

Тихомиров
Лев Александрович

Единоличная власть как принцип государственного строения

[Текст приводится по изданию: Л.А. Тихомиров, Единоличная власть как принцип государственного строения. — Нью-Йорк: National Printing & Publishing C., 1943 г.]

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

- I. Невнимание общества к пониманию принципов власти. — Их научная необследованность. — Важность обследования.
- II. Единоличная власть. — Принцип демократии. — Противоположение политических типов.
- III. Отношение общества к государственности. — Идеи анархические. — Психология основы политики.
- IV. Свобода и власть. — Их кажущееся противоположение. — Их единство. — Власть, как основа общества.
- V. Государство, как завершение общества. — Государство, как охрана свободы. — Неизбежность государственности.
- VI. Верховная власть, как основа государства. — Правительство и подданные. — Различение нации, государства и верховной власти.
- VII. Простота принципа верховной власти. — Сложность принципов управления. — Монархия, теократия, демократия. — Ложное учение о «современном» государстве.
- VIII. Русская наука о «современном» государстве. — Ложная идея сочетанной верховной власти. — Идеалы всемирной «нивелировки». — Воображаемая новизна этих идей.
- IX. Отсутствие «новизны» в основных силах политики. Учение Полибия.
- X. Общие признаки верховной власти. — Учение Руссо. — Ошибки конституционной теории. — Воображаемое сочетание «единства» из противоположностей.
- XI. Причины современных ошибок. — Различие между верховной властью и управлением. — Неизбежная сочетанность органов управления. — Неизбежное единство принципа верховной власти.
- XII. Действительный смысл «современного» государства. — Демократия в новых условиях. — Важность ясного понимания идеи верховной власти.
- XIII. Три вечных принципа верховной власти. — Учение Аристотеля. — Попытки поправок. — Их невозможность. — Аксиоматическая несомненность трех принципов верховной власти.
- XIV. Древние определения. — Рассказ Геродота. — Характеристика основных принципов власти.
- XV. В чем может быть «новизна» политических явлений. — Появление и эволюция разновидностей основных форм.
- XVI. Слабость политического сознания. — Грозный. — Петр Великий. Господство частного вдохновения над принципом. — Подрыв собственной идеи власти. — Вторжение абсолютизма.
- XVII. Внутренний смысл трех основных принципов власти. — Психологические основания перехода каждого из них в значение верховной.
- XVIII. Монархия как верховенство нравственного идеала. — Значение религии и христианства. — Независимость монархии от народной воли. — Подчинение монархии народной вере.
- XIX. Примеры истории. — Политический идеал, выдвигаемый идеалом религиозным. — Самостоятельность этого процесса.
- XX. Евангельское учение о власти. — Власть, как установление Божеское. — Власть христианская.
- XXI. Идея верховной власти в истолковании Иоанна Грозного.
- XXII. Идея власти по народным поговоркам.
- XXIII. Значение чувства и сознательности в психологической основе власти.

- [XXIV. Стихийность нашей истории. — Недостаток научной мысли.](#)
- [XXV. Проницательность народного инстинкта. — Народ и Иоанн. — Смутное время. — Восстановление самодержавия. — Карамзин. — Почему самодержец не может ограничить своей власти.](#)
- [XXVI. Слабость политического сознания. — Грозный. — Петр Великий. Господство частного вдохновения над принципом. — Подрыв собственной идеи власти. — Вторжение абсолютизма.](#)
- [XXVII. Слабость научной мысли. — А. Градовский. — Источники познания государственного права. — Успехи нашей науки. — Б. Чичерин. — Романович-Славятинский. — Недостаточность успехов. — Смещение самодержавия и абсолютизма.](#)
- [XXVIII. Абсолютизм есть идея демократии. — Принятие абсолютизма Европейской монархии. — Ложное отождествление монарха и государства. — Ложная теория отречения народа от своей воли. — Бессилие абсолютной монархии. — Ее переход в деспотию или демократию.](#)
- [XXIX. Восточный тип монархии. — Подчинение силе. — Влияние Востока на Византию и Запада на Россию.](#)
- [XXX. Резюме отношений общества, государства и власти.](#)
- [XXXI. Династичность. — Ее психологическая неизбежность. — Ее полезное значение.](#)
- [XXXII. Первые задачи монархии. — Сохранение в народе и власти господства нравственного идеала. — Общение власти и нации. — Участие верховной власти в социальном строении.](#)
- [XXXIII. Абсолютизм и бюрократия. — Упразднение бюрократией национальной работы и социальных авторитетов. — Бюрократическое «средостение».](#)
- [XXXIV. Идея конституционная. — Представительство. Общение власти и нации. — Земские соборы.](#)
- [XXXV. Отношение государства к Церкви. — Вопрос о их отделении. — Невозможность этого в монархии. — Воспитательное значение Церкви. — Области ведения Церкви и Государства. — Их отдельность и их союз.](#)
- [XXXVI. Государство и социальный строй. — Классы и сословия. — Сословность монархического строя. — Причины этого. — Бессословность и бюрократизм.](#)
- [XXXVII. Задачи осведомления и общения власти и народа. — Значение сословности.](#)
- [XXXVIII. Аристократический и демократический элементы в монархическом управлении.](#)
- [XXXIX. Право и свобода. — Их оттенки при различных основах верховной власти. — Демократическое построение обязанности на основе права.](#)
- [XL. Монархическая установка права на основе обязанности.](#)
- [XLI. Контроль подданных. — Ошибочность идеи Блюнчли. — Истинное место контроля. — Основа права на обязанности.](#)
- [XLII. Свобода. — Самоуправление. — Свобода личности.](#)
- [XLIII. Консерватизм и прогресс. — Различные свойства различных основ власти.](#)
- [XLIV. Универсальность и совершенство верховной власти. — Сравнительные свойства монархии. — Ее возможное будущее.](#)

ЗАВЕЩАНИЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III НАСЛЕДНИКУ

«...формы власти стали ныне предметом великой исторической борьбы, от которой не в праве стоять в стороне ни один мыслящий человек, ибо здесь каждая малая сила на той или иной чашке весов способна дать перевес решениям неизмеримой важности.»

(Л.А.Тихомиров, 1897 г.)

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Война, особенно с момента вступления в нее Советской России, вывела россиян из состояния дремоты, в которую они погрузились, обжившись и приспособившись в странах, куда их привела судьба, оживила уже начавшие потухать от безнадежности мечты о Грядущей России, а у некоторых и о возвращении на родину.

Многие ли из числа мечтающих о Грядущей России рисуют себе с должной определенностью ее государственное и общественное устройство и представляют себе, чем они могут быть полезны в ее воссоздании и укреплении?

Многие ли из числа стремящихся на родину уяснили себе, что они могут внести туда? Определили ли они то самое важное, самое необходимое, чего не могло образоваться в Советской России при существовавшем и продолжающем существовать там политическом, научном и нравственном гнете, при полной невозможности духовного и умственного развития вне узких рамок казенного материализма, но что было возможно выработать всюду за пределами «самой свободной» страны?

Пришли ли они к тому убеждению, что величайшая потребность России — это национальная идея, идея, опирающаяся на все, что было лучшего в нашем прошлом, идея, вызывающая к самым глубинным и самым могучим инстинктам русского народа?

Пришли ли они к убеждению, что основная задача для русской эмиграции — это выработка целостного миросозерцания, во главу которого положены русские национальные нравственные, государственные и общественные принципы?

Миросозерцание и убеждения не одно и то же. Убеждения — религиозные, политические, общественные и иные — это принципиальные положения, принятые для руководства в жизни, правила жизни. Эти правила — выводы, с неизбежностью вытекающие из данного миросозерцания, в краткой их формулировке. К сожалению, многие, обзаведшись подходящими по их мнению убеждениями, нисколько не обеспокоены тем, чтобы за этими убеждениями стояло соответствующее миросозерцание. Благодаря этому их убеждения оказываются лишенными какого-либо обоснования, а потому шаткими. Только тщательно выработанное миросозерцание дает непоколебимость убеждениям.

В области политических убеждений можно быть человеком идейным, но одной идейности мало, нужно, чтобы она основывалась на серьезном политическом образовании, ибо без образования невозможна выработка миросозерцания.

В монархической России представители национальных течений государственной мысли не считали для себя необходимым углубляться в исследование научных оснований и выяснение принципов своих политических убеждений.

«Да разве у нас кто интересуется политическими книгами и следит за ними?... У нас политическая литература и наука и для министров-то «Филькина грамота»...», — говорил К.П. Победоносцев.

«Чем больше я, — писал Лев Тихомиров, — наблюдаю наши общественные и правящие круги и администрацию, тем более убеждаюсь в их политической малосознательности... Спросите самого правоверного монархиста: почему он монархист и в чем его политическая вера? Кроме, стереотипных, славянских лозунгов «за самодержавие, православие и русскую народность» он ничего другого не сумеет сказать, определить и доказать».

Эту «политическую малосознательность», естественно, вывезла с собой за границу и русская национально-мыслящая эмиграция. Хотя в ее среде не мало лиц, игравших в Царской России видную роль, но часто эти люди политически совершенно неподготовленные, даже не могущие доказать, почему они считают себя именно монархистами, а не чем-нибудь иным.

Русская зарубежная молодежь являет в этом отношении картину еще более грустную. По младенчеству лет она не могла вывезти никаких убеждений из России; в значительной своей части она ее даже совсем не видела или не помнит. «Отцы по отсутствию ли или смутности своего миросозерцания, по недостаточному ли сознанию необходимости внедрения в своих детей, растущих за границей, русских национальных принципов, по трудности ни борьбы с местными влияниями, или в силу каких-либо иных обстоятельств, не вдохнули, за малыми исключениями, в своих детей русских национальных начал. Русская зарубежная молодежь в значительной части своей стала нерусской, хотя часто в то же время не слилась по духу с населением страны рассеяния.

Между тем приближается момент, решающий судьбу большевизма.

Наступило уже время мечтающим о Грядущей России, мечтающим о действительной помощи в деле ее возрождения, мечтающим о возвращении на родину или родину отцов своих незамедлительно заняться всерьез приведением своего миросозерцания в соответствие с основной идеей, опирающейся на все, что было лучшего в родном прошлом, ибо только эмиграция, пользовавшаяся достаточной свободой и возможностью для выработки ее, может внести национальную идею, столь необходимую для возрождения России.

Укрепление, а тем более выработка миросозерцания — дело серьезное, требующее времени и труда, работа тем более нелегкая, что производить ее приходится не только в порядке индивидуальном, но в порядке, так сказать, самообучения. В основу ее должно быть положено изучение русской истории в свете национальной идеи. Для этого необходимо, чтобы эта идея существовала в уме изучающего не в форме сухого утверждения, но облеченная плотью хотя бы теоретических доказательств. Самостоятельное установление этих доказательств не каждому под силу. Необходимые для этой цели книги, количество которых всегда было ограничено, в настоящее время достать почти невозможно, а такие классические труды, как труды Льва Тихомирова, стали положительно библиографической редкостью.

Лев Тихомиров является, без сомнения, самым крупным из идеологов русской национальной идеи; никто другой не обрисовал и не обосновал ее с такой полнотой, ясностью, логичностью, убедительностью и в то же время объективностью и беспристрастностью, как он.

Внешние факты жизни Льва Тихомирова таковы:

родился 19 января 1852 г. на Кавказском побережье Черного моря в военном укрепении Геленджик, где отец его был военным врачом. Кончил курс керченской Александровской гимназии и осенью 1870 г. поступил в Московский университет. 11 ноября 1873 г. был арестован по делу 193-х. Пробыл более четырех лет в Петропавловской крепости, откуда освобожден в январе 1878 г. Не желая быть под административным надзором, он скрылся от родителей, у которых жил по освобождении и в октябре 1878 г. перешел на нелегальное положение. Летом 1880 г. обвенчался с Екатериной Дмитриевной Сергеевой. Летом 1882 г. он с женой эмигрировал за границу, сперва в Швейцарию, а затем во Францию, 12 сентября 1888 г. он подал на Высочайшее имя просьбу о помиловании и разрешении вернуться в Россию, что и было даровано ему Высочайшим повелением, состоявшимся 10 декабря 1888 г., 16 января 1889 г. Тихомиров выехал из Парижа и 20 был в С.-Петербурге. До конца августа 1890 г. он жил с матерью в Новороссийске, куда из-за границы приехала и его семья. 12 июля 1890 г. состоялось Высочайшее повеление об освобождении Тихомирова из-под административного надзора, и с 3 сентября того же года он поселяется в Москве. Скончался в октябре 1923 г. в Сергиевском посаде, под сенью Троице-Сергиевской лавры.

Для некоторых из писавших о Льве Тихомирове, однако, личность и жизнь его кажутся совершенно исключительными.

Вл. Маевский — автор наиболее обстоятельной биографии Льва Тихомирова — находит его жизнь настолько яркой и исключительной, что начинает свой очерк вопросом: «Почему о Льве Тихомирове до сих пор не написан роман? Если бы Достоевский прожил еще несколько лет, ему не удалось бы уйти от соблазна этой темы. Лев Тихомиров не только исключительно интересный образ смятенной души, не только яркая жизнь, но именно тема, замечательная фабула... В известном смысле это единственная фигура в истории русской революции».

Для Веры Фигнер Лев Тихомиров «представляет редкий по характерности тип человека, одна половина жизни которого составляет полную противоположность другой».

Самый факт перехода из «прогрессивного» лагеря в лагерь «реакционеров», «обскурантов» и «мракобесов» не представляет ничего исключительного; издавна наши либералы и радикалы сокрушались, что из молодежи, «вдохновленной самыми высокими идеалами», выходят затхлые обыватели и чинуши. Поражать может, если позволено будет так выразиться, диапазон происшедшего изменения в мирозерцании, интервал между начальным и конечным тоном этого изменения.

Автор пропагандных брошюр и пропагандист, один из самых ярких идеологов революции, член Исполнительного Комитета партии, организовавшей царевубийство, редактор ее партийного органа, ее главнейший идеолог и автор «Письма Исполнительного Комитета» императору Александру III после события 1 марта 1881 года, излагавшего желания партии, таков Лев Тихомиров в первой половине своей жизни.

«Если мы отбросим все наговоры и неточности, — пишет он В.К.Плеве 7 августа 1888 года — остается все таки факт, что в течение многих лет я был одним из главных вожakov революционной партии, и за эти годы, сознаюсь откровенно, сделал для ниспровержения существующего правительственного строя все, что только было в моих силах».

Автор многих статей и брошюр, доказывающих всю бесцельность революционных и особенно террористических актов, поборник эволюции, сотрудник, а позднее и редактор-издатель наиболее националистической и монархической газеты «Московские Ведомости», самый крупный идеолог русского национализма; в бытность министром внутренних дел П.А.Столыпина, Высочайше пожалованный чином статского советника и назначенный членом Совета министра внутренних дел; Высочайше награжденный золотой табакеркой; в 1907-08 годах член Предсоборного Сопровождения; общественный и политический деятель, про которого, перефразируя его собственные слова, можно сказать, что он сделал все, что только было в его силах для укрепления, обоснования и пропаганды того правительственного строя, стремление к ниспровержению которого ранее составляло содержание многих лет его жизни, — таков был Лев Тихомиров во второй половине его жизни.

Когда с бесспорностью выяснился факт «измены» Льва Тихомирова, на «рenegата» посыпались укоризны, обвинения и клеветы, устные, письменные и печатные. Дошло до того, что некий «старый экс-эмигрант» обвинял его в убийстве, а его жену в прелюбодеянии.

Должно, однако, отдать справедливость, что революционные деятели, ближе знавшие Льва Тихомирова, в своих воспоминаниях того времени, воздавали ему дань уважения за его благородство, что он никого не выдал и через него не пострадал никто из его революционных сподвижников.

Ближайшие друзья Льва Тихомирова, при известии об его «рenegатстве» ни на минуту не подумали о предательстве и не старались умалить его прежнее значение в революционном движении.

Однако для некоторых из них факт ухода его из революционных рядов представлялся настолько невероятным, что они не допускали, чтобы он мог произойти не как результат психического заболевания.

«Постоянное напряжение воли, столкновения в среде эмигрантов и революционные несчастья, постигавшие в России и за границей все начинания, в конце расшатали его нервы», — говорит Вера Фигнер. В этом состоянии отчаяния и распада все суеверия его предков, запряганные в темных закоулках бессознательного, выплывают из глубин, оживают и завладевают им: он больше уже не атеист, он ищет Бога, ищет указания с небес... У Тихомирова созревает мысль обратиться к царю Александру III с просьбой о возвращении в Россию. Он признает преступность и греховность своей прежней деятельности и отказывается от прежних убеждений... Дальнейшая дорога определена, и по приезде в Россию он ультраконсерватор и ультрамонархист... Он положительно болен — психически болен...»

Николай Морозов, отлично знавший Тихомирова, не разделяет, однако, этого мнения, он утверждает, что «этого всегда можно было ожидать.»

Революционеры более новой формации судят об эволюции мирозерцания Льва Тихомирова либо с обязательной партийной, либо с собственной специфической точки зрения. И тот и другой подход не блещет глубокомыслием.

Странно, что создавались самые хитросплетенные гипотезы для объяснения метаморфозы в мирозерцании Льва Тихомирова, тогда как его происхождение, семейная обстановка, общественные настроения его времени, его духовный и умственный склад, склад глубокого, холодного и строго логического мыслителя, бесстрашно анализировавшего все сущее в своем стремлении к правде и истине наконец, его заметки, воспоминания и дневники, дают, казалось бы, достаточный материал для установления причин происшедшей в нем перемены.

Со времени возвращения на родину Лев Тихомиров становится деятельным сотрудником «Московских Ведомостей» и «Русского Обозрения». Важнейшие из статей он выпускает отдельными изданиями: «Начала и концы», «Духовенство и общество в современном религиозном движении», «Конституционалисты в эпоху 1881 года», «Демократия либеральная и социальная», «Единоличная власть, как принцип государственного строения», «Знамение времени. Носитель идеала», «Земля и фабрика» и т.д. В 1905 году он выпускает свой основной труд — «Монархическая Государственность». Должно сознаться, что сочинения Тихомирова, вызывавшие одобрение высших правительственных кругов и даже таких скупых на похвалы лиц, как К.П.Победоносцев, имели очень мало читателей и поклонников среди интеллигенции, даже правого направления, левые их просто не читали, а правые находили их «чересчур серьезными», иными словами, скучными. Только революция 1905 года заставила

растерявшуюся власть и общество вспомнить Льва Тихомирова, и взоры политических деятелей и кругов обратились на него как на эксперта и знатока по революционным делам, могущего высказать веское суждение.

Со времени появления на свет «Монархической государственности» о Льве Тихомирове заговорили, как о самом умном человеке того времени. Лев Александрович стал желанным в правых политических кружках, куда его наперерыв зазывали, желая выслушать его мнение как признанного авторитета. Вспомнили и начали, едва ли не вновь, читать его политические статьи и отдельные книги.

«Монархическая государственность», несмотря на свою как бы партийную тему, по своему научно-объективному содержанию и задаче ни мало не принадлежит к партийной литературе. Автор апеллирует к разуму, а не к чувству, почему столь ценный в деле выработки мирозозерцания этот труд не пригоден для целей агитации и пропаганды. В значительной своей части он посвящен обрисовке общих основ государственности и установке основных принципов государственного права.

«Мне кажется», — говорит автор в предисловии к этому труду, — «что история есть в значительной степени повествование о вообще крайне малой человеческой сознательности в деле устройства своего политического строя. Это одинаково проявляется в монархиях и республиках, у правителей и у народов. Величайшую пользу людям приносит, по моему суждению все то, что сколько-нибудь увеличивает вечно недостающую им политическую сознательность, то есть понимание тех законов, которыми живет человеческое общество и государство.»

Будучи сам убежденным монархистом, Лев Тихомиров отнюдь не склонен считать, что монархический образ правления для всех народов во все периоды их исторической жизни, является наилучшим. Кроме того, каждая нация имеет свои, ей свойственные, пути культурного и в том числе государственного развития.

«Власть в обществах и государствах, — говорит он — является только в виде монархии, аристократии или демократии... Необходимо признать все эти три формы власти особыми, самостоятельными типами власти, которые не возникают один из другого... Это совершенно особые типы власти, имеющие различный смысл и содержание. Переходить эволюционно один в другой они никак не могут, но сменять друг друга по господству могут... Смену форм верховной власти можно рассматривать как результат эволюции национальной жизни, но не как эволюцию власти самой по себе... Сами по себе основные формы власти ни в каком эволюционном отношении между собою не находятся. Ни один из них не может быть назван ни первым, ни вторым, ни последним фазисом эволюции. Ни один из них, с этой точки зрения, не может быть считаем ни высшим, ни низшим, ни первичным, ни заключительным...»

«Монархическая Государственность» и по своему объему, и по чисто научному изложению, и по абстрактному сухому языку требует не чтения, а изучения, для которого не у каждого имеется время и которое не каждому представляется увлекательным. Новое переиздание этого капитального труда при существующих условиях и возможностях не представляется настоятельно необходимым.

В настоящий момент более соответственным является переиздание предлагаемого вниманию читателей труда Льва Тихомирова — «Единодержавие, как принцип государственного строения», дающего, по признанию самого автора, «очерк тех же идей», какие развивает «Монархическая Государственность», но в более кратком и простом изложении.

Позволим себе надеяться, что настоящее издание принесет пользу не только национально или монархически настроенной части русской эмиграции, но всякому, кто пожелает себе уяснить по объективному источнику основные принципы государственного устройства, что оно хоть немного увеличит недостающую нам политическую сознательность, то есть понимание тех законов, которыми живет человеческое общество и государство, хоть сколько-нибудь расширит и укрепит наше мирозозерцание.

I.

Невнимание общества к пониманию принципов власти. — Их научная необследованность. — Важность обследования.

Свойства и значение различных принципов власти, действующих в политике и социальной жизни, в настоящее время возбуждают чрезвычайно мало интереса в массе публики. Можно даже сказать, что большинство и не подозревает, что в этой области есть целые «вопросы», полные жгучего значения. Это большинство, довольствуясь двумя-тремя ходячими афоризмами, убеждено, что тут нечего более и узнавать, особенно в отношении начала **единоличной власти**. Это, однако, большая ошибка со стороны общественного мнения, и притом ошибка, влекущая за собою множество практически вредных последствий.

Само собою разумеется, что политический принцип, действовавший в течение тысячелетий, не мог, понятно, не обнаружить с достаточной ясностью многих сторон своих. Но точно также издревле люди наблюдали и, стало быть, до известной степени знали множество явлений астрономических и метеорологических. От такого рода знания, однако, очень далеко еще до научной астрономии и метеорологии. То же самое можно сказать о наших знаниях социологических, и особенно политических. Во многих отношениях они в настоящее время даже более хаотичны, нежели во времена чистого эмпиризма, ибо эмпиризм, не доверяя силе обобщающей мысли, по крайней мере, не смеет выходить из подчинения фактам. Он неспособен был овладеть ими и проникнуть во внутренний смысл их идеи, но, по крайней мере, не забывал их существования. Его выводы не недостаточны и поверхностны, но не фантастичны. Между тем первые попытки обобщающей мысли, сознавшей свою силу, но еще не успевшей овладеть фактами, сплошь и рядом совершенно фантастичны и, так сказать, отрицают факты. В этой стадии развития находится наука об обществе, социология, которой развитие отвлекло силы современного ума от собственно

политики и, сверх того, подрывает в политике старые эмпирические истины вторжением кое-как скомпонованных, каждое десятилетие меняющихся социальных теорий.

Развитие собственно **политической науки** в настоящее время весьма отстало от других наук, и человек, привыкший, например, к точной, твердой, научной постановке вопросов естествознания, филологии или даже политической экономии, — входя в область **государственного права**, чувствует себя в каком-то совершенно особом мире условностей, случайностей, противоречий. С трудом он может различить, что здесь действительно **научно**, т.е. составляет констатацию объективного факта и выяснение его внутреннего смысла, и что относится к области тех опаснейших недоразумений, которые создаются логикой, аргументирующей на ложных или фантастических посылках.

Такое состояние государственной науки еще более ухудшается от того, что она, не успев выйти из эмпирической стадии развития, захвачена была чрезвычайно сложной политической эволюцией, современных европейских стран, для объективного анализа которой у нее недоставало средств. Эта политическая эволюция европейской государственности при таком условии поколебала самые основные эмпирические понятия государственного права, не находившего в политической науке твердых основ для понимания текущих исторических явлений. Вместо того, чтобы руководить понятиями общественного мнения, государственное право при этом само в прискорбнейшей степени проникается его давлением и строит теории подчас столь же «научные», сколько была бы научна астрономия, если бы деятеля Пулковской обсерватории стали руководствоваться не показаниями телескопа, а рассказами окрестных обывателей деревень.

При таких условиях, политические понятия собственно общества, среднего круга людей, во многих других отношениях «образованных» в настоящее время оказываются запутанными до чрезвычайности. Для многих стало неясно самое понятие **государства** или **власти**, т.е. даже такие понятия, для уяснения которых политическая наука и государственное право могли бы дать публике очень многое, если бы пользовались его доверием. Даже в сфере этих элементарных понятий общество представляет легкую добычу самых диких отрицаний, самых фантастических надежд. Но само собой понятно, что человек, не знающий смысла **государственности** или **власти**, не может тем более ясно осознавать смысл **частных** форм государственности, с проявляющимися в ней формами власти монархической, аристократической или демократической.

Люди, знакомые с научным состоянием вопроса о формах власти, и достаточно пытливые, чтобы думать о них, конечно, не скажут, чтобы эти основы политики были настолько общеизвестны. Несравненно чаще, желая дать себе ясный отчет о действии различных форм власти, мы вынуждены придти к выводу, что многое в этой области не только не общеизвестно, а даже **никому неизвестно**, и еще стоит перед наукой как вопрос нерасследованный и неразрешенный. Человек, у которого потребность теоретического понимания окружающих явлений неспособна затихнуть перед обескураживающим зрелищем общего незнания, невольно вынужден делать попытки личных гипотез, как бы ни мало доверял себе. Таково, полагаю, действительное положение вопроса о формах власти, и если попытка рассуждения о государственном значении единодержавия могла бы быть неуместной, то никак не по общеизвестности вопроса, а скорее по его необследованности во многих существеннейших пунктах.

Это обстоятельство, однако, лишь увеличивает теоретический интерес вопроса.

Мы не можем сверх того забывать, что вопрос о власти, ее значении, форме и действии, имеет всегда, а особенно в настоящее время, не один теоретический интерес, а глубоко затрагивает наши обязанности гражданина.

Правильное понимание вопросов политической науки — приводит людей к познанию **искусства правления**, к умению **сознательного формирования общественной жизни**, а стало быть, и к разумному исполнению **личных обязанностей члена общества и подданного государства**.

А между тем формы власти стали ныне предметом великой исторической борьбы, от которой не в праве стоять в стороне ни один мыслящий человек, ибо здесь каждая малая сила на той или иной чашке весов способна дать перевес решениям неизмеримой важности.

II.

Единоличная власть. — Принцип демократии. — Противоположение политических типов.

В ряду основных вопросов политической науки начало **единоличной** власти возбуждает особенно жгучий интерес. История человеческой культуры вообще, история государственности в частности — до такой степени связана с ним, что иногда с трудом от него отделимы. Большая часть государственной жизни большинства народов протекла под господством монархического принципа. Теоретическое понимание такого видного факта истории не может не возбуждать сильного интереса. Он ещё более усиливается, когда мы вспомним что в настоящее время в культурнейших странах мира это начало власти стало предметом полного отрицания. Естественно, является вопрос «почему»? Почему начало власти, столько тысячелетий действительнейшее в истории, отрицается в настоящее время? Для нас, русских, этот вопрос, ещё более важен потому, что наша страна доселе живёт на основах монархической власти. Сверх того — вопрос высокого интереса создаётся ещё и тем, что наш монархический строй, — если не подбирать искусственно отдельных моментов, а взять тысячелетнюю историю России в совокупности, — никак не может быть признан ослабляющимся. Напротив, в общем, он от столетия к столетию развивается, и после каждой эпохи своего кажущегося упадка поднимается с силой, затмевающей предыдущие эпохи. Достаточно сказать, что именно XIX век у нас представил царствования Николая Павловича и Императора Александра III. В то время как в европейско-американском мире совершенно ясно все более развивается принцип **демократический**, у нас скорее можно считать наиболее развивающимся принцип **монархический**. В этом отношении между Западом и Востоком

Европы, быть может, также проявляется некоторое общее **противоположение**. Леруа Болье высказал однажды, что «расстояние» между Европой и Россией не уменьшается, а увеличивается, и объясняется это увеличивающееся несходство тем, что Европа движется по пути «прогресса» быстрее России. Невольно, однако, является, вопрос: не объясняется ли дело только тем, что мы движемся **разными путями**?

Западный мир последние столетия постепенно переходил к **демократическому** принципу, и в XIX веке мы видим лишь заключительное слово этого давно начавшегося процесса. В России не можем ли мы наоборот наблюдать процесс нарастающего сложения монархического принципа? Вопрос этот имеет чрезвычайный социологический интерес, ибо при положительном его решении мы получим важные данные для установки национальных **типов**. Если в настоящее время, в ряду стран высшей культуры, обозначается снова сопоставление двух различных типов политического строя, основанных на различных формах верховной власти, то очень важно не пропустить момент для **научного** наблюдения их. Не раз уже человечество имело перед собой это сопоставление, не раз оно и производило на основании его свой выбор. Но это делалось более на глазом, полуинстинктивно. А между тем в настоящее время сопоставление, быть может, более поучительно, чем когда бы то ни было, так как выбор должен сопровождаться особенно важными последствиями в силу всемирного влияния Европы и России.

III.

Отношение общества к государственности. — Идеи анархические. — Психология основы политики.

Вопрос о различных **формах власти** представляет, таким образом, чрезвычайно разносторонний интерес, как в смысле теоретическом, так и по своему отношению к ряду чисто практических задач. При рассмотрении его нам, однако, необходимо несколько коснуться более общих вопросов о **государстве** и **власти**, так как в настоящее время политическая идея вообще заволокла в умах особенным туманом.

Под влиянием разочарований революционного века, в Европе и Америке сильно распространяется некоторое отрицательное отношение к политике. Были времена, когда лучшие люди считали политическое искусство всесильным и были вполне уверены в возможности организовывать рассчитанным искусством сильные и счастливые государства. В передовых странах Запада эта вера ныне исчезла до такой степени, что лучшие люди, с идеалами и убеждениями, все более устранились совсем от политики, которая все более захватывается исключительно профессиональными «политиками». Такое зрелище еще более подрывает в обществе доверие к принципу власти. Это разочарование, в свою очередь, способствует развитию идей чисто анархических, совсем отрицающих принцип власти и кладущих начало разложению современного общества, против которого выдвигается фанатическая борьба революционеров, тогда как общество защищает себя холодно и апатично, само очень мало веря в справедливость и особенно в силу своих собственных основ.

Эта политическая болезнь, как все доброе и худое переживаемое Европой, передается образованным слоям и нашего русского общества.

Под влиянием ее наше образованное общество, кое-что знающее по социальной науке или политической экономии, крайне пренебрежительно относится к знанию **политики**. Незнакомство с социальным значением власти, то есть самой основы государства, отражается у нас на множестве сторон деятельности общества, передаваясь посредством «общественного мнения» и в сферы самих политических деятелей. В рассуждениях печати, разносимых ныне среди миллионов людей самых разнообразных слоев, школа политического нигилизма, незнания, непонимания и неуважения **начала власти**, сказывается в размерах, знакомых даже самой Европе.

Будучи вредным во всех отношениях, это забвение **политического элемента** в то же время является у нас едва ли не главным препятствием для сравнительного изучения нашего и европейского политического строя. Ходячие общественные мнения сильно влияют на науку, особенно столь слабую, как наша, лишают ее необходимой свободы наблюдения и выводов. В свою очередь подчинение науки общественному мнению лишает последнее столь нужного ему в настоящее время руководства.

Анализ и оценка политических учреждений невозможны без правильного отношения к самой идее **государства**. В основе государства особенно наглядно виден для всех элемент **власти**. Какое же значение имеет для человеческого общества элемент **власти**? Наше отношение к государству существенно зависит от того, как решаем мы этот вопрос. В настоящее время, под влиянием превратных понятий о **свободе**, отношение общественного мнения к идее власти сделалось чрезвычайно отрицательным. Не останавливаясь на анархическом идеале полного **безвластия** (анархия). Он составляет до сих пор достояние меньшинства, хотя и постепенно возрастающего. Но и в понятиях большинства власть все более начинает рассматриваться лишь как некоторое необходимое и неизбежное **зло**. Идеалы прогресса человеческих обществ связываются с постепенным ослаблением этого «зла».

Такие взгляды чрезвычайно распространены и в Европе и у нас. Достаточно указать на симпатию, с которою встречаются, например, анархические взгляды гр. Л.Толстого не только среди молодежи, но и среди людей, имеющих всю видимость серьезности, занимающих даже важные государственные должности, а уж тем более среди представителей печати.

Тот же идеал упразднения государства в будущем разделяется социальной демократией, то есть многими миллионами деятельнейших граждан различных стран Европы и тысячами ученых профессоров, писателей, воспитателей и т.д.

Отрицательное отношение к государству, хотя в меньшей степени, замечается также и в иных консервативных направлениях, как, например, среди французских **партикуляристов**.

Такое направление умов явилось в XIX веке отчасти благодаря недостаткам тех государственных форм, которые повсюду вводятся в мире европейской культуры, как якобы «наиболее совершенные» Это новое государство, бессильное и в то же время старающееся вмешаться во всякие мелочи народной жизни, теряет уважение и возбуждает неудовольствие. О ценности всяких человеческих учреждений должно, однако, судить по тому, что они способны дать, будучи организованы **согласно** своей основной идее, а не при извращении **вопреки ей**. Из того, что **современное** государство, «усовершенствованное», оказывается столь мало способным на что-либо полезное и так легко делается орудием зла, еще вовсе не следует, чтобы эти недостатки были присущи государству вообще. Тем менее плохое или неразумное применение власти может говорить против самого ее принципа.

В этом отношении нельзя достаточно пожалеть о том, что знакомство с государственным правом у нас считается совершенно необязательным для «образованного» человека. Нельзя однако не сказать также, что и в самой существующей науке, хотя она и могла бы многому научить публику, чрезвычайно шатка основная точка зрения, так сказать, **философско-социологическая**. Господствующие материалистическо-механические воззрения на человеческую природу до последнего времени мешали твердой постановке идеи власти на почву **психологическую**. Между тем это единственная почва, разумно объясняющая общий факт власти и его различные проявления. Таким образом, в виду этих пробелов, невозможно было бы продолжать рассуждения, не остановившись несколько на общих идеях **власти** и в частности власти **государственной**.

IV.

Свобода и власть. — Их кажущееся противоположение. — Их единство. — Власть, как основа общества.

Факт власти в междулических отношениях — есть совершенно основной. Без него не бывает никакой организации, никакого общежития. Бесполезно даже рассуждать о том, составляет ли он добро или зло, ибо это значило бы подымать вопрос уже о **направлении** и **употреблении** власти, а не о ней самой по себе. Относительно же власти, как о всех явлениях природы, можно лишь рассуждать — в смысле отыскания её причин и следствий. Но и причины ее появления достаточно ясны.

Источник власти без сомнения составляет свойство всякого живого существа влиять на другое существо. Такое влияние может быть для последнего приятным или неприятным, сознаваемым или несознаваемым, благотворным или губительным, наконец, может проходить все градации от тончайшего нравственного до грубейшего физического насилия; но во всех случаях перед нами одинаково оказывается тот результат, что один человек заставил или не допустил другого сделать нечто в противность собственному стремлению последнего.

Способность людей группироваться еще более осложняет этот факт, порождая власть и подчинение коллективные. Но при этом не излишне заметить, что сама способность группировки в некоторую коллективность обуславливается у людей их способностью властвовать и подчиняться. Вообще власть и принуждение — столь основные условия общественности, что все мечты построить общество без этой связи напоминают по фантастической неопределенности скорее туманные картины сновидений, нежели хотя бы даже плохое рассуждение человека.

О свободе и власти говорят иногда, как о чем-то противоположном. Это, однако, проявления одного и того же факта. Обладание силой дает свободу, как субъективное состояние сильного, и дает власть, как его объективное состояние в отношении окружающих. Даже равносильные существа, вступая в компромисс или соглашение, не делаются оба только свободными, а также, в известных отношениях, взаимно подчиняются. Но равносильных существ, вообще говоря, не бывает, а группировка еще более усложняет отношения, отчасти уравнивая силы, отчасти ещё более увеличивая их различие. В результате человеческое общество оказывается все соткано из разнообразнейшего сплетения всевозможных видов взаимной власти и подчинения.

Не соглашаясь на множество подчинений, ни один человек не мог бы сохранить и одной былинки своей свободы.

Уничтожить власть и подчинение — невозможно... по крайней мере для нас, людей. Один Бог мог бы совершить такое чудотворное изменение созданного им мира. Мы же можем только приспособляться к законам природы своей, можем до известной степени направлять явления власти и свободы, комбинируя их более удобным для себя способом. Так люди, по мере разумения, всегда и действовали. Вся история, с известной точки зрения, есть история различных приспособлений власти и принуждения, точно так же, как, с другой точки зрения, это есть история человеческой свободы.

Власть и свобода — это лишь различные проявления одного и того же факта — **самостоятельности человеческой личности**.

Эта **психологическая** основа **юридических** отношений нередко игнорируется и даже отрицается. Нередко приходится слышать, будто бы всякое сближение вопроса о **свободе личности** в смысле психологическом и о **гражданской свободе** — только запутывает дело. Это глубокая ошибка узких умов. Напротив, гражданская свобода делается понятием без всякого мерила, без всяких мотивов, без всякой возможности разумного анализа, — как только мы забываем её **психологическую** почву. Все так называемые юридические отношения в истории выдвигаются, слагаются, изменяются на основе явлений, создаваемых психологическими мотивами, и без этих последних необъяснимы. На эту психологическую почву, как единственно реальную, мы и должны твердо стать с самого начала рассуждения, ни на минуту не упуская из виду, как выше сказано, **что власть и свобода суть проявления одного и того же факта, именно самостоятельности человеческой личности**.

С тех пор, как мир стоит, люди ропщут против принуждения и насилия, как и против злоупотреблений свободой. Действительно, как свобода может приводить к вредным последствиям, так и принуждение, особенно в своей крайней форме «насилия». Но вообще вопрос о принуждении и насилии сложнее, чем выставляют декламаторы свободы.

Вообще говоря, границы, отделяющие благотворное воздействие от зловредного **насилия**, определяются вовсе не присутствием принуждения. Иные допускают и даже рекомендуют «нравственное влияние», включительно до новомодного гипнозизма, и в то же время возмущаются явным принуждением. Но «нравственное влияние» есть такое же принуждение как и насилие физическое. Нередко, **само по себе** оно гораздо глубже подавляет свободу другого человека, сильнее его подчиняет, нежели принуждение материальное.

Принуждению материальному человек подчиняется лишь в отношении своих **поступков**, но не теряя внутренней свободы, тогда как при воздействии нравственным способен превращаться совершенно в то, чего желает другой человек. Во имя ли **свободы** рекомендовать такую систему? Человек, ценящий свою личность, конечно, предпочтет быть жертвой насилия, нежели стать игрушкой чужого «нравственного влияния». С точки зрения **пользы** общественной, точно также, не всегда нравственное влияние предпочтительнее принуждения. Сверх того принуждение само по себе оказывает в иных случаях «нравственное влияние», а в других и очень многих случаях в сферах действия **власти** общественной остается **единственным** средством. В подобных случаях принуждение, будучи **необходимо**, тем самым **законно**. В других же случаях и «нравственное воздействие» может быть не только вредным, и стало быть предосудительным, но даже преступным.

Вообще никаких способов воздействия на другого человека суммарно и безусловно нельзя ни рекомендовать, ни отрицать. Когда, в какой мере они нужны или допустимы — это определяется нашей **верой**, нашей **философией**, **окружающими условиями**, — и на основе всего этого — **рассуждением**, **законом**, **обычаем**, **исторической практикой** и т.п. Все это не порождает власти и проистекающего от нее принуждения, а лишь стремится подчинить то и другое действию разума и нравственного начала. Сами же по себе власть и принуждение, все-таки, остаются вечны; потому что проистекают из **природы** человека, и не уничтожаются в числе орудий человеческого общежития, которое вырастает из природы личности. Таким образом, весь вопрос состоит только в том, или ином их **направлении**.

Некоторые полуанархические оттенки мысли отрицают **государство**, противопоставляя ему **общество**, как союз будто бы свободный. В таком воззрении есть лишь небольшая доля истины. Общество — совокупность мелких союзов — действительно составляет сферу более самостоятельной деятельности личности, потому что предстает для нее более способным **выбирать** то или иное подчинение, а также **приобретать власть** личную. Поэтому общество есть по преимуществу та сфера, в которой **развивается** способность человека к свободе. Но это не уничтожает такого же присутствия в обществе элемента власти и принуждения. Все мелкие союзы общества, семьи, общины, сословия, партии, кружки — точно также пропитаны властью, подчинением и принуждением. Различие между обществом и государством только в характере власти. С другой стороны, само государство есть в известных отношениях высшее торжество человеческой свободы и главное средство **обеспечения** для личности ее свободы в обществе. Та **способность** к свободе, которая **воспитывается** по преимуществу в обществе, получает возможность приводить к **фактической** свободе по преимуществу благодаря государству. Государство в этом отношении является лишь дополнением и завершением общества.

V.

Государство, как завершение общества. — Государство, как охрана свободы. — Неизбежность государственности.

Если элемент **власти** является неотделимым началом всякой общественности, то **государство** служит завершением системы общественной власти.

Против современных тенденций к отрицанию государства громко говорит весь исторический опыт человечества. С тех пор как люди живут сколько-нибудь сознательно, с тех пор как они имеют историю, человечество живет на основе **государственности**. Современные социалисты вызывают тени доисторического прошлого, ища в нем **общество**, чуждое государственности, как опору для своих мечтаний о безгосударственном будущем. Но разве может служить идеалом будущего быт диких стад одичавших людей доисторического прошлого? Для них самих, как только они начинали несколько подниматься из падения, разве не появлялся, наоборот, идеал государственности, при помощи которого они и успевали достигать более высоких ступеней общественности и культуры? Этот идеал возникал одинаково у всех народов, порождаемый, очевидно, самой природой человека. Отрицание — отголосок диких сторон этой природы — не составляет какого-либо изобретения современности. Оно тоже всегда было. Древние декламации какого-нибудь софиста Протагора ничем не отличаются от современных революционных декламаций:

«Пусть, говорил еще Протагор, — явится человек с могучею природой, страхнет и порвет все эти путы, поперет ногами все наши писания, чары, волшебства, наши законы, противные природе, и станет надо всем этим, как господин, он, которого мы сделали рабом, и тогда мы увидим торжество справедливости, как оно установлено природой»...

Эту дешевую премудрость звериной «свободы» люди знали издревле, но что же от нее осталось в истории в наследство человечеству? Что двигало наши общества, кто остался учителями человечества? Не эти отрицатели и нигилисты, а умы, как Платон, Аристотель, которые анализировали идею государства, находя в ней даже **высшую**

человеческую идею. Служили благу своего времени и остались с благим влиянием на будущее практические устроители государств, юристы, формулировавшие правовые идеи... Вот кем **жило** и двигалось человечество. Нигилистические же декламации есть ныне, как были в древности, но как теперь и тогда ничего не создавали, многое расстраивали, но все-таки остались бессильны свернуть человечество с его **государственного** пути развития.

Да и возможно ли иначе. Везде и всегда происходило то, что так прекрасно обрисовывает Б. Чичерин, говоря о природе с еще неразвитой государственностью в России.

«Положение человека, — говорит он, — определялось частными, случайными, даже внешними его преимуществами. Личность во всей ее случайности, свобода во всей ее необузданности лежали в основании общественного быта и должны были привести к господству силы, к неравенству, междоусобиям и анархии»... Такое положение создавало необходимость **высшего** союза — государства. «Только в государстве может развиваться разумная свобода и нравственная личность; предоставленные же самим себе, без высшей сдерживающей власти, оба эти начала разрушают сами себя...

Государство, — поясняет он, — есть высшая форма общежития, высшее проявление народности в общественной сфере. В нем неопределенная народность собирается в единое тело, получает единое **отечество**, становится **народом**. В нем верховная власть служит представительницей высшей воли общественной, каков бы ни был образ правления. Эта общественная воля подчиняет себе воли частные и устанавливает таким образом твердый порядок в обществе.

Ограждая слабого от сильного, она дает возможность развиться разумной свободе; уничтожая все преимущества случайные, не имеющие для общества никакого веса, она производит уравнение между людьми; оценивая единственно заслуги, оказанные обществу, она возвышает внутреннее достоинство человека. Заставляя всех подданных уделять часть своих средств для общественной пользы, она содействует осуществлению тех разнообразных человеческих целей, которые могут быть достигнуты только в общежитии при взаимной помощи, и для которых существует гражданский союз»^[1].

Идея государства вытекает из самой глубины человеческого сознания. В течение всех исторических тысячелетий народы всевозможных племен и степеней развития своим глазомером, умозаключением и опытом всегда повсюду были приводимы к **одной** идее.

Мы ее можем, стало быть, рассматривать как **политическую аксиому**, подобно тому как в математике и логике аксиомы суть ничто иное, как формулировка всеобщего одинакового впечатления.

Эта аксиома гласит, что в государстве люди находят высшее орудие для охраны своей безопасности, прав и свободы.

Самые современные отрицатели государственности против воли дают подтверждение этой истины, так как, покидая государство, в своих чаяниях будущего представляют себе лишь одно из двух: либо простое **господство сильнейшего** (в анархии), либо **подчинение человека стихийным силам** (в социальной демократии).

Действительно, социалисты, последователи экономического материализма, только потому и надеются на возможность уничтожения принудительной власти, что, по их мнению, грядущее безгосударственное общество будет вставлено в рамки коммунистического производства, которое само по себе будет регулировать жизнь и деятельность людей.

Человечество здесь приглашается к уничтожению своей, разумной, обдуманной власти над собой, но для чего же? Чтобы **подчиниться** некоторой безапелляционной стихийной власти, которая подавит нашу свободу со всей беспощадностью бессознательных сил природы. Вместе с государством мы бы, стало быть, разрушили высшее орудие нашей человеческой власти над нашей жизнью, то есть, другими словами, нашей **свободы**. Ибо, что же такое наша свобода, как не возможность самостоятельно направлять течение дел наших, делать то, что мы считаем нужным, и не делать того, чего мы желаем избежать, то есть в сфере отношений социально-политических — не быть слепой игрушкой стихийных сил, но приспособлять их к нашим человеческим потребностям?

На это в наибольшей степени дает нам способы союз **государственный**, союз, в котором народ объединяет свои силы, дисциплинирует их и направляет их для достижения своих целей со всем могуществом, которое способно дать правильно организованная и разумно действующая **власть**.

Этот элемент **власти** составляет существеннейшую основу государства. Власть предполагает подчинение. Но создавая власть, которой должны подчиняться, мы не жертвуем своей свободой. Подчинение условиям природным составляет неизбежный удел существ, не одаренных безграничными силами. Создавая государство, мы, вместо подчинения стихийным силам, подчиняемся **самим себе**, подчиняемся тому, что сами сознаем необходимым, то есть выходим из слепого подчинения обстоятельствам и приобретаем **независимость**, первое условие действительной свободы. Идеал безгосударственный, наоборот, вместо подчинения людей **самим себе** влечет их к подчинению силам **вне их находящимся**. Понятно, что люди всегда предпочтут первый исход. Сверх того, как сила **сознательная**, государство всегда возьмет верх над силами внешними, бессознательными, хотя бы люди и не задавались такой целью. Торжество государственности поэтому всегда неизбежно, и в конце концов, с какой бы теоретической анархии мы ни начали, а кончим всегда восстановлением государственности.

VI.

Верховная власть, как основа государства. — Правительство и подданные. — Различение нации, государства и верховной власти.

Для того чтобы не потеряться в анализе государственно-обязательных отношений необходимо, однако, точно определить, что такое государство.

Всякий союз человеческий, каковы бы ни были его цели — семья, общины экономические, религиозные, общества научные и т.д., всякая **коллективность**, характеризуется присутствием общей **власти** и частного **подчинения**. В национальной жизни, по разнообразным запросам ее, формируется бесчисленное множество таких небольших или даже очень крупных организаций, из которых каждая, в пределах своих целей и притягательной силы имеет известную власть целого для соподчинения частей его. Но в государстве, как принято определять в государственном праве, **власть** получает некоторый специфический характер, а именно становится **верховною**.

Она характеризует государство вообще, различные же ее формы порождают разные типы государств. Эта власть имеет характер **верховный**, владычествующий, разделяющий нацию на **правительство** и **подданных**.

«Даже в самой полной демократии, — замечает Блюнчли, — где эта противоположность, по-видимому, исчезает, она в действительности все-таки существует. Народная община афинских граждан была **правительством**, а отдельные афиняне по отношению к ней **подданными**. Где нет облеченного авторитетом правительства, где подданные отказали в политическом повиновении, причем каждый делает что хочет, словом, где анархия, там прекращается государство». («Общ. Гос. Право»).

«Существенный признак, отличающий государство от всех других союзов — говорит Чичерин, — состоит в том, что все они юридически подчиняются государству, **государство же владычествует над всеми**». Этим и обуславливается его благотворительная служба обществу. В человеческих обществах много сил единоличных и коллективных. Государство возвышается над всеми ими как «верховный, державный, владычествующий союз». «Верховная власть принадлежит ему по самому его существу».^[2]

Таковы определения государственного права. Оно говорит, что такая **верховная власть** необходима и неизбежна, что только она может создавать гармоническое развитие общественных сил, которые без нее неизбежно вступают в разрушительную борьбу. Это истины, совершенно твердо принятые. Все мыслители, имевшие научное значение и заслуги приблизительно одинаково ее формулируют.

Но в настоящее время их согласие далеко не столь же твердо в отношении **форм верховной власти**.

Практика исторической жизни и анализ политической науки показывают, что государство может возникать и организовываться на **нескольких** неодинаковых началах верховной власти. Мы не можем ни понимать государства, ни организовать его, ни поддерживать его правильного действия, не уяснив себе этих различных принципов верховной власти, их сущности, их отличий. В этом отношении, однако, даже среди серьезных мыслителей замечается шаткость и противоречие понятий.

Это происходит в значительной степени оттого, что уже в исходном пункте анализа — в уяснении отношений **государства** и **верховной власти** — наукой многое оставляется без достаточно точных определений.

Совершенно бесспорно, что в государственных отношениях проявляется власть именно **верховная**. Но государство — есть ли это сама верховная власть? Почему власть государственная получает характер именно верховный, владычествующий? Неясность понимания этих вопросов отзывается особенными запутанностями в так называемом конституционном праве. Необходимо разобраться в указанных понятиях.

В этом отношении прежде всего должно заметить, что **государство и верховная власть** вовсе не одно и то же. Точно также государство не порождает верховной власти. Верховная власть порождается из **самой нации**, из того же общества, которое мы видим разбитым на мириады мелких и частных слоев и союзов. Подобно тому, как люди сплачиваются в эти мелкие союзы, так, по мере развития национальной жизни, начинается обнаруживаться в сознании всех, что над всеми этими частными лицами, группами и семьями есть или должна быть некоторая **высшая сила, сила для всех обязательная**, объединяющая все **частные и групповые** интересы.

Какая же эта сила? Ниже мы рассмотрим это подробнее. Иногда — это есть сила большинства, массы, иногда это сила справедливости, иногда сила опыта, знания, авторитета. Но какова бы она в представлении нации не оказывалась, во всяком случае обнаруживается, что для совместного существования всех этих лиц и групп необходима некоторая высшая, верховная, надо всеми ими владычествующая сила. Эта-то сила в лице своих конкретных выразителей и составляет **верховную власть**.

Государство не может появиться, пока в нации не явилось сознание **верховной власти**, и не имеется ее **конкретных выразителей**. Лишь тогда, когда выработано то и другое, может явиться государство, как создание уже верховной власти. Верховная власть сплачивает около себя нацию на основании своего собственного принципа. Делается это в течение нескольких месяцев или нескольких столетий, во всяком случае получается **государство, то есть нация, соединенная под одною верховною властью во всем, что, по сознанию нации, выражающемуся в данном принципе верховной власти, требует общего, обязательного единства**.

Необходимо тщательно разграничить эти три явления и понятия: **нация, верховная власть** и **государство**. При самой тесной связи между собой они имеют каждое свое особое существование, и могут даже приходиться в столкновение. Это случаи, конечно, болезненные, но патология во многом объясняет законы физиологии.

Вообще — **нация** есть вся масса лиц и групп, коих совместное историческое существование порождает **идею** верховной власти, надо всеми ими одинаково владычествующей, а также выдвигает конкретных представителей этой идеи.

Верховная власть выражает то, что во мнении нации составляет объединяющую всех силу, и притом не в виде лишь отвлеченного принципа, а также в конкретном представительстве его.

Государство в широком смысле есть нация, поскольку она объединена верховною властью в одной организации. Нация, однако, живет с государством лишь некоторую частью своего существования; также и каждый член нации есть лишь отчасти член государства, насколько этого требуют его права и обязанности, определяемые верховною властью.

Государство в тесном смысле есть вся та организация нации, которая потребна для осуществления целей объединения ее. Не должно также смешивать государства с **правительственным механизмом**, которого задача быть **орудием** верховной власти для осуществления целей государства. Эта организация **системы управления** тем более не должна быть смешиваема с верховной властью.

Заметим также мимоходом, что самая идея управления, свойственная данной форме верховной власти, должна быть лишь с большой осторожностью определяема по наличной системе управления, которая обуславливается не одной внутренней логикой верховной власти, но множеством исторических случайностей, и представляет всегда многое, существующее даже в прямом противоречии с собственно идеей данной формы верховной власти.

VII.

Простота принципа верховной власти. — Сложность принципов управления. — Монархия, теократия, демократия. — Ложное учение о «современном» государстве.

Итак, **верховная власть** есть объединительная национальная идея, воплотившаяся в конкретной силе и организующая **государство**.

Из истории известно, что организация **управления** государством представляет чрезвычайное разнообразие форм. Но собственно формы **верховой власти** очень немногочисленны, и если организация управления представляет весьма сложное сочетание различных принципов, то принципы верховной власти, наоборот, всегда **просты**. В этом случае приходится стать в полное противоречие с современным государственным правом, которое говорит о каких-то **новых началах** верховной власти, будто бы открытых в настоящее время. Это несомненная ошибка, характеризующая лишь трудность разобраться в политических явлениях современности.

Оставаясь на почве **фактов**, современная политическая наука прекрасно знает, что все основные начала верховной власти действовали у разных народов с незапамятных времен. Эти основные начала, создающие основные формы верховной власти: **монархия, аристократия и демократия**. Ничего, кроме этих основных форм, оставаясь на почве фактов, нельзя найти и ныне, как не было никогда. Но попадая под власть современных **ходячих мнений**, наши ученые, подобно массе общества, чувствуют потребность убедить себя, будто бы в настоящее время политическое творчество европейских народов создает что-то особенное, невиданное и неслыханное, и в то же время будто бы «совершенное». Популярное понятие о «прогессе» подчиняет себе мысль людей ученого слоя. Отсюда возникает крайне спутанное учение о «современном государстве», его совершенстве, универсальности и т.п.

Особенно тяжело все это отзывается на русской науке, которая вместо изучения **политических фактов**, имеющих у нее налицо, склонна усматривать свою задачу в пересадке к нам «совершенных» учреждений. Вина первоначальной ошибки лежит впрочем на европейских учителях нашей подражательной науки.

Под давлением популярного, уличного требования «свободы», под которою масса сама не знает, что понимать, такой крупный ум как Блюнчли пытается переделать классификацию государств, чтобы очистить в них место этой «свободе», в виде «контроля» **подданных** над **правительством**. Эта замечательная идея в сущности отрицает все, что сам же Блюнчли говорит о **существовании** верховной власти. В самом деле, если контроль подданных не может заставить верховную власть изменить способ действия, то какой в нем смысл? Если же подданные в результате контроля могут **заставить** верховную власть действовать иначе, то, значит, верховная власть им **подвластна**. Значит, последнюю инстанцию составляют подданные, а не власть. Значит, настоящую верховную власть составляют подданные.

Эту логическую нелепость учение Блюнчли принимает только потому, что не видит **действительности** «современного государства». На самом деле оно составляет не что-либо существенно новое, а просто напросто есть новое явление **демократии**, в качестве **верховой власти**. Только поэтому и является требование «контроля» со стороны этих якобы «подданных». На самом деле они в Европе уже не подданные, а носители **верховой власти**; то же «правительство», которое Блюнчли по старой памяти продолжает считать «верховой властью» уже давно перестало ею быть, а стало лишь «делегированною» властью, народным комиссаром, исполняющим веления верховной власти народа. Вот что имеется в европейской действительности. Что касается контроля **подданных** над **верховною** властью, то этой невозможности нет и теперь, как никогда не было. Отдельный гражданин «современного» государства точно так же не может «контролировать» самодержавной народной воли, как русский подданный не может этого делать в отношении своего Государя.

Не замечая абсурда, вводимого им в науку, Блюнчли рисует «современное» государство так:

«Хотя в период от конца средних веков до XVIII века, в лице абсолютной королевской власти, возобновился, казалось абсолютизм древне-римских императоров, но народы скоро снова вспомнили свою естественную (?) свободу. Начинается борьба за политическую свободу против абсолютизма правительства. Государство снова становится **народным**, но в более благородных формах, чем в древности. Средневековое сословное устройство служит преддверием нового **представительного** государства, в котором народ представляет себя в лице лучших (?) и благороднейших (?) своих членов». Определяя новую конституционную монархию, он говорит: «Конституционная монархия некоторым образом заключает в себе **все другие** государственные формы. Но, представляя собой наибольшее разнообразие, она не жертвует (?) для него гармонией и единством. Она предоставляет **аристократии** свободное поприще для проявления ее сил и ее духовных способностей; на **демократическое** направление народной жизни она не налагает оков, а оставляет за ним свободное развитие. Она признает даже **идеократический** элемент в виде почитания закона».

VIII.

Русская наука о «современном» государстве. — Ложная идея сочетанной верховной власти. — Идеалы всемирной «нивелировки». — Воображаемая новизна этих идей.

Эта политическая идиллия, основанная на абсурдном начале, имеет в выводе тот недостаток, что ни на одном пункте не соответствует действительности. Тем не менее, она совершенно вошла в quasi-научный обиход. Б.Н.Чичерин, тонко понимающий идею государства и верховной власти, в рассуждении об организации ее также увлекается европейским способом понимания **форм верховной власти**:

«Ограниченная монархия, — послушно повторяет он, — представляет сочетание монархического начала с аристократическим и демократическим. В этой политической форме выражается полнота развития всех элементов государства и гармоническое их сочетание. Монархия представляет **начало** власти, народ или его представители начало свободы, аристократическое собрание **постоянство закона**». «Идея государства (будто бы) достигает здесь высшего развития»^[31].

«Нельзя сказать чтобы наш ученый не видел существенных сторон «чистой **монархии**». «Изо всех политических форм, — говорит он, — это та, которая представляет во всей полноте единство государственной воли, а с тем имеет и единство государственного союза». «Чистая монархия, — говорит он, — представляет и высший нравственный порядок. Здесь верховная власть независима от воли народной: поэтому здесь господствует начало обязанности или подчинения высшему порядку». Другими словами, следовало бы сделать вывод, что чистая монархия представляет самое чистое выражение вообще **государственной идеи**. Но Б.Н.Чичерин тут же замечает: «Что касается до начала **свободы**, то оно в этой государственной форме проявляется только (?) в подчиненных (??) сферах». Замечание мудреное! Как сказано выше, эта злополучная «свобода» именно сбивает с толку современных государственников.

А казалось бы, никто лучше пр. Чичерина не мог бы понимать всей фантастичности такой характеристики, если бы наш ученый имел силу удержаться на логике **собственной** мысли. Но ходячие идеи имеют силу непреодолимую. Возьмем, например, учебник проф. А.С. Алексеева^[41]. Лекциям московского профессора нельзя отказать в больших достоинствах повсюду, где он является свободным от чужих мыслей. Как русский **государственник** он старается быть истолкователем действительных фактов, изучаемых на **исторической почве**, но в изложении **общего** государственного права повторяет теории, просто изумительные, как будто это говорит совершенно иной человек.

Вот что даем мы под видом науки, как только попадаем под влияние европейских взглядов:

«В государстве **старого** порядка, типом которого может служить французская монархия XVII века, вся полнота **верховой власти** сосредоточивалась в **одном лице**, и эта власть поэтому (!) была лично и надзаконною. **Современное же государство такой власти не знает и распределяет основные функции государственной власти между несколькими органами, из которых поэтому ни один не обладает неограниченной властью и каждый находит свой предел в конституции других органов**». «В современном государстве каждая функция государственной власти имеет свой, ее природе соответствующий орган, и каждый из этих органов имеет свою **самостоятельную, законом гарантированную компетенцию!** Для установления единства действий этой рассыпанной храмины власти: «Основной принцип конституционного (оно же «современное») государства гласит, что **новое право не создается одностороннею волей правителя, а может состояться лишь в форме закона**».

Это «современное» государство рассматривается, как **универсальное**:

«Если прежде политический строй народа слагался лишь из элементов, вырабатывавшихся на его родной почве, то в новое время этот строй нередко искусственно насаждается по образцу конституций других народов и сразу дает народу то, что другим доставалось веками многотрудной исторической жизни. Конституционные учреждения слагались на английской почве целыми веками. Но с тех пор, как ими **овладела наука** (не наоборот ли: они овладели наукой?) и они породили политические теории, которые проповедывались выдающимися умами Англии, Франции и Германии, а государственный строй этих последних стран рушился под напором новых потребностей, новых идей и новых воззрений, тогда они послужили образцами, по которым были преобразованы в сравнительно короткое время большинство европейских государств». В противность будто бы прошлому, ныне «политическая доктрина является самостоятельной силой, подчиняющей своему владычеству культурные народы, **нивелирующей** политический быт и распространяющей на них сеть однообразных учреждений»^[31].

IX.

Отсутствие «новизны» в основных силах политики. Учение Полибия.

Не стану умножать выписок. Приведенные достаточно характеризуют идею, рвущуюся к нам из Европы и не встречающую отпора в нашей науке. Оставаясь в пределах **частностей** собственно русских особенностей права, наши ученые проявляют иногда живую силу наблюдения и мысли. Не мало превосходных страниц дает, например, Романович-Славатинский, или цитированные Б.Н. Чичерин и сам А.С.Алексеев. Но переходя к **общему**, к установке основ и принципов, мы лишь послушно излагаем чужие теории, если и не превращаясь в их **последователей**, как А.Градовский и даже Андреевский, то без всякой силы стать на почву критики. А между тем вся теория «современного» европейского государства слаба до последней степени.

Что говорит она нам?

Современное государство характеризуется тем, что, во-первых, его верховная власть представляет **сочетание** различных принципов власти, чем будто бы обеспечивается законность и свобода; во-вторых, что это есть наиболее **совершенное** государство; в-третьих, что оно **универсально**, то есть приложимо ко всем странам; в-четвертых, нас уверяют, что **теперь** «в наше время, когда луч цивилизации...» — все идет к **нивелировке**, и, в-пятых, что все это необычайно ново и составляет изобретение культурной Европы.

И, однако же, все что в характеристике «современного» государства, действительно, **научно**, то есть выражает точное наблюдение фактов, прежде всего **не ново**. Не только не новы факты, но не ново их понимание. Так гипотеза сочетанных форм власти — очень давняя и в «настоящее время» — не стала даже, к сожалению, яснее, чем была у Полибия или Цицерона. Не только не нов переход от одних форм власти к другим, но и самая формулировка этой «эволюции». В этом отношении эмпирическое учение Полибия даже глубже и стройнее, нежели «современные».

Более 2000 лет тому назад (около 200 лет до Р.Х.) он развивал свое учение о политических формах. Признавая, вслед за Аристотелем, три основные формы (монархию, аристократию и демократию), он так представлял их последовательную смену.

В обществе еще не благоустроенном или пришедшем в расстройство **власть** составляет удел **силы**. Это наше современное *droit de plus fort*. Но в самых столкновениях между людьми неизбежно вырабатываются понятия о честном, бесчестном, справедливом, несправедливом. Главы и старейшины стараются поэтому управлять скорее правосудием, чем силой. Полибий, сам уроженец греко-персидского мира, не мог не знать живых примеров этого, вроде истории возвышения Дейока. Такие-то популярные своим правосудием лица, говорит он, создают **монархию**. Она держится, пока сохраняет свой нравственный характер. Теряя его, она вырождается в **тиранию**. Тогда является необходимость низвержения тирана, что и производится лучшими, влиятельнейшими людьми. Наступает эпоха **аристократии**. Конец аристократии является тогда, когда она вырождается в **олигархию**, протестом против которой является власть народа — **демократия**. Ее вырождение, в свою очередь, создает невыносимую **охлократию**, господство толпы, которая снова приводит общество в хаос. Тогда спасением является снова восстановление **единовластия**.

Так представлял себе Полибий круговую эволюцию политической смены форм. Отсюда же он выводил свое учение о **сложных** формах власти. Так как все они имеют свои недостатки, то мудрейшие законодатели, говорит он, думали отвлечь это неизбежное зло **сочетанием** трех основных форм, чтоб исправлять недостатки одной достоинствами других. Как на образчик этого Полибий указывает на конституцию Ликурга в Спарте. Еще более удачным сочетанием он считает устройство Рима, в котором консулы представляли, по его мнению, элемент монархический, сенат — аристократический, а народные собрания и трибунал — демократический.

Нам нет надобности входить в критику политического учения Полибия и Цицерона, его разделявшего. Я хотел только напомнить общеизвестный пример того, как мало новизны в нашей **современности**. То же самое должно сказать и о факте **представительства**, которое известно с древнейших времен, как это признают и современные исследователи политических учреждений. Если Спенсер в доказательство их распространенности в классическом мире ссылается на Дюрюи, то, в свою очередь, чисто политические исследователи могли бы сослаться на примеры, собранные исследователями первобытных обществ. Вообще к предположению **новизны** политических учреждений всегда должно относиться с большой осторожностью. Большей частью мы усматриваем новизну форм только по непониманию внутреннего смысла сил, их создающих.

X.

Общие признаки верховной власти. — Учение Руссо. — Ошибки конституционной теории. — Воображаемое сочетание «единства» из противоположностей.

Только небрежностью анализа, зависящей от недостаточного понимания, объясняется идея будто бы **сочетанной верховной власти**. **Верховная власть** всегда проста, всегда принадлежит какому-либо одному началу. Так было в древности, так есть и теперь, в России, в Европе и где бы то ни было.

Нигде и никогда **верховная власть** не бывает сложной: она всегда проста и основана на одном из трех вечных принципов: монархии, аристократии или демократии. Наоборот, в **управлении** никогда не действует какой-либо один из этих принципов, но замечается всегда одновременное присутствие **всех** их, так или иначе организуемых верховною властью. Современное государство не представляет в этом отношении ничего нового и исключительного, а лишь воспроизводит вечный закон политического строения обществ. Ошибочные в этом отношении понятия порождаются лишь забвением того, что организация **верховной власти** и организация управления вовсе не одно и то же, и по самой природе общества слагаются неодинаково.

Чтобы видеть ошибочность точки зрения конституционного права, достаточно вспомнить общие признаки верховной власти.

По прекрасной формулировке Чичерина^[6] верховная власть едина, постоянна, непрерывна, державна, священна, ненарушима, безответственна, везде присуща и есть источник всякой государственной власти. «Совокупность принадлежащих ей прав есть полновластие (*Machtvollkommenheit* — всемогущество силы), как внутреннее, так и внешнее. Юридически она ничем не ограничена. Она не подчиняется ничьему суду, ибо если бы был высший судья, то ему бы принадлежала верховная власть. Она — верховный судья всякого права... Словом, это власть в юридической области полная и безусловная. Эта полнота власти называется иногда абсолютизмом

государства в отличие от абсолютизма князя. В самодержавных правлениях монарх потому имеет неограниченную власть, что он единственный представитель государства как целого союза. Но и во всяком другом образе правления верховная власть точно также неограниченна... Это полновластие неразлучно с самим существом государства».

Возражая на мнение о возможности ограничения ее, Чичерин совершенно справедливо отвечает:

«Всякие ее ограничения могут быть только нравственные, а не юридические. Будучи юридически безграничною, верховная власть находит предел, как в **собственном нравственном сознании, так и в совести граждан**».

Точнее было бы сказать, что она ограничена содержанием того идеократического элемента, который выражает, и для выражения которого признана **верховой**. Выходя из этих пределов, она становится узурпаторской, **незаконной**. Оставаясь же в них, ничем, кроме содержания собственной идеи, не ограничена.

Учение о якобы возможном ограничении верховной власти идет, как замечает Чичерин, «от французской революции». Но тут необходима серьезная оговорка.

Это учение, лишненное философской государственной мысли, явилось собственно в результате **компромисса** между революционной идеей и практическим здравым смыслом. Оно было созданием не разума, а страха перед собственно идеей «нового строя», из желания чем-нибудь связать бесшабашную «волю» нового «самодержца» охлократии. Но чистая революционная идея, будучи фантастичной по существу, вовсе не страдала этой нелогичностью «либерализма».

Действительный философ ожидавшегося нового строя Ж. Ж.Руссо, не боявшийся своих идеалов, а потому сохраняющий свободу своего разума, совершенно присоединяется к определениям логичных **государственников** (но не либеральных конституционалистов).

«По той же причине, по какой Souverainite (верховная власть) неотчуждаема, говорит он, она и неделима (indivisible, то есть едина)». Закон, объясняет он, есть воля этого Souverain (суверена). Наши политики, язвительно замечает он по адресу уже зародившихся конституционалистов англосаксонской школы Монтестье, не имея возможности разделить верховную власть в принципе, разбивают ее в проявлениях и делают из Souverain (суверена) фантастическое существо, вроде того, как если бы составить человека из нескольких тел, из которых одно имеет только глаза, другое только руки, третье ноги и больше ничего. Руссо не только насмехается над этими «японскими фокусниками», но прямо заявляет, что их ухищрения происходят от недостатка **точности** наблюдения и рассуждения^[7]. Только в **правительстве** (то есть, по усвоенной мною терминологии **в управлении**) Руссо допускает, да и то с оговорками, «смешанные» формы власти, именно в видах их взаимного ограничения.

Ясно, впрочем, что такие ограничения лишь обеспечивают еще более самодержавие собственно верховной власти, так как предотвращают возможность всякой узурпации со стороны подчиненных правительственных сил.

Таким образом Руссо делает конституционалистам своего времени совершенно тот же упрек, который приходится сделать современным государственным гом.

Когда приходится рассуждать **вообще**, они ясно понимают смысл верховной власти. Но из потребности теоретически оправдать свое «современное» государство, они составили совершенно фантастическое понятие «сложного субъекта» верховной власти.

«**Единство** верховной власти, гласит эта теория, нисколько не нарушается тем, что носителями ее являются **несколько** органов, как это мы видим в конституционной монархии. Верховная власть в конституционной монархии, где существует несколько органов, столь же едина, как и в абсолютной». Почему же? Потому, объясняет теория, что эти несколько органов только **в совокупности** составляют верховную власть. «Закон, как выразитель **единой** государственной воли, не может составиться иначе, как совокупным действием короля и парламента».^[8]

Тут, очевидно, однако, колоссальное недоразумение. «Субъектом» верховной власти может, конечно, быть **коллективность**, но лишь в том случае, если она все же представляет какой-либо **один** принцип. Здесь же **единую волю**, всем управляющую, воображают «сочетать» из нескольких волей, выражающих **противоположные** принципы. Но совершенно ясно, что такое «сочетание» плюсов и минусов создает в недрах «единой государственной воли» вечную **борьбу**, исключаящую всякую возможность искомого единства.

XI.

Причины современных ошибок. — Различие между верховной властью и управлением. — Неизбежная сочетанность органов управления. — Неизбежное единство принципа верховой власти.

Недоразумение, благодаря которому люди не замечают столь очевидной истины, состоит в недостаточном внимании к существенному различию между **верховой властью** и создаваемым ею **правительством**, между Souverain (сувереном) и Gouvernement (правителем); различию, столь твердо устанавливаемому Ж.Ж.Руссо. Это забвение тем страннее, что сама же конституционная теория создала понятие о некоторой пышно разодетой кукле, которая «regne mais ne gouverne pas» (царствовало без правления). В такие куклы обряжали королей, обряжают и «самодержавный народ».

В действительности политических сил такой верховной власти, которая бы лишь «царствовала», а не «управляла» не только нет, а и быть не может. Но в то же время нет верховной власти, которая бы не призывала к управлению, ею создаваемому, других, подчиненных общественных сил. Верховная власть, сила «царствующая», Souverain, так сказать, управляет управляющими и весь вопрос хорошего политического строя в том, чтобы это

царственное управление силами правительственными не было фиктивным (как это особенно часто бывает в демократиях).

Политические мыслители современности прекрасно знают факты, которые способны осветить отношение между верховной властью и управлением. Так они указывают, что «в действительной жизни нет примера, чтобы государство в целом состояло только из монархических, аристократических или демократических элементов». В действительности политические тела представляют сооружение **«смешанных стилей»**. Это «смещение стилей объясняется тем, что монархия, аристократия и демократия **опираются на свойства, составляющие неотъемлемую принадлежность каждого общежития**». Поэтому «в государствах является не полная однородность элементов, а только **преобладание** одного над остальными».

Это совершенно верное наблюдение. Но оно верно лишь до тех пор, пока не приписывает **верховой власти** того, что составляет принадлежность **общества**, и в государство переходит из общества в той мере, в какой этого требует принцип, получивший в данном государстве функцию верховной власти.

Дело собственно состоит в следующем. В человеческом обществе многообразны элементы **силы**, влияния на окружающее. Вся жизненность управления зависит от умения пользоваться внутренней связью, которая на тысяче пунктов существует между государством и территориальными, классовыми, сословными, родовыми и т.д. союзами, создаваемыми общественной жизнью. Тут существует множество центров влияния, основанных на различных способах **иметь власть**, а потому в многообразных проявлениях постоянно живут все принципы власти. Они не исчезают никогда и нигде, как не исчезают различного рода организации, возникающие на их основе, и для жизни **социальной** все, в своем роде, необходимые. Но когда возникает **государство**, это означает, что возникает идея некоторой **верховой власти**, не для уничтожения частных сил, но для их регулирования, примирения и вообще соглашения. Без такой владычествующей силы частные силы, по самой противоположности своей идеи обречены на борьбу. Смысл верховной власти состоит в общем **обязательном** примирении.

Поэтому-то верховная власть, по самой идее своей, может быть основана лишь на каком-либо **одном** простом принципе. На каком именно? Политический гений различных народов и в разные эпохи их существования неодинаково это решает. Он выбирает иногда основу демократическую, иногда аристократическую или монархическую, но всегда какую-либо **одну**. Иначе быть не может и не бывает. Ибо сочетание нескольких основ власти лишило бы **верховную власть** единства идеи, т.е. нарушило бы самую цель учреждения государства.

Как бы мы не комбинировали различные силы для достижения их согласного действия, мы не можем предупредить их **столкновения**. Это столкновение даже необходимо, ибо живые принципы верят и должны верить в свою правоту, а, следовательно, **должны** стремиться каждый к возможно большему господству над обществом. Уничтожение такого стремления означало бы исчезновение в них живой силы. Посему столкновение их и борьба неизбежны и полезны. Но общество должно иметь учреждение, которое бы не допускало такого столкновения до междоусобия, не позволяло полезной степени борьбы переходить в степень опасную и даже смертельную для общества. Таким учреждением является государство и его **верховная власть**.

Если бы верховная власть была **сочетанием** различных основ власти, то их борьба неизбежно возникла бы и здесь. Кто же бы тогда явился примирителем ее? Свободное соглашение? Но государство только и основано по той причине, и на тот случай, когда **нет** свободного соглашения.

Во всех случаях, когда свободное соглашение возможно, в государстве нет надобности. Когда же соглашение свободное невозможно, верховная власть государства может выступить в качестве судьи только став на высшую точку зрения, **свою собственную**, единую, свободную от опасности внутренних противоречий.

Если бы в государстве **верховная власть** состояла из нескольких элементов, то общество никогда не могло бы быть уверено в том, что оно обладает верховной властью. Такая власть являлась бы, когда ее составные элементы пришли в согласие, и исчезала бы каждый раз, когда они входят в столкновение. Но где же тогда «постоянство», «непрерывность» действия верховной власти? При «сочетанной» власти преобладание попеременно получал бы то один, то другой принцип, а общество лишалось бы стройности и определенности управления. Но тогда нет никакой пользы от государства, да нет и самого государства. Оно как учреждение постоянное при этом исчезает, и общество само не знает, в какую минуту оно имеет государство, в какую нет.

Посему **верховная власть** всегда основана на **одном** принципе, поставленном выше всех остальных. Это не одно требование логики, но также исторический факт. В верховной власти всегда владычествует **один** какой-либо принцип. Остальные, хотя и сохраняются в государстве как действующие силы управления, но уже являются **подчинёнными**, без значения власти собственно **верховой**, имеющей последнее слово решения. Только поверхностность анализа порождает мнение о будто бы «сложной» верховной власти. Ее нет.

В «современных» конституционных государствах точно также нет сочетанной, сложной верховной власти, а есть лишь сложная управительная власть. Конституционные «монархи» и их верхние и нижние палаты, по существу современных идей, составляют власть лишь **делегированную**; действительную же верховную власть имеет народ, численное большинство. В новейшей истории конституционных стран мы **всегда** видим, как в случае столкновений между делегированными властями, решающим элементом является **масса народа** (peuple Souverain — суверенный народ) иногда посредством голосований, иногда посредством революции, или посредством «мирных манифестаций», которые в политике имеют значение **угрозы революцией**.

То что современные представители государственного права считают «конституционной» формой правления, сочетающей будто бы различные элементы в одной верховной власти, есть таким образом в действительности ничто иное как еще не вполне организованная демократия. Она уже победила в сознании народов, она уже стала фактически **верховой властью**, но пока еще не выбросила из числа своих делегированных властей остатков монархии и аристократии, еще не заменила этих обломков прежнего устройства одной палатой народных представителей. В передовых радикальных программах вообще и требуют поэтому **единой** палаты.

Но если бы даже опыт и практика показали, что народу удобнее разделить своих «управляющих» на несколько самостоятельных учреждений в виде президента, и двух и даже более палат, то это несколько не изменяет положения дела. **Верховною властью** современных стран является во всяком случае именно **демократия**, и в настоящее время мы, подобно всем другим моментам истории, видим, что собственно верховной властью является **один и простой** принцип, а никак не сочетание нескольких и не какой-нибудь составившийся из них сложный.

Сочетание же и усложнение происходит, как всегда, лишь во власти **управляющей**, приводящей руководящую волю верховной власти в возможное практическое осуществление. Как выражается профессор Романович-Славатинский: «В каждом государстве, каков бы ни был его образ правления, существует известная система властей и учреждений, **исторически** слагавшаяся и имеющая своеобразную организацию. Как ни различаются между собой эти власти и учреждения, они слагаются из **верховой власти**, из **властей ей подчиненных**, и из участвующего в управлении государством **народа**, в большей или меньшей степени обусловливаемой установившимся в стране образом правления».^[21]

Эта формула прекрасно рисует действительное строение государства, которое не уничтожает общества, а лишь верховно его организует, а посему допускает под своим верховным руководством действие всех его природных сил для чего вводит их в систему **управления**. Государство это делает даже по необходимости, ибо вводя остальные элементы власти в систему своего управления, оно их тем самым **подчиняет** своему надзору и руководству, а не оставляет их таиться в обществе в качестве сил незаконных и бунтующих.

Давая им в различных отраслях управления место, наиболее свойственное их природе, верховная власть достигает также более совершенной организации управления. Но не должно забывать, что вся эта специализация происходит не в самой **верховой власти**, а лишь в создаваемых ею **органах управления**. В них, и только в них происходит разделение и сочетание, которые столь сбивают с толку «современное» государственное право. Все эти разделения и сочетания только потому и возможны в виде гармоническом, без погружения общества в анархию, что над ними всегда возвышается в виде живой и деятельной силы какой-либо **один**, простой и нераздельный принцип, в качестве **власти верховной**.

XII.

Действительный смысл «современного» государства. — Демократия в новых условиях. — Важность ясного понимания идеи верховной власти.

Этот общий закон политики остается присущ «современному» государству точно так же, как древнему, или будущему. В зависимости от идеалов наших, можно считать современный конституционный строй более или менее совершенным или несовершенным, но во всяком случае похвалы или порицания, ему расточаемые, относятся именно к **демократическому** принципу. Если же обсуждать «новизну» этого строя, то она состоит не в чем-либо принципиальном и существенном, а лишь в **обстановке** применения демократической идеи.

Действительная «современность» и временная «новизна» ее состоит лишь в том, что XVIII-XIX век прилагает демократический принцип на почве, пропитанной монархическо-аристократическими традициями, и в таких материально-экономических условиях, при которых государство должно объединять огромные территории и многомиллионные нации.

Удачно ли положен именно демократический принцип в основу устройства таких государств? Полагаю, что вовсе неудачно.

Нам говорят о наибольшем совершенстве этого строя. Но утверждающие это предварительно должны бы рассмотреть обстоятельно сравнительные свойства различных основ верховной власти. «Современные» же конституционные учения до сих пор никак не могут даже понять предмета своего наблюдения, не умеют рассмотреть самого обыкновенного **демократизма** под своим воображаемым «новым строем».

Нам говорят о его свободе и законности. Но вопрос сводится к тому, обеспечивает ли **свободу и законность** власть **массы** более чем какая-либо другая власть? Кто хочет, может этому верить, но обязательно сначала понимать, что, рекомендуя «современное государство», мы рекомендуем именно **верховную власть массы**.

Нам говорят об «универсальности» этого строя и ставят пред нами идеал всеобщей «нивелировки» под влиянием чужих «доктрин»...

Но все это **не ново**. Все основные формы **универсальны**. В зародыше все элементы, из коих развивается верховная власть различных типов, существуют у всех народов, во всяком человеческом обществе. Везде они могут и развиваться. Возможно при известных условиях появление демократии в России, возможно появление монархии в Америке.

Чужая «доктрина» везде и всегда играла свою роль в таких превращениях. Разве половина Греции не организована была выходцами из чужих стран? Разве идеи персидской монархии не повлияли на возникновение Македонской? Разве в Европе доктрина **легистов** не организовала французскую монархию? Влияние чужой **доктрины** всегда замечалось в политической области, как сфере наиболее сознательного социального творчества. Но потому-то **наука** и должна относиться к политическим доктринам с серьезной критикой. К **совершенствованию** ли ведут современные доктрины или грозят обществу упадком? Серьезная ответственность лежит на науке, если она не умеет в оценке этого стать выше ходячих мнений толпы.

Если мы вспомним, что организация **верховой власти** есть основа политического творчества, то поймем, до какой степени важно правильное понимание учреждений **верховой власти**. Это самый центр сознательного

творчества человека в обществе. Ошибочно поставив свое отношение к **верховой власти**, мы уже тем самым предрешаем ошибку за ошибкой во всем остальном.

ХIII.

Три вечных принципа верховной власти. — Учение Аристотеля. — Попытки поправок. — Их невозможность. — Аксиоматическая несомненность трех принципов верховной власти.

Предыдущие рассуждения показывают, что понятие о «сочетанной» **верховой власти**, основанное только на ряде недоразумений, должно быть совершенно отброшено. В построении государства, в качестве верховной власти, постоянно является лишь один простой принцип, при выборе которого человечество возвращается исключительно в круге трех основных начал **монархии, аристократии и демократии**.

Все эти основные начала всегда существовали и давно общеизвестны; анализ политических писателей, со времен Аристотеля, доселе не открывает ничего кроме их. Попытки изменения аристотелевой классификации каждый раз оказываются произвольными, подсказанными какой-либо практической тенденцией. Так Монтескье неудачно пытался выделять деспотию в особую форму государства из очевидного желания реабилитировать современную ему французскую монархию. Так Блюнчли пробовал прибавить к аристотелевым подразделениям четвертую форму «теократии», столь же произвольно, из ясного желания покрепче утвердить «светский» характер **современного** государства. Прибавки этой никак нельзя принять. Нельзя не видеть, что «теократии» всегда бывают только либо демократией, либо монархией, либо чаще всего аристократией. Они отличаются от других монархий, или аристократий не **политически**, а только **содержанием своего идеократического элемента**, в чем могут быть различны между собой и другие монархии или республики. Стало быть, теократия сама по себе никакой особой политической формы власти не составляет. Немудрено, что все эти неудачные прибавки не принимаются в науке.

Как неизбежен остается Аристотель, любопытный образчик этого представляет исследование Н.А.Зверева.^[10] (Основания классификации государств в связи с общим учением о классификации. Москва, 1883.) Труд этот тем более поучителен, что данные политики сведены в нем с данными социологии и освещены общей философской мыслью. К чему же мы приходим?

Классификация Аристотеля, выраженная в современной терминологии (то есть называя политею Аристотеля, по-нынешнему, демократией, а его демократию, по-нынешнему, охлократией), как известно такова.

Он признает три основные государственные формы, которые могут быть или правомерными (когда имеют в виду благо государства) или извращенными (когда имеют в виду благо правителя). Таким образом, получаем:

1. **монархию**, способную извращаться в **тиранию**;
2. **аристократию**, способную извращаться в **олигархию**;
3. **демократию**, способную извращаться в **охлократию**.

Подвергая критике все поправки, предложенные в разные времена и отвергая их, а также показывая, что попытки новых классификаций или несостоятельны, или только воспроизводят в замаскированном виде того же Аристотеля, профессор Зверев считает возможным, соединяя результаты 2000 лет работы остановиться на такой классификации:

— **простые формы** (с нераздельными органами верховной власти):

- монархия;
- аристократия;
- демократия;

— **сложные формы** (верховный орган коих делится на составные части):

- монархические
- аристократические;
- демократические.

Нельзя однако не сказать, что **простота** или **сложность** может составлять лишь внешний наглядный признак, а никак не объясняет самого **содержания**. Стало быть для выяснения **содержания** государственных форм мы должны изобразить формулу профессора Зверева несколько иначе и получим, что основными формами являются:

— монархия

- с нераздельными органами;
- с раздельными органами;

— аристократия

- с нераздельными органами;
- с раздельными органами;

— демократия

- с нераздельными органами;
- с раздельными органами.

Итак мы снова находимся в чистой классификации Аристотеля, особенно если вспомним, что **раздельного** органа собственно **верховой власти** в действительности нет, а есть только раздельные органы управления, так что, стало быть, это есть второстепенный, а не основной признак классификации.

Вообще 2000 лет политическая наука и прямо и косвенно только подтверждает Аристотеля. К ней присоединяется и социология. Весьма поучительны в этом отношении размышления Г.Спенсера.

Говоря о развитии политических учреждений, Спенсер устанавливает, что общество внутри связано двоякого рода организацией: экономической и политической. Первая, по его мнению, вырастает бессознательно и без принуждения, вторая выражает «сознательное преследование целей», и «действует принуждением». **Сознательность** и **власть**, таким образом, и им признаются основой государства. Что касается самой власти, то видя ее источник в **народе** (и притом, применяя терминологию Блунчли, в «идеократическом» элементе), Спенсер признает подобно всем другим наблюдателям, что она выражается в трех основных «орудиях»: «деспотизме», «олигархии» и «демократии».^[11] Понятно, что для обозначения несимпатичных ему единоличного правления и правления избранных Спенсер употребляет лишь такие «непочтительные» термины, но как факт — он усматривает, как видим, совершенно то же, что и другие наблюдатели.

Вообще в определении государства, его основных форм и даже свойств их мы имеем перед собой совершенно **аксиоматическую** истину, наблюдение общее, одинаковое, бесспорное. Приведу для наглядности еще небольшой образец этого, примечательный по древности.

XIV.

Древние определения. — Рассказ Геродота. — Характеристика основных принципов власти.

Задолго до самого Аристотеля, Геродот в своей истории рассказывает о диспуте на собрании персов, низвергнувших лже-Смердису. Безумный деспотизм Камбиза и самозванство лже-Смердису, вызвавшие необходимость восстания, очень потрясли монархические чувства персов. Между ними явились мысли об изменении формы правления в государстве, которое, освободившись от самозванца, оставалось без законного наследника трона и безо всякого правительства.

«По происшествии пяти дней, — рассказывает Геродот, — когда волнение улеглось, восставшие против магов персы устроили совещание об общем положении государства, причем были произнесены речи, для некоторых эллинов сомнительные, но действительно сказанные.^[12] Отана (один из заговорщиков) **предлагал предоставить управление государством всем персам**. «Я полагаю, — говорил он, — что никому из нас не следует уже быть единоличным правителем; это тяжело и непохвально. Мы видели до какой степени дошло своеволие Камбиза, и сами терпели от своеволия мага (лже-Смердису). Да и каким образом государство может быть благоустроенным при единоличном управлении, когда самодержцу дозволяется делать безответственно все, что угодно? Если бы даже достойнейший человек был облечен такою властью, то и он не сохранил бы свойственного ему настроения. Окружающие самодержца блага порождают в нем своеволие, а чувство зависти присуще человеку по природе. С этими двумя пороками, он становится порочным вообще. Пресыщенный благами, он делает многие бесчинства, частью из своеволия, частью из зависти. Хотя самодержец должен бы быть свободен от зависти, потому что располагает всеми благами, однако, образ действий его относительно граждан оказывается не таков. Он завидует самой жизни и здоровью добродетельнейших граждан, напротив, негоднейшим из них покровительствует, а клевете доверяет больше всего. Угодить на него труднее, чем на кого бы то ни было, ибо если ты восхищаешься им умеренно, он не доволен, что ты недостаточно чтить его; если же оказываешь ему чрезвычайное почтение, он не доволен тобою, как льстецом. Но вот что еще важнее: он нарушает искони установившиеся обычаи, насилует женщин, казнит без суда граждан. Что касается народного управления, то, во-первых, оно носит прекраснейшее название **равноправия**, во вторых, правящий народ, не совершает ничего такого, что совершает самодержец; на должности народ назначает по жребию, и всякая служба у него ответственна; всякое решение передается на общее собрание. Поэтому я предлагаю упразднить, единодержавие и предоставить власть народу. **Ведь в количестве все**».

Эта горячая речь персидского демократа, который даже в последствии согласился на восстановление монархии, только под условием, чтобы он лично был уволен ото всякого подчинения царю, — вызвала, однако, возражения. Мегабаз выступил с мнением за аристократию.^[13]

«Что касается упразднения самодержавия, — сказал он, — то я согласен с мнением Отаны. Но он ошибается, когда предлагает вручить власть народу. В действительности, нет ничего бессмысленнее и своевольнее негодной толпы; и невозможно, чтобы люди избавили себя от своеволия тирана для того, чтобы отдаться своеволию разнузданного народа; ибо если что делает тиран, он делает хотя со смыслом, а у народа нет смысла. Да и возможен ли смысл у того, кто ничему доброму не учился и не знает, а стремительно без толку накидывается на дела, подобно горному потоку? Народное управление пускай предлагают те, кто желает зла персам, а мы выберем совет из достойнейших людей и им вручим власть; в число их войдем и мы сами. **Лучшим людям, естественно, принадлежат и лучшие решения**».

В объяснение слов Мегабаза напомним, что совещавшиеся действительно имели право считать себя в числе «лучших людей». Они только что спасли отечество от тирании, которая угрожала самой **национальности** персов, и исполнили эту задачу с мужеством и риском, не часто встречающимися. Однако же Дарий, в то время еще не имевший никаких особенных шансов быть избранным в цари, выступил против мнений Отаны и Мегабаза.

«Мне кажется, — заявил он, — что мнение Мегабаза о демократии верно, а об аристократии ошибочно. Из трех предлагаемых нам способов управления, **предполагая каждый из них в наилучшем виде**, то есть наилучшей демократии, такой же аристократии и такой же монархии, я отдаю предпочтение последней. Не может быть ничего лучше единодержавия наилучшего человека. Руководимый добрыми намерениями, он безупречно управляет народом. При этом вернее всего могут сохраняться в тайне решения относительно внешнего врага. Напротив, в аристократии, где многие достойные лица пекутся о благе государства, обыкновенно возникают ожесточенные распри между ними. Так как каждый из правителей добивается для себя главенства и желает дать перевес своему

мнению, то они приходят к сильным взаимным столкновениям, откуда происходят междоусобные волнения, а из волнений кровопролития; кровопролитие приводит к единодержавию, из чего также следует, что единодержавие наилучший способ управления. Далее при народном управлении пороки неизбежны, а раз они существуют, люди порочные не враждуют **между собой** из-за государственного достоинства, но вступают в тесную дружбу; обыкновенно вредные для государства люди действуют против него сообща. Так продолжается до тех пор, пока кто-нибудь один не станет во главе народа и положит конец такому образу действий. Вот почему подобное лицо возбуждает к себе удивление со стороны народа и скоро становится самодержцем, тем еще раз доказывая, что самодержавие совершеннейшая форма управления. Сводя все сказанное вместе, спросим: откуда наша свобода и кто доставил нам ее? От народа ли мы получили ее, от олигархии или от самодержца? Я полагаю, что свободными нас сделал один человек, и потому мы обязаны бжюсти единовластие, равно и потому, что нарушение исконных установлений не принесет нам пользы».^[14]

Многое ли прибавляют нынешние политические писатели к этим характеристикам различных идеалов власти? Изложенная в современных выражениях и поясненная современными примерами, речь Дария Гистаспа на современном учредительном собрании могла бы всякому оратору доставить славу глубоко пронизательного политика... И это очень естественно, потому что во всех **основных** условиях общежития и политики **новизны** в существе дела нет, государственное творчество старины и современности вечно вращается в круге трех основных форм власти.

XV.

В чем может быть «новизна» политических явлений. — Появление и эволюция разновидностей основных форм.

Но если основные начала верховной власти остаются вечно одни и те же, то это конечно не означает, чтоб политической науке после Дария Гистаспа и Аристотеля уже нечего было делать.

В политике проявляются общие законы живых процессов. В основе явлений лежат вечные **типы**, несколько основных форм и принципов, порождаемых неизменностью законов духа человеческого и коренных условий общественной жизни. Но при всей неизменности их **по существу**, эти факторы, порождающие политическую власть, представляют чрезвычайное разнообразие частных комбинаций. Монархическая, аристократическая или демократическая идея вырастают на разной почве и, сверх того, сами претерпевают процесс эволюции, который складывается под влиянием двух условий; 1) посредством внутреннего, логического развития самого типа, который, раз сложившись, имеет стремление сделать из себя выводы, сообразно своему **внутреннему содержанию**, или, другими словами, стремится развиваться в направлении, определенном комбинацией его внутренних сил; 2) эта тенденция встречает также воздействие внешних условий, **условий среды**, то есть всех условий национальной жизни, которая сама развивается не только в направлении своего внутреннего содержания, но и под влиянием воздействия других народов.

Таким образом, основные формы верховной власти в своем развитии представляют много видоизменений. Один и тот же **тип** представляет разные **виды**. Историческая жизнь, протекшая со времени греческих республик и Персидской монархии, не может не представить нам множества **новых** разновидностей, то есть подразделений власти, наблюдение которых, в свою очередь, не может не бросать свет и на смысл основных «типов». Чем больше мы знаем разновидностей, чем яснее познаем их отличия, тем точнее можем мы определить, в чем именно состоит их общее типичное содержание. Перед наукой здесь поныне остается огромное поле доселе неисполненной, нередко почти нетронутой работы.

Современные демократии, например, развиваются на почве, во многом отличной от древней. Нравственное состояние наций, выдвигающих демократическую верховную власть, всегда имеет нечто **общее**; но и различия нравственного состояния Франции или Америки от Рима или Греции — огромны. Точно так же и монархическое начало, развиваясь, например, в Западной Европе, в России, на магометанском Востоке, в Китае, не только родилось не из вполне одинакового содержания национального духа, но и при дальнейшем развитии испытывало далеко не одинаковое воздействие среды.

Различие явившихся, таким образом, разновидностей представляется очень существенным, а между тем как бы не сознается политической наукой. Особенно мало и плохо обследован именно монархический принцип.

Причина этого заключается в том, что европейско-американский мир, стоящий во главе умственного развития современных народов, уже почти не имеет возможности **непосредственно** наблюдать действия этого начала власти. Современное умственное движение западного мира совпало с захирелым состоянием монархического начала.

Известный Ф. Ле-Пле справедливо устанавливает, что изучение всякого общественного явления может быть производимо лишь на **цветущих** образчиках его, то есть в тех, в которых проявляются законы **жизни** его. Только узнав их, мы можем переходить к явлениям патологическим.

Современная политическая наука в Европе, наоборот, обречена изучать монархическое начало народов по образчикам больным и умирающим. Ошибки этого наблюдения могла бы легче всего исправить **русская** наука, так как она имеет перед собой возможность наблюдать эту форму власти в образчиках **нормальных**. Но, к сожалению, наша наука лишь в самое последнее время начала приобретать сколько-нибудь самостоятельный характер, осмеливаясь выходить из роли простой компиляции европейских наблюдений и выводов. Она еще почти ничего не успела сделать, а между тем при первых же проявлениях ее самостоятельности перед ней становится, например, такой

важный вопрос, как различие между **абсолютизмом** европейской монархии, **самовластием** Востока и **самодержавием** русской. Вопрос об этом различии, можно сказать, даже не затронут русской наукой, а между тем без разъяснения его монархическое начало власти остается чем-то непонятным.

При наблюдении, например, **абсолютизма** мы положительно не схватываем никаких **существенных** отличий монархии и демократии, конечно, абсолютизм есть исторический факт, и, стало быть, несомненно, что монархическое начало способно приводить к абсолютизму. Но если бы мы не знали о монархии ничего больше кроме этого, она являлась бы настоящей загадкой. Каким образом начало столь родственное демократии, может быть с нею во вражде, каким образом оно может даже возникнуть, как нечто **особенное** и держаться столетия, не имея никакого **собственного** содержания?

Только наблюдение других разновидностей монархического начала способно объяснить судьбы этого принципа, развившегося в абсолютистскую форму, и показать, возможно ли в ней усматривать форму **типичную**.

Из числа этих других разновидностей особенного внимания заслуживает **монархия самодержавная**, так как в ней мы находим монархическое начало строго выдержанным и в то же время наиболее доступным наблюдением. Для нас, русских, по крайней мере, Россия и отчасти Византия представляют наиболее благодарное поле наблюдения. На нем мы и должны особенно остановить внимание. Но прежде чем рассматривать проявления самодержавной формы монархической власти, необходимо задаться вопросом о том, каким образом власть **единоличная** превращается в **монархическую**?

XVI.

Слабость политического сознания. — Грозный. — Петр Великий. Господство частного вдохновения над принципом. — Подрыв собственной идеи власти. — Вторжение абсолютизма.

Ясно и бесспорно, что монархия составляет проявление **единоличной власти**. Но не менее ясно, что не всякая единоличная власть составляет монархическую. Что же превращает единоличную власть в монархию? В древности к этому вопросу не присматривались с большой точностью. Монархом считался и персидский царь, но монархами назывались и тираны. Различали правомерную и извращенную формы монархии в зависимости от того, направлялась ли власть на благо народа или самого правителя. Такое определение скользит по поверхности вопроса. Здесь дело сводится к личности правителя, и **образ** правления определяется всецело его **способом**. Сведенные на такую субъективную почву явления власти потеряли бы всякую объективную основу. Между тем и в древности было достаточно фактов, показывающих, что, помимо способа своего употребления, **образ** правления заключает в себе нечто особенное, ему самому по себе присущее. Пизистрат думал о благе народа, конечно, не меньше Камбиза. Но все-таки греки не мирились с «тиранией». В Персии же самый возмутительный способ правления не изглаживал в сознании нации приверженность к «монархии».

Без сомнения, сама по себе единоличная власть не составляет еще монархии.

Диктатура обладает огромными полномочиями, но все-таки это есть власть **делегированная**, власть народа или аристократии, лишь **переданная** одному лицу.

Точно так же и **цезаризм**, римская императорская идея, сам по себе лишь прокладывает иногда путь монархии, или же, наоборот, от монархии ведет к демократии, но сам по себе не составляет учреждения чисто монархического. Цезаризм имеет внешность монархии, но по существу представляет лишь сосредоточение в одном лице всех властей народа. Это — бессрочная или даже увековеченная **диктатура**, представляющая, однако, все-таки верховную власть народа.

Монархия есть нечто иное, а именно: единоличная власть сама получившая значение верховной.

Все свои особенности монархия получает от этого существа своего: отличия свои от других видов единовластия она получает от того, что стала властью **верховой**; отличие от других форм верховной власти (аристократия и демократия), она получает благодаря особенностям власти **единоличной**.

На эти особенности должно прежде всего обратить внимание.

Не трудно заметить, что единоличная власть всегда выдвигается в тех случаях, когда подлежащее ей действие совершенно ясно всеми сознается; она представляет, так сказать, коллективное единомыслие. Только в случае такого единомыслия может являться единоличная власть, ибо **принудить** массу к подчинению, против ее сознания, одно лицо не имеет силы. Влияние большинства или верхнего слоя избранных в этом случае имеет более шансов. Но в тех случаях, когда имеется народное единомыслие, единоличная власть оказывается наиболее удобною, так как она отличается наибольшею быстротой, энергией и выдержанностью действия. Если ко всем этим свойствам присоединить еще общенародное одобрение цели действия, то единоличная власть сама выдвигается народом, как наилучшая.

Сила единоличной власти, в отношении подчиненных, таким образом, есть сила преимущественно **нравственная** основанная на взаимном понимании и доверии. Конечно, для действия необходима дисциплина, но и сама дисциплина в основе держится нравственным сознанием ее необходимости. Единоличная власть во всех своих проявлениях держится на основе сознательного добровольного подчинения. Это не власть толпы, с ее физической силой, которой подчиняются, даже презирая и ненавидя ее. Это не власть аристократии, подавляющей народ своим богатством, умственным превосходством, искусством политической интриги. Это власть, нравственно представляющая сознание самих подчиняющихся ей, откуда она и черпает главную основу своей силы.

Это общее свойство единоличной власти, естественно, проявляется и тогда, когда она становится **верховой**.

Но каковы же могут быть условия, при которых от верховной власти требуют или ожидают именно тех свойств, какие возможно найти только у власти единоличной?

XVII.

Внутренний смысл трех основных принципов власти. — Психологические основания перехода каждого из них в значение верховной.

Мы видели, что политическое творчество человека, создавая **верховную власть**, вращается в круге трех основных форм: монархии, аристократии и демократии. Чем же именно обуславливается предпочтение, отдаваемое разными народами и разными эпохами той или иной основе? Почему один народ выдвигает свое государство на начале монархическом, а другой — на начале демократическом, или, покидая одно начало, перестраивает государство на основе какого-либо другого?

Это обуславливается, очевидно, известным **психологическим состоянием нации**, которому соответствуют **свойства самого принципа**, воздвигаемого в значение **верховного**. Я говорю о **нации**, а не о **народе**. Нередко высказывается, что **первоисточником** верховной власти служит все-таки «народ». Эта мысль залегла во всех **абсолютистских** учениях, как монархических, так и демократических (Гоббес, Руссо). Но она верна лишь в том случае, если мы под словом «народ» будем понимать не численную «массу», а «нацию» как преемственно живущее коллективное целое.

Нация, то есть народ внутренне слившийся в нечто целое, с известными привычками, традиционным опытом, общим характером, с известным духом и мирозерцанием, а, стало быть, с известными **идеалами**, эта нация есть первоисточник власти. Она составляет силу, которая создает верховную власть того или иного типа, а также при известных колебаниях своего духа дает место замене одного принципа другим.

Политика здесь сливается с национальной психологией. В той или иной форме верховной власти выражается дух народа, его идеалы и верования, то, что он внутренне сознает как высший принцип, достойный подчинения ему всей жизни. Как высший этот принцип является самодержавным, неограниченным. Верховная власть, им создаваемая, **ограничивается лишь содержанием своего собственного идеала**. Здесь имеет место то, что Блюнчли называет **идеократией**. Всякая верховная власть идеократична, то есть находится под властью своего идеала, безгранично сильна, пока совпадает с ним, и становится узурпацией (тиранией, олигархией, охлократией), когда сама выходит из подчинения ему. Пределы эти, определяющие нравственную законность и незаконность верховной власти, не подлежат точной формулировке, но всегда прекрасно чувствуются нацией, то послушно подчиняющейся сознаваемой ею **основной правде** власти, то возмущающейся против узурпации.

Эта нравственная, духовная или идеократическая подкладка верховной власти настолько ощутима, что многие исследователи политических учреждений старались указать связь между формой верховной власти и нравственным состоянием нации. Известна в этом отношении формула Монтескье, совершенно, впрочем, произвольная. Как бы то ни было, несомненно, что в государственных учреждениях отражается нравственная философия народа или эпохи. В государстве нация стремится поставить высшую охрану того, что считает **должным** или **справедливым**. Но почему она для этого в одних случаях доверяет по преимуществу единоличному **монарху**, а в других — возлагает надежды на **лучших людей**, или на **численное большинство**?

В этом проявляется ничто иное как степень напряженности и ясности идеальных стремлений нации. Власть требует силы. В различных формах верховной власти выражается то, какого рода силе нация наиболее доверяет, по своему нравственному состоянию.

Демократия в этом отношении выражает доверие к силе **количественной**.

Аристократия выражает доверие к силе **качественно высшей**, некоторую разумность силы.

Монархия является представительницей силы идеальной, **нравственной**.

Если в обществе не существует достаточно напряженного верования, охватывающего все стороны жизни в подчинении одному идеалу, связующим звеном его является **численная сила**, количественная, которой нельзя не подчиниться, если бы даже и не иметь к тому внутренней готовности. Это духовное состояние нации **выдвигает демократию**.

Если целостные идеалы не сознаются достаточно ярко **всеми**, но при этом не утрачена, однако, вера в существование разумности общественных явлений, является господство **аристократии**, людей «лучших» наиболее способных отыскать эту разумность.

Монархия является тогда, когда в нации наиболее сильно живет целый, всеобъемлющий нравственный идеал, всех приводящий к добровольному себе подчинению, а потому требующий для своего верховного господства не физической силы, не истолкования, а просто **наилучшего выражения**, какое, конечно, способна дать **отдельная личность**, как существо нравственное. **Единоличное** начало появляется тогда и подготавливает **монархию**...

Уже из того промежуточного положения, которое занимает аристократия в этой формуле, легко видеть, что она **наименее, наиреже** способна выдвигаться как принцип **верховой власти**, но с другой стороны, наиболее **неизбежна** и неустраима в числе сил управления.

Ни в самой полной демократии, ни в самодержавной монархии аристократия не исчезает никогда в числе наиболее деятельных сил управления, но возвыситься до положения **верховой власти** она большей частью не может, ибо колебательное нравственное состояние нации, выдвигающее аристократию на верховное место,

обыкновенно разрешается приближением к какому-нибудь более определенному состоянию, выражаемому либо господством демократии, либо установлением монархии.

Вообще, впрочем, воздвигая какое-либо одно **начало** власти в верховный, гармонизирующий принцип, нация этим отнюдь не уничтожает других способов, в которых проявляется общественная сила. Цель государства состоит не в уничтожении их, а лишь в установлении между ними известного соподчинения. Какова бы ни была верховная власть, над ними поставленная, в национальной жизни продолжают жить и другие принципы, но они уже находят себе законное, допускаемое место лишь в качестве силы **служебной** в отношении верховной власти, и допускается ею лишь в сфере **управления**, под верховным надзором ее.

Совершенство верховной власти, в числе прочих условий, отчасти измеряется и тем, в какой мере она способна свободно допустить в **управлении** подчиненные принципы власти, не допуская их в то же время до узурпации и государственного переворота. Способность к этому монархии, аристократии и демократии неодинакова. Но, вообще говоря, ни одно из этих начал не может вырвать из человеческого общества двух других, если бы даже и задалось этой задачей. Аристократия, наиболее слабая, а потому и ревнивая форма власти, все-таки не может отрицать ни численной силы, ни единоличного нравственного представительства ее. Демократия же, в сфере управления почти всегда фактически подчиненная той или иной форме ненавидимой ею аристократии, в то же время постоянно принуждена прибегать к **диктатуре** каждый раз, когда является настоятельная потребность осуществить назревшую народную волю. Диктатура же, столь часто переходящая в **цезаризм**, в этой своей стадии развития уже очень близка к принципу монархическому. Что касается монархии, то излишне даже упоминать о широком месте, уделяемом ею в сфере управления принципам аристократическому и демократическому.

XVIII.

Монархия как верховенство нравственного идеала. — Значение религии и христианства. — Независимость монархии от народной воли. — Подчинение монархии народной вере.

Итак, для того чтобы единоличная власть могла получить значение **верховой**, то есть чтобы могла возникнуть **монархия**, необходимо народное единомыслие относительно того, что высшим принципом, верховно руководящим все стороны жизни нации, должен быть **нравственный идеал**.

Высшим идеалом, объединяющим все стороны человеческой жизни, является идеал **нравственный**. Его живое присутствие необходимо для существования монархии. Единоличная власть, вообще, является наилучшим орудием осуществления того, что ясно и глубоко сознается нацией. Когда такое живое сознание имеется в отношении высшего идеала жизни, наилучшим выражением его осуществления становится власть единоличная, ибо личность человека есть живое седалище нравственного идеала. В его лице нация подчиняет на служение идеалу правды как свою физическую силу большинства (элементы **демократии**), так и опыт, влияние и авторитет своих лучших людей (элементы **аристократии**).

Можно теоретически спорить о том, одна ли религия способна давать нации **всеобъемлющий** идеал, в котором освещаются все стороны ее жизни. Но в практике истории никакие философские системы не способны были в этом отношении заменить религиозного мировоззрения. Это совершенно понятно. Только религия ставит высшую Божественную Личность превыше всего в природе и таким образом в нашей человеческой жизни сохраняет высшее место для начала нравственного, личного. Только при свете религии человек, при всех своих подчинениях, условиям материальным и социальным, сохраняет сознание верховного значения своей личности, а посему переносит такое же понятие верховности на идеалы нравственные. Для **верующего** сверх того понятно, что только реальная связь с Божеством способна дать силу жить нравственным идеалом. Как бы то ни было, в исторической действительности всеобъемлющий идеал, способный объединять все цели, все стороны жизни на почве нравственной, человечество находило постоянно именно в **религии**. Те или иные религиозные концепции, точно так же, как те или иные расстройства религиозного сознания, могущественно влияют на общественную и политическую жизнь.

Отсюда ясно, что наиболее твердую почву для монархии дает именно **христианство**.

Власть монарха возможна лишь при народном признании. Но будучи связана с некоторой **высшей** силой, она является представительницей не народа, а той высшей силы, из которой вытекает нравственный идеал. Признавать верховное господство этого идеала нация может лишь тогда, когда верит в его **абсолютное** значение, а стало быть, возводит его к абсолютному личному началу, то есть Божеству. Истекая из человеческих сфер, идеал не был бы абсолютен; проистекая не из личного источника, не мог бы быть нравственным. Таким образом, подчиняя свою жизнь нравственному идеалу, нация, собственно желает подчинить себя Божественному руководству, ищет верховной власти **Божественной**.

Это и есть необходимое условие, при котором единоличная власть способна перерасти значение делегированной и становиться **верховой**, как делегированная от Божества, а посему не только совершенно независимая от людей, но выше всякой их человеческой власти. Римский цезаризм чувствовал это, когда старался приписывать императорам **личную** божественность, но в действительную монархию мог превратиться только с победой христианства, в империи Византийской.

Вообще, как выше сказано, лишь христианство, открывающее истинные цели жизни, природу человека и действие Божественного Промысла, дает вполне надлежащую социальную среду для развития монархического начала власти во всей его тонкости. Уклонения от начал истинного христианства в римском католицизме или протестантизме дают в политике образчики уже более или менее извращенного типа монархии. Еще менее удачны проявления этого начала в странах языческих и магометанских.

Именно уже значительно потускневшее религиозное сознание дало место и той теории абсолютизма, по которой народ будто бы **отрекается** от своей власти в пользу монарха. В действительности это идея не монархии, а **цезаризма**, вечной диктатуры, то есть в основе — идея демократическая. По идее монархической, народ вовсе ни от чего своего не отказывается, а лишь проникнут сознанием, что **верховная** власть по существу принадлежит не ему, а той Высшей Силе, которая указывает цели жизни человеческой. Народу не от чего отказываться. Он просто признает власть Бога, веря, что в государственных отношениях она вручается монарху не народом, а Божественной волей. При таком понимании власть монарха не есть народная, не из народной власти истекает и не народную волю призвана выражать. Но, с другой стороны, эта власть существует не для самой себя, как это может случиться при абсолютизме, но для народа, вообще для исполнения некоторой **миссии**, свыше указанной. Таким образом, монархическая власть составляет **служение**, а не привилегию.

Настоящая, типичная монархия этой своей отвлеченностью от народной власти и народной воли и в то же время своей подчиненностью **народной вере, народному духу, народному идеалу**, именно и приобретает способность быть властью **верховой**.

В исторической практике это выдвижение единоличной власти в значении власти верховной совершается естественно, самостоятельно, как бы неизбежно, если есть в народе необходимая для того нравственно религиозная подкладка.

Мы остановимся для обсуждения этого на примерах Русской Истории как более общеизвестной, хотя должно оговориться, что значение собственно религиозного начала в безнациональной Византии выступает еще более рельефно нежели у нас.

XIX.

Примеры истории. — Политический идеал, выдвигаемый идеалом религиозным. — Самостоятельность этого процесса.

Во всяком случае в русской истории, тоже с чрезвычайной наглядностью можно наблюдать, как религиозное мирозерцание подсказывает народу его политический идеал и тем порождает искание **единоличной династической власти** в то время, когда ее еще и не существует. Под влиянием народного искания она складывалась естественно, совершенно сливаясь в этом складывании с народом в понимании своих прав, задач и обязанностей, то есть вырабатывал качества, необходимые для того чтобы стать **верховой**.

Исследователи наших древних государственных учреждений показывают нам то, что составляет общий закон политики, то есть присутствие в древней Руси всех трех основных элементов власти: начала монархического, аристократического и демократического.

Государственный строй (древней Руси) зиждется на трех элементах: **князь, дружина и вече**. Элементы эти, говорит Романович-Славатинский, находятся в постоянном колебании, то борясь между собой, то уравнивая друг друга. Сама дружина, как особенно ясно у профессора Ключевского (Боярская дума), представляла довольно сложный аристократический элемент, в котором издревле был силен слой **боярский**, настоящих **лучших людей**; этот **боярский** слой играл выдающуюся роль, как в княжествах с особенно сильным ростом монархического начала, так и в северных республиках. В Галиче аристократический боярский слой доходил даже до присваивания себе верховной власти.

Демократическое начало, в свою очередь, не только широко развилось в Новгороде, Пскове, Вятке, но постоянно проявляется повсюду.^[15] Пока в национальном мировоззрении не получило твердого преобладания одно начало верховной власти, государственный строй Руси представляется чем-то колеблющимся, так что даже трудно сказать, в этом ряде княжеств имеем ли мы перед собой одно государство?

Однако, уже издревле у нас росло преимущественно начало **монархическое**. Его рост не может быть объясним ни условиями колонизации, ни условиями национального самосохранения. Новгородская колонизация при республике шла не менее успешно, нежели Суздальско-Владимирская, и хотя Московское царство окончательно сложилось, спасая Россию от татарского ига, но царская идея несомненно развивалась гораздо раньше. Ее идеал носился уже над Владимиром Святым, Ярославом Мономахом. Андрей Боголюбский подошел к ней едва ли не ближе, чем первые московские князья, и этот единовластитель, убитый крамольными боярами, остался для массы народа идеалом правителя, окруженный святым почитанием.

Достаточно видеть отношение к **князьям** в массе нации, чтобы предусматривать рост монархического начала. Удельные князья, почти превратившиеся в аристократию, раздробившую и обессилившую Русь, каждый в отдельности все же почитаются как нечто **принципиально** отличное от прочей аристократии — дружинной и боярской. Даниил Заточник характеристично различает светлое и благодетельное начало **княжеской** власти и своекорыстное начало власти слуг его:

«Лучше пусть моя нога войдет в лыке в твой двор, — говорит он, — нежели в червленом сапоге во двор боярский; лучше мне тебе в дерюге служить, нежели в багрянице в боярском дворе; лучше мне воду пить в дому твоём, нежели вино в боярском». Что такое **князь**? «Как дуб крепится корнем, — говорит Даниил, — так град наш твоею державой. Кормчий — глава корабля, а ты, князь, — людям своим... Муж — глава жены, а князь — мужам. А **князю — Бог**». Он поэтично сравнивает милости князя с **весной**, украшающей землю цветами, с **солнцем**, обогревающим землю. Но и гроза княжая страшна: «Княже господине мой — орел — царь над птицами, осетр — над рыбами, лев — над зверями, а ты, княже, над переяславцами (послание в цитируемом списке адресуется Ярославу Всеволодовичу). Лев рыкнет: кто не устрашится? Ты, князь, слово скажешь — кто не убоится?» Тело крепится

жилами, а мы, княже, твоею державой». Князь объединяет не только своих домочадцев, но и иные страны, притекающие к нему...

Не трудно узнать источник этой философии, выделяющей **князя**, как идеальный элемент **власти**. Вместе с христианством — как князь, так и народ слышали определение миссии княжеской власти. «Ты, — говорили церковные учителя Владимиру Святому, — поставлен от Бога на казнь злым, а добрым на милованье». Князь — **поставлен Богом**. Это не сила толпы, не богатство и влияние «лучших» людей; это власть, указанная **свыше**. Еще Владимира Святого называли и царем и самодержцем. «Князю земли вашей поучает **Златая Цепь** XIV века, покоряйтесь, не речите ему зла в сердце вашем, прямите ему головой своею и мечем своим, и всею мыслью своею, и не возмогут чужие противиться князю вашему; если хорошо служите князю, обогатеет земля ваша и соберете добрый плод». И в то время, когда дружина еще полна была духом безгосударственной вольности «отъезда», **Златая Цепь** уже поучает: «Если кто от своего князя отпадет к иному, не будучи им обижен, **подобен есть Иуде**».

Было бы очень мало сказать, что эти свидетельства мы можем проследить через всю историю России. Собственно говоря, кроме таких и аналогичных им свидетельств, мы ничего иного не в состоянии найти не только в древности, но и по настоящее время. **Современные** пословицы, в которых народ выражает то, что вынесено им из вековых оценок, воспроизводят ныне совершенно то же политическое мирозерцание, которое отмечалось иностранными наблюдателями старой Москвы. А как они характеризовали политическое мировоззрение русского народа?

«Скажет царь, — говорит Герберштейн, — и сделано; жизнь достояние людей светских и духовных, вельмож и граждан совершенно зависит от его воли. Русские уверены, что великий князь — исполнитель небесной воли. Так угодно Богу и государю; ведает Бог и государь, говорят они», «Москвичи, — говорит иезуит Поссевин, — наследовали от предков высокое понятие о государе и утверждают в нем воспитанием. Когда их спрашивают о чем-нибудь, они обыкновенно отвечают: один Бог и великий государь знают это. Царь все знает, он может разрешить какое бы то ни было затруднение или сомнение; нет на земле веры, которой догматов и обрядов он бы не знал; все, что мы имеем и чем живем, все это от милости государя».

Излишне упоминать, что эта характеристика не без больших погрешностей. Сам Поссевин должен был услышать непосредственно от Иоанна Грозного, что и по русскому мирозерцанию **есть пределы** всеведению и могуществу царя. О «великих делах» веры Иоанн просто на просто **отказался** рассуждать с иезуитом, ссылаясь на Церковь, которой послушным учеником объявил себя.

Верховная власть прекрасно чувствовала, что и она все-таки ограничена содержанием своего собственного принципа.

Светлый идеал, который носился над страной в виде самодержца, явился к нам вместе с **православием**. Но он вовсе не был выводом сухой политической **доктрины**, занесенной из Византии. Он вытекал из источников более глубоких: из христианского понимания **общих целей жизни**. Он соответствовал вовсе не одним целям концентрации сил страны для нынешней борьбы или поддержания внутреннего порядка, но вообще целям жизни, как их понимал русский человек, проникнутый христианским мирозерцанием. А оно распространилось у нас широко и свободно.

Излишне распространяться о чрезвычайно благоприятных условиях, какие встретило христианство в только что слагавшейся русской земле. Его учение воспринималось с детской верой, безо всякого разрушающего скептицизма, без компромиссов борьбы, и по мере восприятия становилось руководством ко всецелому устройству быта. На одном и том же идеале воспитывались все, и под влиянием этого общеразделяемого **идеократического элемента** складывались постепенно также отношения государственные. У нас часто говорится о **византизме** нашей государственности. Конечно, Византия в свое время была истолковательницей политических идеалов, наиболее вытекающих из православия. Но нельзя не сказать, что в России верховная власть **выращена** из жизни христианского народа. Москва имела право считать себя **третьим Римом**, а не простым повторением Византии. Впрочем, известно, что лучший теоретик своего времени, царь Иоанн Грозный, совершенно свободно критиковал византийские порядки и указывал, чего в них, по его мнению, должно избегать. Вообще в своей государственной идее наши предки не просто повторяли чужое слово, а сказали свое, тем более веское, что при этом самосознание верховной власти столь же поразительно совпадает с политическим самосознанием народа, как и с христианским понятием сущности и задач власти в общих целях земной жизни человеческой.

Сравним, действительно, что говорит о власти христианство, и как поняли его учение царь и народ русский. Тожество мирозерцания получается полное.

XX.

Евангельское учение о власти. — Власть, как установление Божеское. — Власть христианская.

Настоящую основу христианского политического учения составляет **воздавание Кесарю Кесарева и Божия Богу**.

Кесарь не случайно является на свете. Нет власти, которая была бы не от Бога. Даже в таком страшном случае, какой поставил Пилата решителем вопроса о казни Христа, представитель земного суда **не имел бы власти, если бы не было ему дано от Бога**. Божественный Промысел управляет миром непостижимыми для человека путями, и для наших земных дел создает **власть**, которой мы обязаны повиноваться «для Бога», как неоднократно прибавляет апостол. В учении апостольском политическое своеволие не отличается от своеволия вообще, оно составляет проявление некоторой распушенности, «похоти плоти», отсутствия понимания главной цели жизни. Им

отличаются люди, которые «идут в след скверных похотей плоти, презирают начальства, дерзки, своевольны, не страшатся злословить высших». Те же самые люди, которые «оскверняют плоть, отвергают начальства и злословят высокие власти», они же своим поведением служат соблазном на вечерях любви. Всем таким апостольское учение угрожает тяжким наказанием Господа. Элемент **власти** так широко признается христианством, что даже рабы, имеющие господами «верных», то есть вместе с господами составляющие членов одной и той же церкви, тем не менее, должны повиноваться господам. Нет власти не от Бога. Противящиеся власти, противятся Божьему установлению. И только необходимость воздавания Божия Богу кладет границы повиновению кесарю и властям от кесаря установленным.

Такое повиновение не остается, однако, без разумного объяснения. Власть воздвигается Богом для блага самих же людей. «Начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло — бойся, ибо он не напрасно носит меч. Он Божий слуга, отомститель в наказание делающему зло. Начальствующие страшны не для добрых дел, а для злых». Апостол увещевает быть покорными не только «царю, как верховной власти», но и «правителям от него поставленным для наказания преступников и для поощрения делающих добро». Власть, таким образом, не есть какая-либо привилегия, но исполнение **службы**, Богом указанной.

Сами «господа» должны пользоваться почтением «рабов», собственно потому, что «благодетельствуют» им. Христианство, таким образом, повсюду облекает всякую власть **обязанностью** известного служения на пользу подчиненным. Поэтому подчиняться должно не только от страха, но и **по совести**. Уплата денежных податей точно также обязательна: «Ибо они (власти) Божьи служители, постоянно сим (то есть, службой) заняты», и стало быть, очевидно, требующие содержания со стороны общества, на пользу которому служат. В общей сложности «всякая душа да будет покорна высшим властям». «Отдавайте всякому должное: кому подать — подать, кому оброк — оброк, кому страх — страх, кому честь — честь». Должно также **«молиться и благодарить за царей, и за всяких начальствующих»**, для чего? Для того, чтобы проводить **«жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте»**.

Эта тихая и безмятежная жизнь во всяком благочестии и чистоте есть идеал христианского общества, а для пособия осуществлению его поставлена от Бога власть. Те, кто этого не понимают и выходят из повиновения — это «безводные облака, носимые ветром, ропотники, ничем недовольные, поступающие по своим похотям», они **«обещают другим свободу, будучи сами рабами тления»**.

Своеволие политическое, вообще, повторяю, рассматривается христианством как одно из проявлений общего своеволия, распущенности, по существу предосудительной, как «злоупотребление свободой», ибо постоянно напоминая христианам, что они «призваны к свободе», вероучение столь же постоянно увещевает поступать как свободные, а не как **злоупотребляющие свободой**.

Это наставление давалось уже в то время, когда христиане не только еще не имели никаких прав, но были гонимы с жестокостью и несправедливостью, превосходящими всякое описание. Повиноваться должно даже и такой власти. Власть, даже языческая хочет она или не хочет — поставлена все-таки по той воле Бога, которую Ему угодно было проявить в **политических** отношениях. Уважение предписывалось к самому **принципу власти**.

С тех пор как Верховная Власть перешла в руки христианских государей, такое уважение, понятно, могло лишь возрасти. Миссия же власти, как Божие служение, из бессознательной, направляемой лишь Промыслом, со стороны государя-христианина становится сознательной. Церковь не только молится за власть, но уже может **освящать** ее своими таинствами. Уважение христианина ко власти лишь возрастает от этого. С другой стороны, государь, будучи христианином, сознательно принимает власть не иначе, как **служение**, то есть как **долг, обязанность**. Он становится в ряд тех царей, которых Господь помазывал на царство в Израиле, но также и низвергал, и наказывал: в ряд царей, которые ответят за каждый свой поступок. Царь в отношении подданных имеет все права, ибо христианское учение говорит **только** об обязанностях подданных, совершенно умалчивая о каких-либо правах их в отношении Верховной власти. Верховная Власть отсюда, естественно, оказывается безграничною (в политическом смысле), но чем более она принимает такую безграничность, тем более она принимает миссию «Божьего служения», а стало быть и всю его страшную **ответственность**.

При таких условиях несение власти является в нравственном отношении истинным **подвигом**. Государь «не даром носит меч», но за каждый неправильный удар меча, как и за нанесение удара, если это необходимо, отвечает перед «Царем царей». Он поставлен для доставления другим «тихого и безмятежного жития», и — что ответит перед «Царем царей», если этой цели **службы** своей не исполнил? Он поставлен для наказания злых и поощрения делающих добро, другим словами, для осуществления **справедливости** того, что соответствует **правде**. Что ответит он «Царю царей», если не дал обществу этого господства правды?

XXI.

Идея верховной власти в истолковании Иоанна Грозного.

Такой идеал царя, вытекающий из православного понимания жизни, совершенно одинаково складывался у массы народа и у постепенно развивающейся царской династии. Превосходную формулировку его оставил царь, доселе памятный народу как немногие, а от современников получивший характеристику, как **«муж чудного разума, в науке книжной почитания доволен и многоречив, зело в ополчениях дерзостен и за свое отечество стоятель»**.^[16] Беспристрастный летописец, правда, тут же прибавляет, что царь Иоанн был «на рабы от Бога ему данные жестокосерд вельми»... Но этот вопрос особый, не касающийся «чудного разума с которым Иоанн формулировал идею своей власти.

Как же понимает он свою идею?

Государственное управление по Грозному^[17] должно представлять собой стройную **систему**. Представитель аристократического начала, князь Курбский, упирает преимущественно на личные доблести «лучших людей» и «сильных во Израиле». Иоанн относится к этому, как к проявлению политической незрелости, и старается растолковать князю, что личные доблести не помогут, если нет правильного **строения**, если в государстве власти и управления не будут расположены в надлежащем порядке. «Как дерево не может цвести, если корни засыхают, так и это: еще не прежде **строения благая** в царстве будут, то и храбрость не проявится на войне. Ты же, говорит царь, не обращая внимания на строения, прославляешь только доблести».

На чем же, на какой общей идее, воздвигается это необходимое «строение», «конституция» христианского царства? Иоанн в пояснение вспоминает об ереси манихейской: «Они развратно учили, будто бы Христос обладает лишь небом, а землю **самостоятельно** управляют люди, а преисподними — диавол». Я же говорит царь, верую, что всеми обладает Христос: небесными, земными и преисподними и «вся на небеси, на земли и преисподними **состоит его хотением**, советом Отчим и благоволением Святого Духа». Эта Высшая власть налагает свою волю и на государственное «строение», устанавливает и царскую власть.

Права Верховной Власти, в понятиях Грозного, ясно определяются христианской идеей **подчинения** подданных. В этом и широта власти, в этом же и ее пределы (ибо **пределы** есть и для Грозного). Но в указанных границах безусловное повиновение царю, как обязанность, предписанная верой, входит в круг **благочестия** христианского.

Если царь поступает жестоко или даже несправедливо, — это его грех. Но это не увольняет поданных от обязанности повиновения. Если даже Курбский и прав, порицая Иоанна, как **человека**, то от этого еще не получает права не повиноваться **божественному** (не мни, праведно на человека возъярився, Богу приражаться: ино бы человеческое есть, еще и порфиру носит, ино же божественное). Поэтому Курбский своим поступком свою «душу погубил». «Если ты праведен и благочестив, говорит царь, то почему же ты не захотел от меня, строптивного владыки, пострадать и наследовать венец жизни?» Зачем «не поревновал еси **благочестия** раба твоего Васьки Шибанова, который предпочел погибнуть в муках за господина своего?»

С этой точки зрения, порицание поступков Иоанна на основании народного права других стран, (указываемых Курбским) не имеет, по возражению царя, никакого значения. «О безбожных человецех что и глаголати! Понеже тии все царствия своими **не владеют**: как им повелят поданные («работные»), так и поступают. А российские самодержцы изначала сами владеют всеми царствами (то есть всеми частями царской власти), а не бояре и вельможи».

Противоположение нашего принципа Верховной Власти и европейского вообще неоднократно заметно у Иоанна и помимо полемики с Курбским. Как справедливо говорит Романович-Славатинский, «сознание международного значения самодержавия достигает в грозном царе высокой степени» (**система**). Он действительно вполне ясно понимает, что представляет **иной и высший** принцип. «Если бы у вас, говорит он шведскому королю, было **совершенное королевство**, то отцу твоему архиепископ и советники и вся земля в товарищах не были бы.^[18] Он ядовито замечает, что шведский король «точно староста в волости», показывая полное понимание, что этот «не совершенный» король представляет в сущности **демократическое** начало. Так и у нас, говорит Царь, «наместники новгородские — люди великие», но все-таки «холоп государю не брат», а потому шведский король должен бы сноситься не с государем, а с наместниками. Такие же комплименты Грозный делает и Стефану Баторию, замечая послам: «Государю вашему Стефану в **равном братстве** с Нами быть не пригоже». В самую даже крутую для себя минуту Иоанн гордо выставляет Стефану превосходство своего **принципа**: «Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси, **по Божьему изволению, а не по многмятежному человеческому хотению**».^[19] Как мы видели выше, представители власти европейских соседей для Иоанна суть представители идеи «безбожной», то есть руководимой не божественными повелениями, а теми человеческими соображениями, которые побуждают крестьян выбирать старосту в волости.

Вся суть царской власти, наоборот, в том, что она не есть избранная, не представляет власти **народной**, а нечто высшее, которое признает над собой народ, если он «не безбожен». Иоанн напоминает Курбскому, что «Богом цари царствуют и сильные пишут правду». На упрек Курбского, что он «погубил сильных во Израиле», Иоанн объясняет ему, что сильные во Израиле — совсем не там, где полагает их представитель аристократического начала «лучших людей». «Земля, говорит Иоанн, правится Божиим милосердием, и Пречистыя Богородицы малостью и всех святых молитвами и родителей наших благословением, и последи нами, государями своими, а не судьями и воеводами и еже ипаты и стратиги» (переписка).

Не от народа, а от **Божией милости к народу** идет стало быть царское самодержавие. Иоанн так и объясняет.

«Победоносная хоругвь и крест Честной», говорит он, даны Господом Иисусом Христом сначала Константину, «первому во благочестии», то есть первому **христианскому** императору. Потом последовательно передавались и другим. Когда «искра благочестия дойде и до Русскаго Царства», та же власть «Божиею милостию» дана и нам. « Самодержавие Божиим изволением», объясняет Грозный, началось от Владимира Святого, Владимира Мономаха и т.д. и через ряд государей, говорит он «даже дойде и до нас смиренных скипетродержавие Русскаго Царства».

Сообразно такому происхождению у царя должна быть в руках действительная власть. Возражая Курбскому, Иоанн говорит: «Или убо сие светло — пойти прегордым лукавым рабам владеть, а царю быть почтенным только председательством и царской честью, властью же быть не лучше раба? Как же он назовется самодержцем, если не **сам** строит землю?» «Российские самодержцы изначала **сами** владеют всеми царствами, а не бояре и вельможи».

Царская власть дана, как мы видели, для поощрения добрых и кары злых. Поэтому царь не может отличаться только одною кротостью. «Овых милуйте рассуждающе, овых **страхом** спасайте», говорит Грозный. «Всегда царям подобает быть обозрительными: овогда кротчайшим, овогда же **ярым**; ко благим убо милость и кротость, ко злым же ярость и мучение; **аще ли сего не имеет — несть царь!**». Обязанности царя нельзя мерить меркой частного человека. «Иное дело свою душу спасать, иное же о многих душах и телесах пещися». Нужно различать условия. Жизнь для личного спасения — это «постническое житие», когда человек ни о чем материальном не заботится и может быть кроток как агнец. Но в **общественной жизни** это уже невозможно. Даже и святители, по монашескому чину лично отрeksiеся от мира, для других обязаны иметь «строение, попечение и наказание». Но святительское запрещение, по преимуществу, нравственное. «Царское же управление (требует) страха, запрещения и обуздания, и конечного запрещения, в виду «безумия злейших человеков лукавых». Царь сам наказуется от Бога, если его «несмотрением» происходит зло.

В этом строении он безусловно самостоятелен. «А жаловать есмь своих холопей **вольны**, а и казнить их **вольны же есмь**».

«Егда кого обрящем всех сих злых (дел и наклонностей) освобожденным, и к нам прямую свою службу содевающим, и не забывающим порученной ему службы, и мы того жалуем великими всякими жалованьями; а иже обрящется в супротивных, еже выше рехом, по своей вине и казнь приемлет».

Власть столь важная должна быть **едина и неограниченна**. Владение многих подобно «женскому безумию». Если управляемые будут не под единою властью, то хотя бы они в отдельности были и храбры и разумны, — общее правление окажется «подобно женскому безумию». Царская власть не может быть ограничиваема даже и святительскою. «Не подобает священникам царская творити». Иоанн Грозный ссылается на Библию, и приводит примеры из истории, заключая: «Понеже убо тамо быша цари послушны энархам и сигклитам, — и в какову погибель приидоша. Сия ли нам советуешь?».

Еще более вредно ограничение власти аристократией. Царь по личному опыту обрисовывает бедствия, нестроения и мятежи, порождаемые боярским самовластием. Расхитив царскую казну, самовластники, говорит он, набросились и на народ: «Горчайшим мучением имения в селах живущих пограбили». Кто может исчислить напасти, произведенные ими для соседних жителей. «Жителей они себе сотвориша яко рабов, своих же рабов устроили как вельмож». Они называли себя правителями и военачальниками, а вместо того повсюду создавали только неправды и нестроение, «меду же безмерную от многих собирающие и вся по мзде творяще и глаголюще».

Положить предел этому хищничеству может лишь самодержавие. Однако же эта неограниченная политическая власть имеет, как мы выше заметили совершенно ясные пределы. Она ограничивается своим собственным принципом.

«Все божественные писания исповедуют яко не повелевают чадам отцем противитися и рабем господом»: однако же, прибавляет Иоанн, «кроме веры». На этом пункте Грозный, так сказать, признал бы со стороны Курбского **право** неповиновения, почему усиленно доказывает, что этой, единственной законной причины неповиновения Курбский именно и не имеет. «Против веры» Царь ничего не требовал и не сделал: «Не токмо ты, но все твои согласники и бесовские служители **не могут в нас сего обрести**», говорит он, а потому и оправдания эти слушники не имеют. Несколько раз Грозный возвращается к уверениям, что если он казнил людей, то ни в чем не нарушил прав церкви и ее святых, являясь, наоборот, верным защитником благочестия. Прав или не прав Иоанн **фактически**, утверждая это, но во всяком случае его слова показывают, в чем он признает границы дозволенного и недозволенного для царя.

Ответственность царя перед Богом **нравственная**, впрочем, для верующего вполне **реальная**, ибо Божья сила и наказание сильнее царского. На земле же перед подданными царь не дает ответа. «Доселе русские владетели не допрашиваемы были («не исповедуемы») ни от кого, но вольны были в своих подвластных жаловать и казнить, а не судились с ними ни перед кем». Но **перед Богом** суд всем доступен. «Судиться же приводиши Христа Бога между мною и тобою, и аз **убо сего судилища не отметаюсь**». Напротив **этот** суд над царем тяготеет больше чем над кем-либо. «Верую, говорит Иоанн, яко о всех своих согрешениях вольных и невольных, **суд прияти ми яко рабу**, и не токмо о своих, но о подвластных мне дать ответ, **аще моим несмотрением** согрешаю».

XXII.

Идея власти по народным поговоркам.

Так определял свою власть, обязанность и ответственность царь, «муж чудного рассуждения», о котором народный сказитель былин и доселе повторяет:

Когда зачиналась каменна Москва,
Зачинался в ней и Грозный царь.

Они «зачинались», росли и духовно слагались, действительно вместе, народ и царь, одинаково понимая задачи жизни, а потому определяя одинаково и задачи **верховой власти**, которой подчиняли политическое устройство страны.

В своей вековой мудрости, сохраненной популярными изречениями поговорок и пословиц (нижеследующее изложение составлено главным образом по Далю), наш народ совершенно по-христиански обнаруживает значительную долю скептицизма к возможности **совершенства** в земных делах. «Где добры в народе нравы, там

хранятся и уставы», — говорит он, — но прибавляет: «От запада до востока нет человека без порока». При том же «в дураке и царь не волен», а между тем «один дурак бросит камень, а десять умных не вытащат». Это действие человеческого несовершенства исключает возможность устроиться вполне хорошо, тем более, что если глупый вносит много вреда, то умный, погрешая, еще больше. «Глупый погрешает один, а умный соблазняет многих». В общей сложности приходится сознаться: «Кто Богу не грешен, царю не виноват!» Сверх того интересы жизни сложны и противоположны: «Ни солнышку на всех не угреть, ни царю на всех не угодить», тем более, что «до Бога высоко, до царя далеко».

Общественно-политическая жизнь поэтому не становится культом русского народа. Его идеалы — нравственно-религиозные. Религиозно-нравственная жизнь составляет лучший центр его помышлений. Он и о своей стране мечтает именно, как о «Святой Руси», и в этих мечтах руководствуется не собственными измышлениями, а материнским учением Церкви. «Кому Церковь не мать, тому Бог не отец», — говорит он.

Такое подчинение мира **относительного** (политического и общественного) миру **абсолютному** (религиозному) приводит русский народ к исканию политических идеалов под покровом **Божиим**. Он ищет их в воле Божией, и подобно тому, как царь принимает свою власть лишь от Бога, так и народ лишь от Бога желает ее над собою получить. Такое настроение, естественно, приводит народ к исканию **единоличного носителя власти**, и притом **подчиненного** воле Божией, то есть именно монарха самодержца!

Это неизбежно. Но нужно заметить, что уверенность в невозможности **совершенства** политических отношений ничуть не приводит народ к **унижению** их, а напротив, к стремлению в возможно большей степени повысить их, подчиняя их абсолютному идеалу **правды**. Для этого нужно, чтобы политические отношения подчинялись **нравственным**, а для этого, в свою очередь, носителем верховной власти должен быть **один** человек, решитель дел по **совести**.

В возможность устроить общественно-политическую жизнь посредством юридических норм народ не верит. Он требует от политической жизни **большего**, чем способен дать **закон**, установленный раз навсегда, без соображения с индивидуальностью личности и случая. Это вечное чувство русского человека выразил и Пушкин, говоря: «закон — дерево», не может угодить правде, и потому «нужно, чтобы **один** человек был выше всего, **свыше даже закона**». Народ выражает то же воззрение на неспособность закона быть **высшим** выражением правды, искомой им в общественных отношениях. Во-первых, «закон что дышло — куда поворотишь, туда и вышло». «Закон что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет».

С одной стороны, «всеу законы писать, когда их не исполнять», но в то же время закон иногда без надобности стесняет: «Не всякий кнут по закону гнут», и по необходимости «нужда свой закон пишет». Если закон поставить выше всяких других соображений, то он даже вредит: «Строгий закон виноватых творит, и разумный народ поневоле дурит». Закон по существу условен: «Что город, то норы, что деревня, то обычай», а между тем «под всякую песню не подпляшешься, под всякие нравы не подладишься». Такое **относительное** средство осуществления правды никак не может быть поставлено в качестве высшего «идеократического» элемента, не говоря уже о злоупотреблениях. А они тоже неизбежны. Иногда и «законы святы, да исполнители супостаты». Случается, что «сила закон ломит» и «кто закон пишет, тот его и ломает». Нередко виноватый может спокойно говорить: «Что мне законы, когда судьи знакомы?».

Единственное средство поставить правду высшей нормой общественной жизни состоит в том, чтобы искать ее в **личности**, и внизу, иверху, ибо закон хорош только потому, **как** он применяется, а применение зависит от того, **находятся** ли личность под властью высшей правды: «Где добры в народе нравы, там хранятся и уставы», «Кто сам к себе строг, того хранит и царь и Бог», «Кто не умеет повиноваться, тот не умеет и приказать», «Кто собой не управит, тот и другого на разум не наставит». Но эта строгость подданных к самим себе хотя и дает основу действия для верховной власти, но еще не создает ее. Если **верховную** власть не может составить безличный закон, то не может дать ее и «многомятежное человеческое хотение». Через 300 лет после Грозного Царя, народ вместе с ним доселе повторяет: «Горе тому дому, коим владеет жена, горе царству, коим владеют многие».

Собственно говоря, **правлящий** класс народ признает широко, но только как вспомогательное орудие правления: «Царь без слуг, как без рук» и «Царь благими воеводы смиряет мира невзгоды». Но этот правящий класс народ столь же мало идеализирует, как и безличный закон. Вместе с Грозным народ говорит: «Не держи двора близ княжего двора», вместе с Даниилом Заточником он замечает: «Неволя, неволя боярский двор: походя поешь, стоя выплещешься». Хотя «с боярами знаться — ума набраться», но также и «греха не обобраться». «В боярский двор ворота широки, да вон узки»: закабаливает! Не проживешь без служилого человека, но все-таки: «Помутил Бог народ — покормил воевод», и «Люди сороятся, а воеводы кормятся». Точно так же «Дьяк у места, что кошка у теста», и народ знает, что нередко «Быть так, как пометил дьяк». Вообще, в минуту пессимизма народная философия способна задаваться не легким вопросом: «В земле черви, в воде черти, в лесу сучки, в суде крючки: куда уйти?»

И народ решает этот вопрос, уходя к установке **верховой власти** в виде единоличного нравственного начала.

В политике царь для народа не отделим от Бога. И это вовсе не есть обоготворение политического начала, но **подчинение** его божественному. Дело в том, что «Суд царев, а правда Божия». «Никто против Бога да против царя», но это потому, что «**Царь от Бога пристав**». «Всякая власть от Бога». Это не есть власть нравственно произвольная. Напротив: «Всякая власть Богу ответ даст». «Царь земной под Царем небесным ходит», и народная мудрость многозначительно добавляет даже: «У Царя царствующих **много царей**»... Но ставя царя в такую полную зависимость от Бога, народ в царе призывает Божью волю для верховного устройства земных дел, предоставляя ему для этого всю безграничность власти.

Это не есть передача государю народного самодержавия, как бывает при идее диктатуры и цезаризма, а просто **отказ** от собственного самодержавия в пользу **Божьей воли**, которая ставит царя, как представителя не народной, а Божественной власти.

Царь таким образом является проводником в политическую жизнь воли Божией. «Царь повелевает, а Бог на истинный путь наставляет». «Сердце царево в руке Божией». Точно так же «Царский гнев и милость в руках Божиих». «Чего Бог не изволят, того и царь не изволят». Получая власть от Бога, царь, с другой стороны, до такой степени безусловно признается, что совершенно неразрывно сливается с народом. Ибо представляя перед народом в политике власть Божью, царь перед Богом представляет народ. «Народ тело, а царь голова», и это единство так неразделимо, что народ даже наказуется за грехи царя. «За царское согрешение Бог всю землю казнят, за угодность милует», и в этой взаимной ответственности царь стоит даже на первом месте. «Народ согрешит — **царь умолит**, а царь согрешит — **народ не умолит**». Идея в высшей степени характеристичная. Легко понять, в какой безмерной степени велика нравственная ответственность царя при таком искреннем, всепреданном слиянии с ним народа, когда народ, безусловно ему повинуюсь, согласен при этом даже еще **отвечать за его грехи**.

Никакое человеческое воображение не может представить себе более безусловного монархического чувства, большего подчинения, большего единения. Необходимо обратить внимание, что это не чувство раба, только подчиняющегося, а потому не ответственного. Народ, напротив, **отвечает** за грехи царя. Это стало быть перенос в политику христианского настроения, когда человек молит «да будет воля Твоя» и в то же время ни на секунду не отрешается от собственной ответственности. В царе народ выдвигает ту же молитву, то же искание воли Божией, без отклонения от ответственности, почему и желает полного нравственного единства с отвечающим перед Богом царем.

Для нехристианина **этот** политический принцип просто **не понятен**. Для христианина он светит и греет как солнце. Подчинившись в царе до такой безусловной степени Богу, наш народ не чувствует тревоги, а, напротив, успокаивается. Его вера в **действительное существование, в реальность** Божией воли выше всяких сомнений, а потому, сделав со своей стороны все для подчинения воле Божией, он вполне уверен, что и Бог его не оставит, а стало быть даст **наибольшую** обеспеченность положения.

Вдумываясь в эту психологию, мы поймем, почему народ о своем царе говорит в таких трогательных, любящих выражениях: «Государь, батюшка, надежа, православный царь»... В этой формуле все: и власть, и родственность, и упование и сознание источника своего политического принципа. Единство с царем для народа, не пустое слово. Он верит, что «народ думает», а царь **ведает** народную думу, ибо «царево око видит далеко», «царский глаз далеко сягает», и «как весь народ вздохнет — до царя **дойдет**». При таком единстве ответственность за царя совершенно логична. И понятно, что она несет не страх, а надежду. Народ знает, что «Благо народа в руке царевой», но помнит твердо, что «До милосердного царя и Господь милосерд». С таким мирозерцанием становится понятно, что «Нельзя царству без царя стоять». «Без Бога свет не стоит, без царя земля не правится». «Без царя земля вдова». Это таинственный союз, непонятный без веры, но при вере дающий и надежду и любовь.

Неограничена власть царя: «Не Москва государю указ, а государь Москве». «Воля царская — закон», «царское осуждение бессудно». Царь и для народа, как в христианском учении, не даром носит меч. Он представитель грозной силы. «Карать да миловать Богу да царю». «Где царь, там гроза». «До царя идти — голову нести». «Гнев царя — посол смерти». «Близ царя — близ смерти». Царь источник силы, но он же источник славы: «Близ царя — близ чести». Он же источник всего доброго: «Где царь, там и правда», «Богат Бог милостью, а государь жалостью», «Без царя народ сирота». Как солнце он светит: «При солнце тепло: при государе добро». Если когда и «Грозен царь, да милостив Бог». И в твердой надежде, что «Царь повелевает, а Господь на истинный путь направляет», народ стеной окружает своего «батюшку» и «надежу», «верой и правдой» служа ему. «За Богом молитва, за царем служба не пропадет» — говорит он, и готов идти в своей исторической страде куда угодно, повторяя: «Где ни жить, одному царю служить» и во всех испытаниях утешая себя мыслью: «На все святая воля царская».

XXIII.

Значение чувства и сознательности в психологической основе власти.

Последние главы достаточно, полагаю, показывают, до какой степени полного **единства** может доходить политическое самосознание народа и верховной власти, развивающееся на почве **религиозного** идеала жизни. Эта совокупность условий именно и необходима для того, чтобы власть **единоличная** могла превратиться в силу монархическую, то есть стать верховной **сама по себе**, а не как замаскированная делегация народной власти. В тонкостях этой **психологической** основы политического творчества вся сущность различных форм верховной власти. Однако необходимо заметить, что здесь дело далеко не в одном **чувстве**. Судьбы различных форм верховной власти существеннейшим образом зависят также от состояния нашего **сознания**.

Из всех областей социального творчества **политическая** есть область наиболее **сознательная**, наиболее подверженная влиянию нашего **рассуждения**, а стало быть всего того, чем обуславливается рассуждение, как, например, состоянием нашего знания, логической развитости, способности критической оценки и т.д. Отсюда ясно, какое значение для политического строения имеет тот или иной характер образованного класса нации, степень действительной **образованности** его, степень высоты развития науки в данной стране, а также и степень **самостоятельности** этой науки.

В политическом творчестве нации значение **доктрины** и вообще **идеи** весьма велико. Поэтому влияние каких-либо идей здесь особенно легко и заметно, если они оказываются сильнее местных. Между тем эти **чужие**

политические идеи могут исходить из совершенно иного психологического настроения, не соответствуя психологическому настроению данной нации, тем не менее способны давить не ее **рассудок**, а через него и на политическое творчество. Посему-то, как выше было замечено, развитие данной формы верховной власти идет всегда не только путем ее собственной, внутренней логики, но и под давлением многочисленных внешних влияний. Это может иметь и благое и зловерное влияние. Но, во всяком случае это влияние **сознательности** составляет факт, который непременно должно принимать во внимание при наблюдении форм верховной власти. Это относится точно также и к власти монархической.

Религиозное мирозерцание нации порождает **инстинктивное** стремление к **монархической** власти, и то же инстинкт подсказывает в общих чертах многие необходимое для монархического строения истины. Но один инстинкт не может заменить **сознательности**, при отсутствии которой в приложении и стало быть в осуществлении монархического принципа неизбежно должны возникать ошибки, может быть, даже роковые. Точно также и при одной **сознательности** невозможно создать монархии, если нет соответственного **чувства**. Оба условия одинаково необходимы. Инстинкт, чувство, создают **почву**, без которой ничего нельзя сделать, и кроме того, нередко спасают от самих ошибок рассудка, но в свою очередь и **политический разум** так необходим, его сила так велика, что он в конце концов способен даже пересоздать и самое чувство нации, или по крайней мере несомненно, что ошибки политического разума способны **извращать** действия самого прекрасного и сильного чувства.

XXIV.

Стихийность нашей истории. — Недостаток научной мысли.

Если судить по правильности и чистоте основ, заложенных у нас историей, то Россию можно признать самой типично монархической страной. Изучение нашей истории для уяснения себе смысла монархического начала власти с этой точки зрения драгоценно. Но в той же истории мы знакомимся и с условиями, препятствующими развитию монархического начала. В этом отношении на первом плане должно поставить малое развитие **сознательности**.

Стихийность нашей истории вообще так бросается в глаза, что нет, кажется, ни одного историка, не отмечавшего это явление. У нас велико почти всегда то, что подсказывается **инстинктом**, **голосом** чувства, вытекающим из тех душевных тайников, которые в русском народе наполнены по преимуществу верой. У нас крупно и иногда велико и то, в построении чего человек, природно способный и хорошо выдержанный в нравственном отношении, может создать при помощи непосредственного здравого смысла, то есть руководствуясь тем, что лично видит и наблюдает. Но повсюду где нужно глубокое понимание внутреннего смысла явлений, мы оказываемся слабы.

Это неразвитое самосознание, понятно, не может не отражаться многочисленными препятствиями и на действия политической власти.

Наша политическая идея вытекала из религиозного мирозерцания. Но оно само по себе может дать лишь **основу**. Для полного самопонимания и действия политическая идея должна сознать себя именно как **политическая**. Идея религиозная давала ей правильный исходный пункт, но это и все, что она могла и должна была дать. Остальное должны были создать учение и философия чисто политические. Но этого-то и не было.

Задача самосознания всякого принципа не легка, и без той могучей умственной работы, которую называют **научно**, невозможно. Только такая работа может выяснить для нас, что рассматриваемый принцип создает самим **содержанием** своим и вытекающею из этого содержания внутреннею логикой развития, и что привносится исторической средой, в которой пришлось прилагать данный принцип. Если мы оставим без внимания **внутреннюю** логику развития, а ограничимся лишь внешним наблюдением фактов, то мы не будем знать рассматриваемого принципа. Мы тогда отнесем на счет его **собственного** содержания то, что на самом деле составляет чуждое и противное ему содержание среды, или, наоборот, припишем ему те заслуги, то благотворное действие, которое на самом деле, вопреки ему, произведено какими-либо другими факторами одновременно с ним действовавшими. Таким образом, для понимания политического принципа мы должны знать не одну историческую практику, но и самый идеал его, его внутреннее содержание, должны знать не только то, что он **сделал**, но также то, что он **способен** по внутреннему содержанию сделать. Мы должны понять обстановку, необходимую для полного развития этого принципа, оценить значение ее, и только тогда можно считать свое понимание точным и полным. Но этот **внутренний смысл** политических принципов, их внутренняя логика развития, их потенциальное развитие, абстрагированное от политических случайностей, доступны лишь сильно развитой научной мысли. А при руководстве только опытной эмпирикой, при незнании внутренней логики развития того или иного принципа, мы будем постоянно жертвой ошибок в своей деятельности. Мы будем возлагать на непонимаемые нами принципы такие надежды, которых они органически неспособны осуществить, и наоборот, оставим без внимания те перспективы, быть может гораздо более широкие, которые открыли бы перед нами наш принцип, защищенный от искажения, и направленный в действительную сторону своей силы.

Вот этого-то научного и философского самопонимания у нас никогда не было в политическом отношении, и это отражалось самым невыгодным образом на нашем развитии каждый раз, когда русская мысль, столь неразвитая в **собственном** содержании, сталкивалась с ясно, отчетливо и логически развитою мыслью Европы.

К этой слабой стороне нашей мы сейчас перейдем. Но предварительно должно заметить, что инстинктивное действие правильно заложенных основ столь могучи у нас, что никакие ошибки сознания доселе не могли их вполне победить...

**Проницательность народного инстинкта. — Народ и Иоанн. — Смутное время. —
Восстановление самодержавия. — Карамзин. — Почему самодержец не может ограничить
своей власти.**

Действительно, во все **критические**, решающие моменты нашей истории голос могучего **инстинкта** побеждал у нас все шатания политических доктрин, и возвышался до гениальной проницательности.

Замечательна память об ореоле, которым русский народ окружил «опальчивого» борца за самодержавие, опускавшего столь часто свою тяжелую руку и на массы, ему безусловно верные. На борьбу Иоанна IV с аристократией народ так и смотрел, как на «выведение **измены**», хотя, строго говоря, «изменников России» в прямом смысле Иоанн почти не имел перед собой. Но народ чуял, что здесь была измена русской идее **верховной власти**, вне которой уже не представлял себе своей святой Руси.

Смутное время сделало, казалось, все возможное для подрыва идеи власти, которая не сумела ни предотвратить, ни усмирить смуты, а потом была омрачена позорной узурпацией бродяги самозванца и иноземной авантюристки. С расшатанностью Царской власти аристократия снова подняла голову: начали брать с царей «записи». Но ничто не могло разлучить народ с идеей, вытекавшей из его мирозерцания. Он в унижении власти видел свой грех и Божье наказание. Он не разочаровался, а только плакал и молился:

Ты, Боже, Боже, Спасе, милостивый,
К чему рано над нами прогневался,
Наслал нам, Боже, прелестника,
Злого растригу, Гришку Отрепьева.
Ужели он, растрига, на царство сел?..

Растрига погиб, и при виде оскверненной им святыни народ вывел заключение не о какой-либо **реформе**, а о необходимости **полного** восстановления самодержавия. Главной причиной непопулярности Василия Шуйского были **уступки** боярству. «Запись Шуйского и целование креста в исполнение ее, говорит Романович-Славатинский, возмутили народ, возражавший ему, чтобы он записи не давал и креста не целовал, что того искони веков в Московском государстве не важивалось». А между тем «ограничение» только и состояло в обязательстве не казнить **без суда** и в признании **совещательного** голоса боярства. То и другое каждый царь и без записи соблюдал, но монархическое чувство народа оскорблялось не содержанием обязательств, а фактом превращения обязательности **нравственной в юридическую**.

Всеобщий бунт против королевича тоже характеричен. Кандидатура Владислава сулила водворить порядок на началах «конституционных», в которых права русской нации были широко ограждены. Он принял обязательство ограничить свою власть не только аристократической боярской Думой, но также **Земским Собором**. Под охрану земского собора он ставил свое обязательство **не изменять русских законов** и не налагать самовольно **податей**. С современной «литеральной» точки зрения восшествие иностранного принца на таких условиях не нарушало ни в чем интересов страны. Но Россия понимала иначе свои интересы. Именно кандидатура Владислава и была последней каплей, переполнившей чашу. Поучительно вспомнить содержание прокламаций кн. Пожарского и других патриотов, возбуждавших народ к восстанию.

Прокламации призывают к восстановлению власти **Государя**.

«Вам, господа, пожаловати, помня Бога и свою православную веру, советывать со всякими людьми общим советом, как бы нам в нынешнее конечное разоренье быть **не безгосударными**». Конституционный королевич, очевидно, ничего не говорил сердцу народа. «Сами, господа, ведаете, продолжаете прокламацию, как нам **без Государя** против общих врагов, польских, и литовских, и немецких людей, и русских воров — стоять? Как нам без государя о великих государственных и земских делах с окрестными государями ссылатся? Как государству нашему впредь стоять крепко и неподвижно?»

Национально-монархическое движение, как известно, стерло все замыслы ограничения самодержавия до такой степени, что теперь наши историки не могут даже с точностью восстановить, что именно успели бояре временно выхватить у Михаила. Во всяком случае ограничительные условия были выброшены очень скоро в период **непрерывного заседания Земских Соборов** (между 1620- 25 годами). Народ смотрел на пережитое бедствие, как на Божью кару, торжественно обещал царю «поисправиться», и заявляя Михаилу, что «без государя Московскому государству стояти не мочно», «обрал» его «на всей его воле». (Романович).

Много тяжких испытаний и горьких оскорблений пришлось выносить народному чувству в XVIII веке, не обходилось без того и в XIX. Находилось постоянно немало и «своих русских воров» в новой форме. Но не изменила Россия своему идеалу, и когда император, воспитанный республиканцем, готов был поднять руку на свою наследственную власть, он услышал тот же вечный русский протест:

«Если бы Александр, пишет Карамзин в своей знаменитой записке, вдохновленный великодушною ненавистью к злоупотреблениям самодержавия, взял перо для предписания себе **иных законов, кроме Божиих и совести**, то истинный гражданин российский дерзнул бы остановить его руку и сказать: Государь, ты **преступаешь границы своей власти**. Наученная долговременными бедствиями, Россия пред святым алтарем вручила самодержавие твоему предку и требовала, да управляет ею **верховно, нераздельно**. Сей завет есть основание твоей власти: иной не имеешь. **Можешь все, но не можешь законно ограничить ее**».

То же слово раздалось снова и позднее в минуту, снова напомнившую России смуту и колебания прошлых веков. «Сам монарх, заявил тогда М.Н. Катков, выражая историческую мысль целой страны, — **сам монарх не мог бы умалить полноту прав своих**. Он властен не пользоваться ими, подвергая тем себя и государство опасностям, **но он не мог бы отменить их, если бы и хотел**»

В этих заявлениях выражается замечательно глубокое, инстинктивное проникновение смысла монархической идеи. Насколько **сознательно** в них понимание, почему не может ограничить свою власть самодержавный монарх. Не решусь сказать этого о М.Н. Каткове, который так удивительно много в этом отношении **понимал**. Но у Карамзина ясно говорил скорее русский **инстинкт**, так как Карамзин, не умея найти принципиального основания и под влиянием абсолютистских теорий века, прямо указывал на **волю народа**. Дело, однако, вовсе не в воле народа. Монарх, по смыслу своей идеи, даже и при воле на то народа не может ограничить своей власти, не совершая тем вместе с народом беззаконного (с монархической точки зрения) *coup d'Etat* (удара по государству). Ограничить самодержавие — это значит **упразднить верховную власть нравственно-религиозного идеала**, или, выражаясь языком веры, **упразднить верховную власть Божию в устройении общества**. Кто бы этого ни хотел, монарх или народ, положение дела от этого не изменяется. Совершается **переворот** *coup d'Etat* (удар по государству). Но если народ, потерявши веру в Бога, получает так сказать, право бунта против Него, то уж монарх ни в каком случае этого права не имеет, ибо он, в отношении **идеала**, есть только **хранитель** (*depositaire* — носитель) власти, доверенное лицо.

В отношении **идеала**, в отношении Бога, монарх имеет не права, а **обязанности**. Если он, потеряв веру или по каким-либо другим причинам, не желает более исполнять обязанностей, то все, что можно допустить, по смыслу принципа, есть **отречение от престола**. Только тогда, в качестве простого гражданина, он мог бы наравне с другими стремиться к антимонархическому *coup d'Etat*. Но **упразднить собственную обязанность**, пользуясь для этого орудиями, данными только **для ее выполнения**, это, конечно, составило бы акт величайшего нарушения права, какое только существует на земле.

XXVI.

Слабость политического сознания. — Грозный. — Петр Великий. Господство частного вдохновения над принципом. — Подрыв собственной идеи власти. — Вторжение абсолютизма.

Наряду с вдохновенными проявлениями монархического инстинкта, нельзя не видеть, что политический разум у нас далеко не стоял на высоте инстинкта и рассудка, которыми строилась Русская земля.

У нас решительно нет эпохи, в которую не видно было бы недостаточной **сознательности** нашего политического принципа. Не касаясь первых веков, когда он, естественно, затемнялся могучей аристократией удельного периода, местами уступавшей место демократии, даже в эпоху национальной «реставрации» после 1612 г., мы видим неумение разобраться, например, в отношениях Церкви и государства, причем эти отношения складываются под влиянием скорее личных талантов, чем сознательной политической идеи. У такого замечательного государственного человека, как Филарет Никитич, государственно-церковная политика складывается видимо под влиянием случайных условий **личного** положения. Эпоха Никона, обнаружив чрезмерные притязания иерархии, в то же время и со стороны государственной власти не показала большого умения разобраться в вопросе столь важном для самодержавного принципа. Самодержавная идея во многом несомненно затуманивалась даже для такого пронизательного «теоретика», как Иоанн Грозный. Так, например, известный совет Вассиана «если хочешь быть самодержцем, не держи советников умнее себя» был принят Грозным, как некоторое откровение. А между тем, что может быть по идее более противно монархическому принципу? Точно так же совершенно противны ему меры, неоднократно принимавшиеся Иоанном для **отделения** государства от «земства», вроде назначения особого «земского царя» Симеона^[20] и более учреждение опричнины. Опричники, как особый «корпус жандармов», конечно, могли быть нужными для борьбы с боярством. Но Иоанн придавал своей опричнине какой-то особо глубокий, принципиальный смысл, и даже в завещании детям своим говорит, что в ней для них, если пожелают воспользоваться, «образец учинен готов».

Но особенно любопытный пример представляет Петр Первый. Самодержавный инстинкт у него поистине гениально велик, но повсюду, где нужно самодержавное сознание, Петр совершает иногда поразительные подрывы свой собственной идеи. Инстинкт почти никогда не обманывал его в чисто **личном** вопросе: что он, Петр, как монарх, должен сделать? Но когда ему приходилось намечать действие монарха **вообще**, то есть в виде постоянных учредительных мер, Петр почти всегда умел решить вопрос только посредством увековечения своей личной, частной меры. Принцип есть отвлечение того общего, что объединяет частные меры и что, следовательно, приложимо **ко всем** разнообразным случаям: этого принципа у Петра и не видно. Он гениальным монархическим чутьем знал, что должен сделать **он**, и оказывался страшно беспомощен в понимании того, что должно делать вообще. Поэтому он **личным примером** укрепил у нас монархическую идею, быть может, как никто; в то же время всеми действиями, носящими **принципиальный** характер до такой степени подрывал эту идею, что нужно только удивляться крепости принципа, безвредно пережившего наследство Петровских времен.

В самой общей, основной задаче своей миссии Петр безусловно прав. Он понял, что, как монарх, как носитель самодержавной идеи, должен бестрепетно, и хотя бы вопреки желаниям народа взвалить на свои плечи страшную задачу: привести Россию возможно больше и возможно скорее к обладанию средствами европейской культуры. Когда мы вспомним обстоятельства конца XVII века, то нельзя не сознаться, что это было для России

вопросом «быть или не быть». И однако задача недостаточно сознавалась. Сверх того, для России она была прямо **непосильна**. Поэтому Петр был безусловно прав, **для себя**, для своего момента и для своей личности, употребив весь свой царский авторитет и власть для того, чтобы создать жесточайшую диктатуру, силой двинуть страну и, за слабостью ее средств, закабалить **всю нацию** на службе целям государства. Другого исхода не было, и Петр, закабалив всех на одном главнейшем деле, был поэтому прав.

Но как только эта диктатура, как это всеобщее закабаление становится из временной меры постоянным устройством, дело совершенно изменяется.

Эта система также относится к политике, как реквизиция к правильному финансовому обложению. Бывают моменты, когда реквизиция — есть **единственное** средство, и когда она необходима. Но возведенная в систему, она разоряет страну. Точно также всеобщее закрепощение государства, делаясь **системой**, должно в корень разрушить всякий естественный социальный строй, уничтожить все самостоятельные родники общественной жизни...

Церковная политика Петра еще более характеристична. Здесь повторяется та же черта. Имея **временную надобность** не обращать внимания на противодействие известной доли иерархии, Петр вместо простого пользования этим бесспорным правом самодержца, задумывает уничтожение **самостоятельности** Церкви, и направляет злой гений Феофана Прокоповича на самую рискованную ломку того, что, собственно говоря, выше прав даже самодержца. В своем письме восточным патриархам Петр объясняет, что боится Божия гнева за нестроение Церкви, почему и предпринял ее реорганизацию. Однако же, при самом даже небольшом сознании своего принципа, Петр мог бы вспомнить, что организация местных церквей установлена и освящена вселенскою Церковью задолго до него, когда еще и России не существовало, а посему, если точно необходимо было устроить русскую церковь, действительно, расстроенную его же нежеланием целых 20 лет избрать нового патриарха, то для этого устройства вовсе не имелось надобности в измышлениях Феофана Прокоповича, и вообще кого бы то ни было.

Помимо этого, известен принцип, положенный в основу Духовного Регламента, будто бы монарх есть «крайний судья» высшего управления церковью, без всяких ограничений этой воображаемой компетенции. Насколько этот принцип уклоняется от русской действительности, видно уже из того, что даже по **основным** законам после Петра, когда наступили времена кодификации, не только православная вера была признана господствующей в России, но и от самого монарха требуется, как обязательное условие, исповедование именно **православной** веры. Как сын же Православной Церкви, он является ее попечителем, ктиторм, но никак не «крайним судьей». Эта принципиальная ошибка породила неисчислимый вред, не только при самом Петре, но и после него, ибо в своем отношении к Церкви Петр подрывал самое основание монархической власти, ее нравственно-религиозную основу.

Не останавливаясь долее на этих прискорбных обстоятельствах, породивших известную ходячую фразу о «вавилонском пленении» русской Церкви, туманность монархической идеи в Петровской реформе можно достаточно видеть в уничтожении **правильного престолонаследия**. Здесь опять совершенно случайное, чисто личное затруднение заставляет Петра возвести в **принцип** то, что может быть допустимо лишь в качестве неизбежного иногда нарушения принципа.

Устав Петра о престолонаследии, изданный уже **по смерти** несчастного сына его, называет наследство старшим сыном «недобрым обычаем», и устанавливает «дабы сие было всегда в воле правительствующего Государя, **кому оный хочет**, тому и определяют наследство».^[21] В довершение же всего, до самой кончины он не собрался, несмотря на опасное состояние своего здоровья, назначить себе никакого наследника.

Петру наш свод законов обязан некоторыми определениями монархической власти. Это иногда его заслуга, хотя совершенная как бы мимоходом, и должно заметить, что в своих определениях Петр повторяет большею частью лишь народные афоризмы, не обнаруживая при этом более глубокой мотивировки их, чем была у массы народа. В **Военном Артикуле** сказано: «Его Величество есть самовластный монарх, **который никому на свете о своих делах ответу дать не должен**, но силу и власть имеет свои государства и земли, **яко христианский государь**, по своей воле и благомнению управлять». Также и в **Духовном Регламенте** выражено: «Монарха власть есть самодержавная, **которой повиноваться сам Бог за совесть повелевает**». Сам исторический гений России внушил Петру эти слова, без которых, впоследствии, наши ученые конституционной школы имели бы еще больше простора в искажении монархической идеи. Еще более велик и вдохновенен Петр в редактировании нашей **формулы присяги**. Здесь Петр формулировал то, что всегда велико у него — личное монархическое ощущение своей связи с подданными. Эта формула — доселе не имеет ничего себе равного по глубине монархического сознания. Это великий документ для уяснения ее принципа. Но когда Петр сам начинает **выяснять** свой политический принцип, то можно только растеряться среди его противоречий. В это время уже явилось у нас стремление понять себя «от разума», как принцип **политический**. А между тем наш политический разум безмолвствовал, и при его молчании слышны были только голоса «разума» западного. Таким образом, к нам широкою волной полились идеи абсолютистские и демократические. В знаменитой **Правде воли Монаршей**, составленной тем же Феофаном Прокоповичем по поручению Петра, теоретические основы монархии излагаются по Гуго Гроцию и Гоббсу и утверждаются на договорном происхождении государства! **Правда** утверждает, что российские подданные должны были в начале заключить договор между собой и затем народ «воли своей отрекся и отдал ее монарху». Между прочим, тут же объясняется, что государь может законом повелеть своему народу не только все то, что к его пользе относится, **но и все то, что ему только нравится**. Это толкование нашей власти вошло как официальный акт в **Полное собрание законов**, где напечатано в VII томе под 4880.^[22]

Появление абсолютистской точки зрения в эпоху Петра составляет факт прискорбно знаменательный. В смысле **сознательности** это составило большую регресс сравнительно с Иоанном Грозным которого так уважал Петр Великий. А одновременно с тем Феофан Прокопович в том же самом **Духовном Регламенте** объясняет, что «правление соборное совершеннейшее есть и лучшее, нежели единоличное правительство», так как, с одной

стороны, «истина известнее взыскуется соборным сословием, нежели единым лицом», с другой стороны, даже «вящая ко уверению и повиновению преклоняет приговор соборный, нежели единоличный указ».^[23] Конечно, все это говорится только в отношении патриаршей власти, уничтоженной реформатором, но высказывается как принцип **общий**.

Ничего подобного не возможно было бы написать при даже средней ясности сознания идеи власти монархической и церковной.

Излишне говорить, что и после Петра устроительные идеи у нас слишком часто черпались из источников, не имеющих ничего общего с **нашими** началами власти. Это сказалось в **Наказе** Екатерины, в развитии крепостного права, в отношении к дворянству, как позднее в отношении к суду и т.д. и т.д. И мудро ли, когда наш политический разум, научное теоретическое самосознание, и доселе продолжает пребывать в том состоянии, которое мы уже отчасти характеризовали в понятиях нашего общего государственного права?

XXVII.

Слабость научной мысли. — А. Градовский. — Источники познания государственного права. — Успехи нашей науки. — Б. Чичерин. — Романович-Славатинский. — Недостаточность успехов. — Смещение самодержавия и абсолютизма.

Мы видели выше, как беспомощна оказывается наука наша в области европейских учений о верховной власти. Еще совсем недавно, у такого доселе авторитетного ученого, как А. Градовский, она в «Началах русского государственного права» не умела найти даже **источников** его познания. А. Градовский теоретические понятия черпает исключительно из **основных законов**. Но дело в том, что у нас, при всей глубине монархического начала, собственно **законодательных** определений его совершенно не существовало до Петра I, да и Петр I делает их совершенно случайно, мимоходом. Эти немногие определения Петра, вместе с узаконениями Павла I о престолонаследии, впоследствии были кодифицированы в виде основных законов, с добавлением очень немногих, очевиднейших признаков нашей самодержавной власти. С таким малым материалом да еще с верой в «современные высшие формы», конечно, в определениях А. Градовского могли явиться только неопределенность, неясность и полный произвол. Так он указывает, как наше **отличие**, то обстоятельство, что у нас воля верховной власти не связана юридическими нормами и не ограничена никакими установлениями. Но это вовсе не что-либо **отличительно** русское, а составляет признак **всякой** верховной власти. Демократическая верховная власть, то есть масса самодержавного народа, тоже ничем не ограничена. А. Градовский указывает далее, что при конституционной верховной власти существуют для **всех общеобязательные** начала, а у нас будто бы нет. Тут та же самая ошибка. Конституция обязательна для **подданных**, и для всех **делегированных** властей, но для самого **источника** власти, то есть самодержавного народа, никакие ее «начала» не обязательны. Он ее может переделать, как вздумает, и никто не скажет, что он **не в праве** этого делать. «Верховная власть, говорит сам А. Градовский, как таковая, **в своей полноте**, выше положительного закона. Никакой положительный закон не может связывать верховную власть так, чтобы она не могла его изменить».^[24]

Если бы А. Градовский умел найти действительные **различия** между нашею верховной властью и западно-европейской, то указал бы их разве в совершенно противоположном смысле, то есть признал бы существование обязательных **начал** у нас, и отсутствие их в демократии. Ибо в государствах демократического типа выше воли народа **нет ничего**, даже и в смысле начал нравственных. Полная путаница основных понятий подсказывает нашему знаменитому ученому ошибку за ошибкой. А. Градовский утверждает, что сами законы в Европе должны быть **конституционные**; в противном случае они не имеют обязательной силы. Но и тут нет ни малейшего отличия от нас, ибо и у нас для обязательности закона требуются те же самые условия. Так, например, если бы кто-либо насильем исторг у какого-либо самодержца подпись под некоторым актом законодательного характера, никто не признал бы этого акта «законом» и все имели бы не только право, а даже обязанность не подчиняться. Ибо закон есть выражение воли самодержавного и неограниченного монарха, а воля мыслима лишь в состоянии **свободном**, так что, где она насилуется, там ее нет, а стало быть нет и **закона**, а есть только **государственное преступление**. Таким образом, наш ученый государствовед не умеет найти даже самого определения нашей власти. Что же сказать о ее объяснении?

Между тем сама европейская наука, бессильная, конечно, дать нашим ученым то, чего у ней самой нет, вполне могла указать им **путь** для отыскания более обильных источников, способных уяснить нашу власть. «В политических актах как государственной власти, так и народа, объясняет еще Блюнчли, **юридическое сознание** многообразно обнаруживается, и не высказываясь в форме закона. Если дух, проявившийся в них, окреп, освящен преданием, то на него уже наложена **печать правомерности**». Он уже составляет «национальное право». Блюнчли напоминает, что таким путем выросли и «важнейшие учреждения и **начала права**» у римлян, и средневековое государственное право, и само **английское** государственное право... Другими словами, это есть нормальный путь роста государственного сознания и права.

Не один «писанный закон» или «доктрина» составляют основу политического творчества, а вся **жизнь** и **сознание** народа. Вот источник политической жизни. Его наблюдение есть задача науки, его сохранение есть задача, достойная осмысленной практической деятельности. К сожалению, понимание этой простой истины давалось лишь с величайшим трудом в период нашего умственного порабощения Европе, хотя инстинктивно все развитие нашего политического самосознания двигалось именно этим путем.

Наряду со страстным увлечением всем европейским у нас уже в XVIII в. пробудилось ощущение чего-то **своего, особенного** или, по крайней мере, **собственного**. Уже в XVIII веке является изучение русской истории, народных песен, былин и т.п. Начав с изучения **народного**, у нас через этот элемент уже в конце XVIII века стали приходить к пониманию **православия**, а через это последнее постепенно начинали понимать и нашу **политическую** идею. Это был общий путь развития национального самосознания русского образованного слоя. Им и доселе обыкновенно проходят отдельные личности, которые от либерального космополитизма приходят к русскому историческому мировоззрению. Понимание **социально-политической** идеи дается, таким образом, лишь на последнем месте, и этим, без сомнения, объясняются малые успехи, которыми отличается наше политическое и общественное сознание.

Однако эти успехи у нас все-таки замечаются. Строго **современные** ученые наши поднялись уже выше А. Градовского.

Б. Чичерин, например, определяя самодержавие (**монарха**) говорит, он «держит власть независимо от кого бы то ни было, **не как уполномоченный, а по собственному праву**» (т. 1, стр. 134). Это, во всяком случае, несравненно яснее, хотя и остается желательным узнать, **откуда** же происходит это «собственное право». Определения Романовича-Славатинского еще более любопытны. «Власть русского царя, говорит он, есть **самодержавная**, то есть **самородная** не полученная извне, не дарованная, другой властью. Основанием этой власти служит не какой-либо юридический акт, а **все историческое прошлое русского народа**». [25] «Подобно тому, как **самоцветный** камень имеет свой собственный, ему присущий, а не извне полученный цвет и блеск, так и **самодержавная власть** имеет свои собственные, ей присущие, а не извне полученные права», продолжает профессор, и еще поясняет самодержавие «воплощает самость и державные права русской нации, которые она получила не извне, но выработала потом и кровью многовекового исторического прогресса» (стр. 77).

В этих цветистых, но поэтических определениях чувствуется много правды. Но опять является тот же вопрос: почему же «права русской нации» воплощает «не русская нация», а именно «монарх»? Как Б. Чичерин, так и Романович-Славатинский объясняют нам, в сущности, не **самодержавие монарха**, а **самодержавность вообще**. Это прекрасно, но самодержавность есть свойство вообще **всякой** верховной власти. Должно однако быть что-либо отличающее верховную власть демократии и монарха? Романович-Славатинский в своих определениях то говорит, что монарх воплощает власть, в сущности, **народную**, то делает его совершенно беспричинным обладателем власти, как самоцветный камень обладает самоцветностью. В первом случае, — мы невольно думаем, что, стало быть монархическая власть, в сущности, есть **делегированная**, хотя бы и помимо юридических актов. Во втором, нельзя не испытывать недоумения: почему такая «самоцветность»? Чем она обусловливается?

Из этого заколдованного круга вопросов наша наука не выйдет до тех пор, пока не освободится от своего главного кошмара — смешения **самодержавия с абсолютизмом**. Это смешение давит камнем все попытки русские понять **нашу** власть.

XXVIII.

Абсолютизм есть идея демократии. — Принятие абсолютизма Европейской монархии. — Ложное отождествление монарха и государства. — Ложная теория отречения народа от своей воли. — Бессилие абсолютной монархии. — Ее переход в деспотию или демократию.

Остановимся же более внимательно на различии между монархией **абсолютною** и монархией **самодержавной**.

Монархическая власть, само собой разумеется, чтобы быть верховной, может быть только **неограниченной**. При ограничении она перешла бы в разряд **делегированных**. Бывший монарх становится президентом республики демократической, как ныне в западно-европейских «монархиях», или аристократической, как было в Полькой Речи Посполитой. Но будучи, по существу, **неограниченной**, монархическая власть изо всех начал верховной власти менее всего отличается **абсолютизмом**. Государственное право легко увидело бы это, если бы изучало монархическое начало на самодержавном его типе, единственном, который представляет его чистое выражение. Насколько это верно, видно из того, что даже А. Градовский принужден был признать, что есть и у нас даже по закону **обязательные** начала, именно православного исповедания государя и правил престолонаследия. Для демократической верховной власти никаких таких **обязательных** начал не сумел бы нам указать ученый поклонник конституции. Европейские монархии потому и выработали свой абсолютистский тип, что были недостаточно монархичны.

Абсолютизм не только по смыслу слова, но и по смыслу исторического факта, означает **абсолютную власть государства**, и таким образом выражает не форму, не образ правления, но **способ** его, подобно тому, как деспотизм или либерализм. Все эти способы применения власти могут являться при всех образах правления, а вовсе не монархии. Однако по духу своему абсолютизм свойствен по преимуществу демократии. Государство представляется обладающим абсолютной властью тогда, когда оно сливается с массой, не признающей, по нравственному состоянию своему, никакой над собой власти выше собственной массовой силы. Таково было настроение языческого античного мира. Возникающий отсюда абсолютизм власти характеризовал античное государство и потом делегировался демократией ее диктаторам.

Выросшая из диктатуры императорская власть, представлявшая собой соединение всех государственных властей, выразила тот же абсолютизм, разлив соответственные правовые понятия. Нужно было появление христианства, чтобы этому созданию античного государства привить действительно **монархический**, нравственный

характер. Но эта задача была исполнена собственно в Византии, создавшей впервые тип настоящего царя, которого власть гармонически сочеталась с властью Церкви. В Риме национальная абсолютистская идея, напротив, искажена самой Церковью, создав ее латинскую (папистическую) отрасль.

Когда в Западной Европе, на развалинах Империи и в хаосе, созданном переселением народов, стала возникать монархическая идея, она выросла лишь отчасти на своей надлежащей, **нравственной** почве. Карл Великий на Западе отчасти напоминает восточного Константина Равноапостольного. Но, вообще, монархическая власть Западной Европы испытывала слишком сильное давление Рима. Теоретическое наследие Рима диктаторский императорский абсолютизм, разрабатываемый легистами, наложил на нее неизгладимый печаток.

В чем заключается ошибочность и слабость идеи **монархического абсолютизма**? Слабость происходит именно от ошибочности.

Всякое начало власти для существования и действия должно понимать в чем **источник** его силы, и этот источник тщательно хранить. Так демократия, представляющая **количественную** силу, непременно должна поддерживать условия, при которых количественная сила способна преобладать над качественной или тем более нравственной. В противном случае демократия уступит место аристократии или монархии. Так и аристократия должна оставаться действительно качественно **высшей** силой, как сословие высшее, гражданское, промышленное, а никак не надеяться удержаться одними, например, привилегиями. Так и монархия для развития своего должна опираться именно на ее **свойственной**, а не какой другой силе. Без сомнения, и ей нужна могущественная организация управления, с единством действия и т.д., но **прежде всего** монархическое начало должно быть выразителем высшего нравственного идеала, а следовательно, заботиться о поддержании и развитии условий, при которых в нации сохраняются живые нравственные идеалы, а в самой монархии — их отражение. Европейский абсолютизм оставил в пренебрежении это основание монархической силы, а развивал то, что для нее второстепенно, а при злоупотреблении даже фатально. Он все свел на **безусловность** власти и организацию учреждений, при помощи которых эта безусловная власть могла бы брать на себя отправление всех жизненных функций нации. Идея же эта демократического происхождения и способна снова привести только к демократии же.

Действительно, на каком основании власть Бурбонов или Стюартов могла быть **абсолютной**? Власть абсолютная есть та, которая находит содержание исключительно в **самой себе**. На это может претендовать демократия. Но монархия тем и отличается от демократии, что черпает свое содержание из **нравственного идеала**. Она не создает его, а сама создается, не приспособляет его к себе, а сама к нему приспособляется.

Поэтому монархия усваивает себе идею абсолютизма только в виде прямого искажения собственного принципа. Теории, которыми она пытается себя при этом оправдать, могут быть только фантастичны или даже прямо признавать верховную власть демократии. Так «король солнце» говорил: « l'Etat c'est moi » («Государство это я»). Если бы это было физически возможно, то, конечно, его власть была бы абсолютной. Но совершенно ясно и очевидно, что государство есть государство, а король есть король. Наш русский язык прекрасно выражает правильное понимание их действительного соотношения. У нас «государство» истекает от государя, составляет организацию для проявления его верховной власти, но никак не **составляет** его. При всей неразвитости политической терминологии у нас в старину очень хорошо выражались, что царь владеет «своими государствами». Государство ему **принадлежит**. Он выше государства, но он не есть государство. Явно произвольное и ошибочное отождествление государя и государства по внешности дает монархической власти характер **абсолютной**, черпающей содержание из самой себя, но в действительности отрицает у нее всякую реальность. Говорить, конечно, можно что угодно. Но в чем реальная сила Людовика XIV? Если он и государство одно и то же, то чем держится сила самого государства? Почему ему подчиняются, да еще и безусловно, миллионы подданных? В конце концов на это нет никакого ясного ответа, кроме интендантов и жандармов. Но несомненно, что сила **нации** во всяком случае **более велика**.

Английская школа абсолютизма выдвинула основанием монархической власти ту идею, что народ будто бы отказался от своих прав в пользу короля, так что король имеет все права, а народ никаких. Но если монарх имеет власть только потому, что «народ воли своей отрекся», как и нас поучал Феофан Прокопович, то, во-первых, народ не может отречься от воли **за будущее** поколения, а во-вторых, стало быть монархическая власть есть в сущности делегированная, и необходимы по малой мере Наполеоновские плебисциты, как средство, не дожидаясь революции, узнавать, продолжает ли народ «отречься своей воли» или же надумал что-нибудь более ему нравящееся.

Все эти теории не только бумажные, выдуманные, но, сверх того, не дают монархической власти значения **верховой**, когда связывают ее с народной волей или лишают ее всякой реальной силы, когда отрывают от народной воли.

Монархическое начало власти, по существу, есть господство **нравственного** начала. Оно есть выражение того нравственного начала, которому народное мирозерцание присваивает значение верховной силы. Только оставаясь этим выражением, единоличная власть может получить значение **верховой** и создать монархию. Этим нравственным началом, сами того не зная, только и держались Бурбоны и Стюарты, а вовсе не тем, что они составляли самое государство или получили народную волю в свою собственность. От своей воли невозможно отречься иначе, как в пользу **высшей** воли, которой единое лицо **само по себе** в отношении народа не бывает.

Если бы Бурбоны и Стюарты понимали, что их власть над нацией основана только на их **подчинении** высшей силе нравственного идеала, и заботились о поддержании в нации и в самих себе этой веры в верховную власть нравственного идеала, то, быть может, ни та, ни другая монархия не пали бы. Но вышло наоборот, и это было неизбежно при абсолютистской дегенерации монархии.

Сила всякой верховной власти требует **связи с нацией**. Монархия отличается от аристократии и демократии не отсутствием этой связи, а лишь особым ее построением: через посредство нравственного идеала. Отрешаясь от своего подчинения этой высшей силе национального верования, единоличная власть не имеет ни меры, ни руководства ни

в чем кроме самой себя, а этим самым выводит себя из числа сил, способных воздействовать на нацию. Она низводит сама себя в значение силы чисто личной, человеческой. Но в таком состоянии она неизбежно теряет значение власти **верховой**, ибо совершенно ясно, что сила аристократии или демократии более значительна, нежели чья бы то ни была **личная** власть, не представляющая ничего кроме самой себя. В этом положении бывшая монархия может только или рухнуть или перейти в чистую деспотию, если степень дезорганизованности нации позволяет последний выход.

«Абсолютистский» момент существования европейских монархий и характеризовался, как известно, колебанием между утратой характера верховной власти и попытками деспотизма. Но если европейской монархии суждено возрождение, оно будет, конечно, достигнуто не иначе, как при возрождении способности стать выразительницей **народного духа, народных верований и идеалов.**

XXIX.

Восточный тип монархии. — Подчинение силе. — Влияние Востока на Византию и Запада на Россию.

Общий характер монархической власти еще более уясняется при сравнении самодержавия с тем азиатским проявлением монархии, которое еще Монтескье старался, едва ли удачно, впрочем, отличить от европейского абсолютизма.

Этот тип, который мы назвали выше **самовластительским**, отличаясь от **самодержавия**, лишь немного ближе к **абсолютизму**. Он очень способен переходить в Аристотелеву «извращенную» форму монархии — деспотизм, но это составляет лишь **последствие** его содержания, точно так же, как и то, что в хороших случаях он способен давать образчики очень высоких царствований (Гарун-аль-Рашид).

В этих **самовластиях** замечается поразительная зависимость царствования от **личности** правителя. Громадные царства возникают и распадаются в связи с одной личностью, с двумя-тремя поколениями правителей дома. В то же время, при таком громадном значении личности правителя, в «конституции» государства крайне слабо все, способное вырабатывать эту личность. Понятия о **Церкви** не существует. Элемент наследственности мало развит. Поддержание династии достигается убийствами возможных претендентов. Различие между **узурпатором** и законным правителем сознается крайне мало. За всей эпохой жизни Востока в нем видно постоянное стремление к **единоличной власти**, и неспособность придать ей прочный верховный характер. Это как бы узурпация, возведенная в принцип, признание **права за силой**.

Такое положение, имеющее своим последствием постоянный переход монархии в деспотизм, без сомнения, создается духовным состоянием, характеризующим Восток. Не входя в рассмотрение причин этого, можно признать за факт, что на Востоке народы отнюдь не имеют того несколько тупого религиозного состояния, которое столь часто на Западе, и благодаря которому человек считает за **высшую** силу самого себя. Восток хранит сознание **высших сил**, сверхчеловеческих устраивающих судьбы народов, но истинного **религиозного сознания** большей частью не мог достигнуть. Нравственное самосознание личности не могло прочно приводить к Богу, как началу нравственному. В сверхчеловеческих элементах Восток постоянно ощущал только **силу**, которой покорялся, не разбирая ее **качества**, преклонялся перед началами демоническими как перед Божественными.

Это духовное состояние порождало стремление сплотиться около **единоличной власти**, в которой народы Востока искали избранника высших сил. Но содержание воли этих высших сил не определялось нравственным характером. Восток покорялся силе потому что она сила, не понимая ее, не уважая ее, не любя ее, но только **покоряясь**. Таким характером одевалась и государственная власть. Избранника высших сил для народов указывал **успех**, то есть простое проявление силы. Для направления действий этого избранника, по неясности воли высших сил, также не открывалось мерил кроме собственного содержания личности правителя. Проблески высшего религиозного сознания порождали кое-какие признаки **долга** правителя. Так было и в магометанстве. Но это были крупинки, которые у более развитой нравственно личности создавали высокие образчики правления, но не создавали **идеала**, типа и в конце концов Чингис-Ханы и шах-Надиры для жителя Востока не менее «идеальны», чем Гарун-аль-Рашид.

Эта **произвольность** власти, зависимость ее содержания от личности правителя характеризуют монархическое начало Востока. Произвольность состоит здесь не в отсутствии **закона**, как указывают некоторые, а в отсутствии **ясного представления того нравственного идеала**, который должна представить верховная власть. Типичным атрибутом верховной власти здесь считается то, что она представляет таинственную сверхчеловеческую силу, рок без достаточного сознания нашей обязанности подчиняться только Богу, а не каким-либо другим силам сверхчеловеческого мира. Таким образом, элемент **нравственный** не входит ясно в число обязательных атрибутов власти, в полную противоположность с самодержавием.

Таким образом, восточный тип самовластительства должен быть, по точному анализу, признан также извращенным побегом монархической идеи, как и западный абсолютизм. Как на Западе, так и на Востоке мы находим известные черты монархии, благодаря которым единоличная власть в них свершает немало великих дел и успешно соперничает с началами аристократии и демократии. Но все-таки обе разновидности лишь блуждают около самого центра монархической идеи, не находя того существеннейшего ее пункта, отправляясь от которого монархия только и способна доходить до своего идеального развития.

Истинная монархическая — **самодержавная** идея нашла себе место в Византии и в России, причем элементами ее извращения в Византии было постоянное влияние **восточной идеи**, а у нас — **западной, абсолютистской**.

XXX.

Резюме отношений общества, государства и власти.

Нам предстоит теперь рассмотреть способы, какими монархическое начало устраивает государство. Риска повториться, мы должны вспомнить что верховная власть сама по себе, не есть ни общество, ни даже государство. Это есть только сила, **направляющая** действие государства, необходимого для объединения сил собственно **общества**. Если нет общества, не может быть и государства. Если нет государства, не может быть и верховной власти. С другой стороны, невозможно создать государство без той или иной верховной власти и невозможно обществу достигнуть сколько-нибудь высокой степени развития, не найдя для себя рамок государственности. Между обществом, государством и верховной властью существует тесная связь, и в то же время они все имеют отдельное бытие. Абсолютистские идеи, упраздняющие общество, столь же ошибочны, столь же противны естественным социальным законам, как идеи социалистические, упраздняющие государство. Практически те и другие одинаково вредны, составляя источник смещения пределов действительности и государственности.

В силу прямых и непосредственных потребностей, нужд и свойств личности, в каждом скоплении людей завязываются разнородные группы, объединяющие их в совместной жизни и деятельности. Сюда относится семья, различного рода общины и союзы трудовые, религиозные общины и т.д. Чем развитее и разностороннее потребности личности, тем более разнообразны эти основные ячейки, складывающиеся и полубезсознательно (как семья) и по необходимости, даже против желания (как многие трудовые союзы — вроде нынешних фабрик), и из высших духовных и умственных потребностей. Родственные группы — их образуют более широкие слои (как Церковь, классы, корпорации). Вся эта сложная социальная ткань и образует **общество**. В разнородных группах и слоях общества протекает жизнь личности, удовлетворяясь во всех потребностях. Рост и характер этих общественных отношений определяется деятельностью личности, свободной, поскольку это допускает инерция среды. В свою очередь, эта социальная среда, эта сфера общественности также создается и видоизменяется усилиями личности, приспособляющихся к условиям среды, как коралловый риф воздвигается работой миллиардов полипов.

На этой-то общественной среде и из нее вырастает **государство**. Чем сложнее общественность, тем более в ее среде разнородных интересов, а стало быть и борьбы. Не создав государства, общество собственным своим прогрессом породило бы в себе столько внутренней борьбы, что уничтожило бы само себя. Для установки **обязательных**, непереходимых рамок этой борьбы выдвигается **государство** — организация **власти**, поставленной выше всех общественных сил и обязанной их регулировать. В каком направлении государство это производит это определяется принципом, положенным в основу его, то есть характером **верховой власти**, долженствующей организовать государство и руководить им. Но этот принцип, не должно забывать, вырастает только из **общества**, есть его создание, и не может держаться, когда внутренняя работа общественных сил перестает ему соответствовать. Равным образом государство не может существовать, если умирает общество. Государство, необходимое для общества, не может, однако, заменить его собой. Условие жизни общества есть **свободная деятельность** личности, свобода ее творчества; условие жизни государства — есть **обязательность**; ценность общественной работы заключается в богатстве **разнообразия** творчества; ценность государственной деятельности — в поддержании **обязательной однородности** рамок (признанных необходимыми). Низвергая государство и пытаясь собой заменить его, общество приходит к анархии и бурному разложению. Пытаясь заменить собой общество, государство приходит к деспотизму, удушению всех живых сил, а потому и к собственной смерти в параличе или истощении.

Итак, общество и государство не исключают и не заменяют, но дополняют друг друга в единстве национальной жизни. Верховная власть в своей идее является представителем и охранителем этого единства, действуя различными способами, смотря по своему типу. Монархическая идея отличается при этом от демократической и даже аристократической особой высотой. Действительно, мы сказали, что задача верховной власти есть объединение и примирение элемента **свободного почина**, которым развивается общество, и элемента **обязательного единообразия**, которыми строится государство. Но очевидно, что это примирение и объединение достигается наилучше, если производится на основании **нравственного идеала**, который один только способен обнаружить те обязательные нормы, без которых невозможна свобода. Монархия является носителем этого **нравственного идеала** и в то же время выразительницей **народного духа**, что, с известной точки зрения, есть одно и то же, ибо среди беспрерывных отступлений **народной воли** то в одну, то в другую сторону от идеала, в котором люди никогда не умеют разобраться, он выясняется лишь исторически, в среднем **народном духе**, показывающем, что было верного и что было ошибочного в колеблющихся пожеланиях народной воли.

XXXI.

Династичность. — Ее психологическая неизбежность. — Ее полезное значение.

Нам предстоит перейти теперь к рассмотрению условий, необходимых для существования монархии.

Мы ранее подробно остановились на обрисовке **нравственного единства**, возможного между монархом и нацией. Это единство не есть какое-либо **пожелание**. Оно действительно, как видим, **бывает**. Оно-то и составляет первое необходимое условие, при котором власть единоличная способна становиться **верховой**, порождая, таким образом, монархию.

Но это единство совершенно закрепляется только **династичностью**, в чем и заключается трудность возникновения этой формы правления.

Сама по себе, обыкновенно, только гениальная личность способна столь глубоко выражать национальный дух, как это потребно при монархической власти. Но очевидно, что форма правления не может быть основана на такой случайности, как гениальность правителя. Поэтому повсюду, где состояние народных идеалов допускает возникновение монархии, сама собой возникает идея **династичности**.

Это ее необходимое дополнение.

При соответственном мирозерцании народ сам стремится к монархии как единоличному выражению верховной власти правды. Но для достижения этого требуется, чтобы легко и бесспорно находилась **личность**, не возбуждающая никаких споров и сомнений, как бы срастаясь с нацией на одной общей задаче. От этой личности прежде всего требуются не какие-либо исключительные таланты, но всецелая и бесспорная посвященность именно данной миссии. Такую личность дает династия. Посредством династии единоличный носитель верховной правды становится как бы бессмертным, вечно живущим с нацией. Монархически настроенная нация поэтому всегда стремится к выработке династии, стараясь жить с **одной** царствующей семьей, которая точно также передает от поколения к поколению задачу хранения народных идеалов, как они переходят от отцов к детям в самой нации. Эта династическая задача, однажды хорошо разрешенная, ясно, всем удобопонятно, исполняется затем без затруднений даже в случае физического пресечения династии, которая продолжает тогда свое **преемство** как бы посредством усыновления другого царственного рода, ибо здесь физическое преемство важно не само по себе, а лишь как внешнее выражение и обеспечение **духовного преемства**. Таким образом, когда выработались династические традиции, идея **наследственности** своей духовной силой ставит преемство власти выше всяких случайных фамильных потерь. Но самая выработка династии составляет трудную историческую задачу, требующую много времени и долголетней совместной жизни нации и царствующей фамилии. Эта необходимость династичности для идейного развития идеи монархии составляет одно из труднейших условий для появления монархического начала у народа, даже способного к его поддержанию. Но с другой стороны это именно есть путь, посредством которого единоличная власть, выдвигаемая, хотя бы даже демократией, преобразуется в монархию.

Необходимость династичности для монархии понятна. Прежде всего, представляя некоторую Высшую Волю, монарх, в идее, должен быть свободен от всякого личного стремления ко власти, и никому не должен быть обязан ей. Могут быть, конечно, особые, исключительные случаи, когда избрание, жребий или даже захват становятся по общему национальному сознанию лишь проявлением Высшей Воли. Но вообще, как правило, и захват власти, хотя бы из самых чистых побуждений, и народное избрание не свободны от предположения личных мотивов. Династичность, напротив, устраняет всякий элемент искания, желания, даже просто согласия на власть. Она предрешает за сотни и даже тысячи лет вперед для личности, еще даже не существующей, **обязанность несения власти** и соответственно с тем **права на власть**. Такая «легитимность», этот династический дух, выражают в высочайшей степени веру в силу и реальность идеала, которому нация подчиняет свою жизнь. Это вера не в способность личности (как при диктатуре), а в силу самого идеала. Если такой веры нет в нации, существование монархии уже затрудняется и тогда она рискует понижаться, через диктатуру и цезаризм, в более доступный неверующему демократизм. Но когда напряжение идеала, способность веры в него достаточно сильны в нации, идея династичности является столь же неизбежно, как сама монархия.

Психологически неизбежная, династичность также является лучшей мерой сохранения монархической идеи в самом монархе. Династичность, выражая величайшее напряжение веры народа, в то же время в высочайшей степени **обязывает** самого монарха быть не тем, что ему нравится, а тем, чего требует идеал.

Блюнчли посвящает превосходные страницы обрисовке того, что **должность** имеет свой **живой дух**, сообщаемый ею человеку. Человек вступающий в общественную должность, говорит он, перестает быть просто самим собой, но невольно становится тем, чего требует идеал должности. Должность не есть нечто только механическое. Ее функции имеют духовный характер. Когда в какой-либо должности эта жизненность иссякает, заменяясь одной механичностью, то сама должность гибнет, и государство клонится к падению. В каждой должности есть особый характер, особый дух, оказывающий влияние на лицо ею облеченное. Это психическое воздействие места всегда чувствуется должностным лицом. Так, человек малодушный от природы, невольно становится выше самого себя, делаясь судьей, администратором или генералом, стараясь напрягать возможно более те стороны своей душевной силы, которых высота требуется для данной должности.

Это влияние «должности» в высочайшей степени достигается в монархиях посредством династичности. Много примеров этого представляет и наша история, в которой И. Аксаков отмечал «таинственную связь» царя и народа, проявившуюся даже в условиях, совсем неожиданных. Это влияние **нравственной** силы династичности, в которой **дух предков**, **дух истории**, **дух целого** подчиняет себе личные стремления монарха. Впрочем, такими примерами полна история всех монархий.

Династичность наилучше обеспечивает постоянство и незыблемость власти и ее обязанность выражать дух истории, а не только личные особенности государя. Государь в глазах монархического народа есть наследник одной и той же династии, как бы **вечно** бывшей с народом. Если даже физически преемство прерывается, то **идеально** это не допускается, этого прерыва не признают. Династия остается во что бы то ни стало **единой**. Так, например, грамота об избрании Михаила Феодоровича составлена представителями народа так, чтобы в ней было возможно меньше элемента **избирательного**, зависящего от народных желаний, и как можно больше преемственного, связующего царя

и народ со всей прошлой историей. Грамота, прохода совершенно вскользь по вопросу о степени родства подробно перечисляет зато всех наших великих князей и царей, даже ранее Владимира Святого, объясняя, что все «едиными устами вопияху, глаголюще», что быть на престоле «от их царского благородного корени» «благоцветущей отрасли от благочестивого корени родившемуся Михаилу Феодоровичу Романову-Юрьеву». В этом отношении в династичности кроется глубочайший смысл, ибо благодаря ему преемственность действительно остается **нравственно непрерывной**. Государь является преемником **всего ряда** своих предшественников, он представляет **весь дух Верховной Власти**, тысячу лет управлявшей нацией, как сами подданные представляют не свою личную волю данного поколения, но весь дух своих предков, царям служивших. Духовное единство власти и народа получает таким образом в династичности величайшее подкрепление, какое только мыслимо в человеческих способностях что-либо увековечивать. Устраняя по возможности всякий элемент «избрания», «желания» со стороны народа, и со стороны самого государя, династическая идея делает личность царя живым воплощением того идеала, который нация поставила **над собой**. Государь одновременно обладает и всей властью этого идеала, но и сам ему всецело подчинен.

XXXII.

Первые задачи монархии. — Сохранение в народе и власти господства нравственного идеала. — Общине власти и нации. — Участие верховной власти в социальном строении.

Династичность создает **вечное** существование конкретного носителя власти. Для дальнейшего действия монархического начала прежде всего необходимо, чтобы народный дух продолжал иметь то же содержание, а именно был полон идеального элемента, **подчиняющего общественную жизнь нравственному идеалу**.

Монархия возникает только в нации с таким содержанием народного духа и кончается с его уничтожением. Первая задача верховной власти в монархии состоит, стало быть, в том, чтобы помочь нации сохранить и развить его духовное содержание. Его поддержание и повышение составляет первую задачу и обязанность, как в отношении нации, так и в отношении самой монархии, ибо свое нравственное содержание верховная власть черпает из нации. Когда оно есть в нации, оно передается неизбежно верховной власти, если же совершенно иссякает в нации, то стала же неизбежно иссякает и в верховной власти.

Второй ряд задач истекает из необходимости сохранять в верховной власти постоянное пребывание национального духа. Затем выступает задача постоянного и непосредственного **общения** верховной власти с нацией, постоянное и непосредственное **участие** верховной власти в национальной жизни.

Анализ монархической идеи (в ее самодержавном проявлении), так же как наблюдение эпох процветания монархии одинаково показывают, что в достижении этих различных основных целей монархия, следующая **собственной** идее, а не какой-либо чужой (т.е. демократической или аристократической) имеет перед собой совершенно иной путь, нежели абсолютизм или конституционализм.

Так называемая абсолютная и конституционная монархия устремляют свое внимание исключительно на узко **политическую** сторону вопроса и стараются решить его различными способами устройства собственного **государства**. Отсюда развивается **отделение государства от церкви** и усиление **бюрократизма**. Перед действительной монархией, в ее самодержавном проявлении, на первом плане выдвигается, напротив, **нравственная** сторона, требующая тесной связи с церковью, а затем **социальная** сторона вопроса, **устроение национальное**, приводящее к **сословности**. Лишь на этих основах воздвигается уже устроение чисто государственное.

XXXIII.

Абсолютизм и бюрократия. — Упразднение бюрократией национальной работы и социальных авторитетов. — Бюрократическое «средостение».

Абсолютизм, совсем не сознающий своей обязанности выражать **народный дух**, и присваивающий **народную волю** естественно развивает лишь внешние средства действия монархии, которая, по его идее, берет на себя все жизненные функции нации. Имея задачу и думать, и чувствовать, и хотеть за нацию и исполнять все необходимое для существования всех этих миллионов и десятков миллионов разрозненных человеческих существ, абсолютная монархия, естественно, устремляет все силы на развитие государственного механизма, достаточно, по ее мнению, совершенного для выполнения этой невозможной работы. Таким образом, развивается **бюрократизм**, одна из важнейших опасностей всякой монархии. Сам по себе бюрократизм есть идея не собственно монархическая, а абсолютистская. Но монархия, как образ правления, очень способный к сосредоточению сил, легко впадает в эту болезнь, от которой избавляется только непосредственным общением с нацией.

Само по себе чиновничество или бюрократия — понятно, необходимы, как **орудие** управления для какой бы то ни было верховной власти. Оно составляет язву страны лишь в том случае, когда из орудия управления превращается в силу господствующую, ибо в этом случае губит как верховную власть, так и нацию.

Вредное действие бюрократии, развившейся таким образом, состоит в том, что она всю жизнь нации подводит под однообразные, обязательные нормы, уничтожая, поскольку хватает сил государства, всякую свободную творческую работу нации, упраздняет в ней все самостоятельные центры жизни, следовательно, подрывает все нравственные и социальные авторитеты. Она таким образом деморализует нацию и вносит в нее

общее омертвление. Между тем сама бюрократия никак не может заменить собой того, что убивает в нации. Служебные качества бюрократии требуют исполнительности, дисциплины, выражения и исполнения **чужой** мысли и исключают развитие **своей**. Работа личная, вдохновенная, своеобразная противоречит самым элементарным задачам бюрократии. Национальная жизнь, напротив, вся зависит от этой личной, вдохновенной и своеобразной работы, которую бюрократия в других убивает, а сама по существу дать не может. В результате нация мертвеет и деморализуется. Воспитательное значение для людей вообще, а для молодых поколений в особенности, имеют те социальные и нравственные авторитеты, которые дискредитируются бюрократией. В стране становится некого уважать, не с кого брать пример. Все становится **безлико, безвольно, безыдейно**. Отсюда каждый, теряя уважение к обществу, к нации, к личности, становится сам себе высшим судьей, а потому развивается уродливо. Едва ли можно сомневаться, что этот подрыв нравственных и социальных авторитетов нации был в наше время повсюду одним из могущественнейших источников развития идей нигилистических и анархических.

Единый авторитет, на который, по-видимому, не может распространяться упразднительное действие бюрократии, составляет власть верховная, именем которой она сама действует. Но в действительности оказывается иное. Идея государственного абсолютизма с бюрократическим способом правления, во-первых, ставит в обязанность верховной власти такую безмерную работу, какой она не в состоянии исполнить, и выполнение которой иногда даже противоречит высокому нравственному авторитету ее. Посему в исполнении этих бесчисленных мелочей бюрократия в действительности безусловно самостоятельна, а между тем всякая ее ошибка и всемертвляющий характер ее работы падает ответственностью на верховную власть. Это обстоятельство тем более важно, что если бюрократия может подавлять в нации **положительные** авторитеты, те, которые стремятся к созидательной работе, то никто не в силах помешать существованию авторитетов **отрицательных**, критикующих и подрывающих. Их действие, напротив, получает все удобства, так как все способное им нравственно противодействовать, застывает в пассивности и унынии. При таких условиях критика, возбуждаемая господством бюрократии, неизбежно переходит на самый принцип верховной власти, именем которой бюрократия действует.

Между тем, в то же время, сама верховная власть плотно окружается «средостением» бюрократии, отрезающей ее от нации. Положение верховной власти в этом случае тем более затруднительно, что она, даже и при желании, не имеет возможности сохранить общение с нацией. Если в нации никто ничего не делает, если все за всех думает и делает чиновник, то и общение становится возможным только с ним. Какое бы ни возникло обстоятельство, спросить возможно только чиновника, ибо никто больше в стране ничего не делает и ничего не знает. Для общения **нет места**. Само собой, в этих строках я беру, так сказать «идеальное», а не фактическое положение. Фактически бюрократия **до такой степени** развиться не может, ибо еще далеко не доходя до нее, она вызывает революционные движения. Но **идея** ее господства именно такова, и в истории абсолютизма мы видим повсюду, что эта идея может достигать достаточной степени развития, чтобы отрезать монарха от нации, уничтожить между ними взаимное понимание, а таким образом приводит к перемене образа правления.

XXXIV.

Идея конституционная. — Представительство. Общение власти и нации. — Земские соборы.

Если абсолютизм уничтожает нацию, то конституционная идея, стремясь объединить верховную власть и нацию посредством другой системы государственной организации, уничтожает монархию.

Выше достаточно сказано о том, что идея конституционной монархии составляет отрицание монархической власти и первый шаг к ее полной замене демократией.

Я не стану повторять того, что подробно рассматривал в другом месте,^[26] о фиктивности и лживости так называемого выборного народного права в парламентах. Парламентские депутаты выражают не волю или желания народа, а желания **политиканствующего сословия**. Парламентское представительство не объединяет государство с нацией, а разъединяет их, как никакое другое устройство. В отношении этих несомненных фактов я могу лишь отослать читателей к указанной в примечании книжке моей.

Но в народном представительстве, окружающем монарха, некоторые видят элемент **общения** верховной власти и нации. У нас та же идея общения проявляется еще в проектах совещательных **земских соборов**. Против земских соборов у нас обыкновенно возражают, что они неизбежно бы выродились в настоящее время в **парламент**. Это возражение, мною впрочем совершенно разделяемое, относится чисто к практическим, временным условиям. Если рассматривать вопрос в принципе, как явление общее, то должно, наоборот, сказать, что никакие совещательные собрания, созданные, выбранные или назначенные, нимало **сами по себе** не противоречат монархической идее. Мало того, легко представить себе даже собрание каких-либо выборных, облеченное со стороны верховной власти правом **решения** тех или иных дел, или даже властью исполнительной, и все это **само по себе** точно также не противно еще идее монархии. Монарх, делегирующий на тот или иной предмет свою власть главнокомандующему или генерал-губернатору, может точно также облекать какими заблагорассудит правами и собрания. Дело не в этом, а в том, что эти собрания, каковы бы ни были их права, сами по себе, как собрания, ничуть не обеспечивают общения монарха с нацией. Весь вопрос в том, **каковы** эти собрания, **из кого** они состоят. Это обстоятельство столь важно, что иной раз, может быть знакомство с одним, никем не избранным и не назначенным человеком способно более послужить общению монарха с нацией, нежели присутствие среди целой тысячи депутатов земского собора.

Что такое **общение**, которое нужно монарху? Это есть общение с национальным гением. Оно нужно для того, чтобы верховная власть находилась в атмосфере творчества народного духа. Он проявляется иногда в деятельности чисто личной, иногда в действии установившихся издавна учреждений и организаций и в характере представляющих их лиц. Следовательно, монарху нужны и важны люди только этого созидательного и охранительного слоя, цвет нации, ее живая сила.

Находятся ли эти люди собранными в одной зале или нет, это вопрос второстепенный. Может случиться, что для верховной власти понадобится видеть их в совокупности, может случиться и совершенно наоборот, но, во всяком случае, нужны именно **они**. Они дают общение с духом нации.

В них верховная власть видит и слышит не то, что говорит толпа, но то, что масса народа **говорила бы**, если бы умела сама в себе разобраться, умела бы найти и формулировать свою мысль. В идеях, действиях и настроениях этого цвета нации монархия имеет перед собой то, за чем **следует** масса, то, что **ведет** за собой массу к созидательной работе. Монархическая верховная власть, вся сущность которой и вся задача состоит в представительстве самого **идеала** народной жизни, и в направлении государственной деятельности сообразно с ним, а не со случайными криками и вечно заблуждающимися наличными желаниями толпы, имеет надобность в общении именно с этим цветом нации, с ее лучшими людьми, выразителями ее современного и исторического гения. Весь вопрос об **общении** сводится к средствам окружить верховную власть **этими** людьми, выделить их, сделать видными, легко находимыми и доступными для власти.

Во всяком случае идея общения не только не имеет ничего общего с идеей **представительства**, но даже с ней несовместима.

Дело в том, что идея народного **представительства** сама в себе содержит отрицание монархии; ибо **орган народного представительства есть сама верховная власть**. В монархии это ее главное и существеннейшее свойство, долг и право. В монархии верховная власть ищет перед собой лишь представительства **частных**, групповых интересов, но никак **не национальных**, которые представляются всецело самой верховной властью. Если монархическая верховная власть почему-либо не представляет **национальных** интересов, то, стало быть, с этого самого момента она теряет *raison d'être* (смысл существования) и подлежит замене другим образом правления. А пока мы предполагаем ее в живом состоянии, она сама есть национальное представительство и никакого другого не может допустить не заявляя тем самым, что неспособна уже исполнять функцию, для которой выдвинута нацией.

Таким образом, в монархии может быть только вопрос о способах **общения** с нацией, но никак не о национальном **представительстве**. Эта последняя идея возникла лишь как продукт разложения монархической идеи и держится лишь благодаря чистому недоразумению.

Она, однако, отчасти затуманивает собой даже идею славянофилов о свободе **мнения** «земли» с отдачей в ведение верховной власти «воли» ее. Без всякого сомнения, свобода мнения не только не противна монархической идее, но даже логически требуется ею. Но это относится не к «земле», а к **людям и группам**. Нельзя, конечно, воспретить и всей «земле» в совокупности иметь какое-либо «мнение», ежели она его имеет, и это даже очень хорошо, когда она его имеет, хотя, к сожалению, бывает лишь в редких случаях. Но имеет она его или нет, **органом** этого национального мнения, существующего или только «потенциального» может быть и должен быть государь, а не какое-либо иное учреждение. Разделять «мнение» и «волю», столь неразрывно связанные, вообще невозможно. Идея же монархической верховной власти состоит сверх того вовсе не в том, чтобы выражать собственную **волю** монарха, основанную на мнении **нации**, а в том, чтобы выражать народный дух, народный идеал, то есть как сказано, выражать то, что думала бы и хотела бы нация, если бы стояла на высоте своей собственной идеи. Если бы «земля» способна была стоять на такой высоте, то монархическое начало власти не было бы и нужно для народов. Оно нужно именно потому, что свойствами **личности** восполняет органический, неустранимый другими способами недостаток всякой социальной **коллективности**.

XXXV.

Отношение государства к Церкви. — Вопрос о их отделении. — Невозможность этого в монархии. — Воспитательное значение Церкви. — Области ведения Церкви и Государства. — Их отдельность и их союз.

По самой сущности своего принципа монархия **прежде всего** нуждается в **правильных отношениях с церковью**.

Нормальная установка отношений государства и Церкви имеет важность, перед которой бледнеют все другие вопросы государственно-общественных отношений. Это есть установка **обязательного** на почве **нравственной**. Это есть то, по степени достижения чего монархическая верховная власть осуществляет свою идею **господства нравственного идеала**. Для монархического начала власти во всей области государственно-социальных отношений нет ничего более важного, ибо пока отношения верховной власти к Церкви остаются хоть приблизительно правильными, монархическое начало успевает справляться даже с дезорганизацией других отраслей социальной жизни, и наоборот, с потерей этого своего жизненного нерва неизбежно лишается способности поддержать даже превосходно в других отношениях выработанный социальный строй.

Итак, монархическое начало власти имеет перед собой в нации **Церковь**. Должны ли быть между ними какие-либо необходимые отношения? Современные идеи, отрезающие государство от всего живого и органического в нации, отвечают на этот вопрос отрицательно. Теория «свободной Церкви в свободном государстве», отделение Церкви от государства, — не видит ничего общего между общими целями жизни человека и

целями его гражданского общежития. Это было бы проявлением самой полной неразвитости, если бы не было проявлением отрицания религиозного начала жизни. У действительно сознательных сторонников отделения Церкви от государства — подкладку такого стремления составляет неверие в существование Божие или, по крайней мере, в реальность воздействия Божества на людей. Стремление отделить Церковь от государства может явиться столь же основательно еще в другом случае: когда государство стремится поработить Церковь, или, наоборот, Церковь — Государство. В других случаях у большинства, повторяющего фразы об отделении Церкви от государства, это есть не более, как проявление самого печального состояния мыслительных способностей.

Оба указанные случаи, когда отделение Церкви от государства приобретает разумный смысл, являются, однако, именно **при неправильном** состоянии государственно церковных отношений. При нормальном состоянии Церкви и государства **порабощения** ни с той, ни с другой стороны быть не может. Церковь есть организация совершенно своеобразная, отличная от всех других человеческих сообществ. Как справедливо говорит проф. Н. Заозерский:^[27] «Церковь, в смысле юридическом, должна быть мыслима как социальный порядок **параллельный**, или соподчиненный социальному порядку, называемому государством, но **не подчиненный ему**, и тем **менее входящий в состав его**». Ибо «социальный порядок Церкви аналогичен социальному порядку государства, но не только не тождествен, а и разнороден до противоположности». «Цель иерархии есть возможное уподобление Богу и соединении с Ним». Задача церковной иерархии — «направить жизнь членов Церкви соответственно высшим и нормальным требованиям духовной природы». Сфера действия церковной власти есть «**духовный мир человека**, человеческая душа... Возрождающая сила Церкви оказывает помощь душе в ее борьбе с греховными стремлениями». К этому назначению призвана **церковная власть**. Мир, с его политическими, экономическими и т.д. стремлениями, не ее область: здесь действует государство. Но зато никто кроме Церкви не имеет власти в ее области действия.^[28]

Само собой разумеется, что **нравственные** требования отражаются и в сфере стремлений политических, экономических и т.д. Но в виду существенной противоположности **основных** областей ведения Церкви и государства очевидно, что при желании им крайне легко избежать столкновений в пограничной области, тем более, что противоположность их существа не есть **противоположность враждебная**, а лишь выражает **две** различные **стороны** одного и того же человеческого существования, долженствующие быть гармонически связанными.

В настоящем рассуждении было бы не место входить в канонические споры. Но, ограничиваясь политической стороной вопроса, мы должны вспомнить, что Церковь есть именно та среда, в которой воспитывается мирозозерцание, указывающее человеку абсолютное господство в мире **верховного нравственного начала**.

При всех других мирозозерцаниях нравственное начало является элементом **производным** и потому **подчиненным**. Нет ни одного государственного деятеля, настолько безумного, чтобы не понимать необходимость известной нравственной дисциплины для самого существования общества. Но все практические правила нравственного поведения, по которым гражданин не грабит, не убивает, повинуется когда нужно и когда нужно отстаивает права своей личности, лишаются твердой основы при отсутствии религиозного чувства и религиозного мирозозерцания. Они держатся тогда или на ничем не просвещаемом инстинкте или же на основаниях соображения общественной пользы. Но инстинкт — дело непрочное у существа рассуждающего, а общественная польза понятие условное, о котором каждый может иметь свое мнение. Если по требованию общественной пользы не следует вообще убивать, то, следовательно, по требованию общественной пользы можно иногда и убить. Все зависит от того, чего требует общественная польза. Правила нравственного поведения становятся, таким образом, условны, подчинены нашему понятию об общественной пользе. Нравственное чувство перестает быть **верховным** судьей, каким делается **рассуждение гражданское**. Нравственный идеал поэтому не может уже быть **высшим**. Высшим идеалом становится **гражданский**, условный, спорный, который каждому может представляться, как ему угодно. Чем только не способны восхищаться люди в сфере гражданских идеалов? Один становится героем и мучеником за идеал сильной власти, абсолютистское *sit pro lege regis voluntas*, другой идеализирует республиканское *virtus romana* (римское право), третий идеализирует одухотворенный *people Souverain* (суверенный народ), четвертый — такие же идеалы строит из **анархии**, из вольных союзов людей, заключаемых и расторгаемых в какую угодно минуту. Пятый «идеализирует» социалистический полиппняк, где люди исчезают перед вбирающей их в себя силой «производства». Найти мерилу для сравнительной оценки этих «идеалов» возможно только в **нравственном сознании**. Но если мы уже отказались от него, если мы, по непостижимому омрачению духа, решили подчинить нравственное чувство тем условностям, которые, наоборот, именно им только и порождаются то мы безнадежно лишаемся мерил в оценке «гражданских идеалов», мы решительно не имеем способности сказать, почему *regis voluntas* (самоуправство) должно уступить место республиканскому *virtus romana* (римскому праву) или наоборот, и почему «идеал» анархии ниже или выше «идеала» социально-демократического полиппняка? Что мы должны положить в основание «обязательного», на котором основано государственное строение? Ясная **общая** идея при этом исчезает, и остаются только чисто эмпирические указания опыта. Да и те, как это отчасти видно в современности, становятся неясны. Нужно ли наказывать воров и убийц, или брать их на общественное содержание в больницах и приютах? Нужно ли поддерживать авторитет общественной власти или упразднить его по мере возможности? Нужно ли поддерживать авторитет родительской власти или унижать его? Все стало спорно со времени господства «гражданских идеалов».

От хаотического состояния нравственного чувства нации страдает вообще государственная идея, ибо ставить **обязательным** можно лишь ясно чувствуемое и сознаваемое. Но если в таком обществе, пока оно не рухнуло совсем, все-таки сохраняется **сила** большинства, а следовательно возможно государство демократическое, то **монархическое начало власти при подобных условиях немыслимо**. Оно требует подчинения в основе добровольного, «не за страх токмо, но и за совесть», и притом такому идеалу, который выражается лучше всего личностью, то есть идеалу не «гражданскому» а **нравственному**. Монархическая власть должна для этого и сама быть проникнута этим же идеалом и ему сама подчиняться. Все это совершенно несовместимо с отделением Церкви от государства.

Хотя области действия Церкви и государства в основе совершенно различны, но и отделение их невозможно. Монархическое начало власти, имея **личного** носителя, легче всего дает необходимое **единение**, не допуская незаконного **слияния**. Монарх, принадлежа к Церкви, сам ей подчиняется, несет в себе ее нравственные требования и свое государственное строение направляет в духе Церкви. Это и есть **в общем** решение вопроса.

В частности он, однако, представляет несколько существенно важных подробностей, которых решение может отчасти служить указанием на то, в какой мере достигнуто личное единение верховной власти с Церковью.

Когда оно достигнуто не на словах, а на деле, носитель верховной власти разделяет основное верование Церкви относительно того, что мы в нашем житейском быте и строе подчинены воле Божией и обязаны с ней сообразоваться, что милость Божия, даруемая за усердное старание сообразоваться с волей Божией, есть лучшая охрана самого государства, об устройении которого призвана заботиться верховная власть. В силу этого монарх, не только как все верующие, но и в частности как государь, не может не заботиться о том, чтобы Церковь оставалась действительно Церковью, а не превращалась в самочинное сборище, только присваивающее себе это название. А для этого Церковь должна быть такой, какой указала ей воля Божия, в самом церковном учении. Все ее права, устройство, действия определяются не произвольно, а **ее самой**, в ее **вселенском** существовании. Таковую-то Церковь, самостоятельную, живую, имеющую главой своей Христа, монарх только и может желать видеть в своей стране, не только как верующий, но и как государь. Таким образом, и по личной вере монарха необходимо соблюдение и охрана прав Церкви, ее **самостоятельное** существование. Только такая Церковь есть действительная, и стало быть, полезная с точки зрения верующего, ибо при самовольном искажении Церкви ничего нельзя ждать от Бога, кроме наказания.

Мы здесь, таким образом, видим первую общественную организацию, живое и самостоятельное существование которой необходимо для государства. Нуждаясь в **самостоятельном** существовании Церкви и в то же время встречаясь с нею во многих делах, соприкасающихся с государственным строением, монархия, очевидно, должна во всех таких случаях строить государственное дело на основе, даваемой Церковью. Это единственный выход, так как ни соперничества, ни вражды, ни подчинения Церкви государству, ни обратно превращения государства в Церковь, монарх в собственных государственных интересах не может ни желать, ни допустить.

Необходимость этого вывода становится еще яснее, если мы религиозные соображения верующего переведем на язык простого рассуждения. Действие Церкви, с рассудочной точки зрения, сводится в широком смысле **к воспитанию личности**.

Церковь **воспитывает** народ, дает ему высшее нравственное миросозерцание, указывает цели жизни, права и обязанности личности и вырабатывает саму личность применительно к достижению этих целей жизни, исполнению обязанности и пользованию правами. Эту свою великую работу Церковь выполняет лишь в той мере, в какой остается сама собой, подчиненная своему собственному, а не какому-либо иному духу и, наконец, имея в своем распоряжении необходимые способы действия. Все это, вместе взятое, и означает, что **Церковь должна быть самостоятельной и влиятельной силой нации**. Только как таковая она и может быть нужна для государства, а, стало быть, государство, желая пользоваться благами, создаваемыми Церковью, вынуждено по необходимости **сообразоваться с ее советами**, а не пытаться переделать ее по своему, ибо из этой попытки, при успехе ее, никакой пользы получить не может, и все усилия, направленные в эту сторону, в лучшем случае, составляют даром потраченное время и средства, а в худшем, то есть в случае «успеха», грозят уничтожить самый источник нравственного бытия нации.

Таким образом, в некоторых отношениях государственное строение приходится по необходимости основывать на той живой, самостоятельной организации народа, которую создает Церковь. Эта организация охватывает по преимуществу духовное существование народа, все то, в чем он религиозно-нравственно воспитывается, начиная от детских лет и кончая последней минутой жизни, ибо, по совершенно правильной точке зрения Церкви, вся жизнь человека есть непрерывное воспитание, непрерывающаяся никогда выработка его. Воспитательное действие Церкви проникает, таким образом, очень глубоко в национальный организм, входя в действие множества учреждений, по существу уже не церковных, а социальных, но соприкасающихся с Церковью в необходимом для них нравственном духе. Церковь, посредством прихода, посредством семьи, различных общин (как монашеские и другие), школы, посредством множеств временных соединений верующих стремится нравственно очистить и освятить каждый акт жизни человека.

Не входя в дела чисто **мирские**, она соприкасается с ними, стараясь сохранить в них личность христианина. Во всей этой неизмеримо громадной работе, государство может лишь с благодарностью смотреть на ее усилия и свои учреждения только сообразовать с церковными. Как это делать? На это лишь некоторые указания дают каноны Церкви, но вообще вся суть вопроса не столько в формах, как в **духе**, в **вере**, в **убеждении**. Лишь таким живым старанием вести дела государственные по-христиански сохраняется живая идея государственно-церковных отношений. Самая же идея состоит в том, что государство не упраздняет Церкви, не отделяется от нее, не подчиняет ее себе не старается заменить ее собой, а принимает ее как факт, и в интересах собственного дела лишь **привносит** к самостоятельной церковной организации некоторые свои требования, строит политическое дело на нравственной основе, создаваемой Церковью, и таким образом вступает с ней в единение, не уничтожающее самостоятельности ни государства, ни Церкви. Когда государственная организация, насколько это допускается идеей Церкви, связана с организацией церковною, собственно верховная власть совершенно естественно, даже без каких-либо особых собраний и опросов оказывается в постоянном **общении** с нацией, поскольку нация организована в Церкви. Церковные деятели и авторитеты все находятся на виду верховной власти, даже в некотором обязательном с ней общении. Их мнения, опыт, совет всегда к ее услугам, не говоря уже о том, высшее церковное управление, если оно устроено сколько-нибудь канонически, всегда на лицо перед государством, всегда открывает ему мнение церковного авторитета.

Государство и социальный строй. — Классы и сословия. — Сословность монархического строя. — Причины этого. — Бессословность и бюрократизм.

Кроме правильного отношения к Церкви, монархическое начало власти, будучи высшим проявлением здорового состояния нации, особенно требует здорового состояния **социального строя**. Монархия не может действовать одними политическими комбинациями, не приводя к искажению собственной идеи. Все существеннейшие ее потребности, как общение власти с нацией, воздействие на национальную жизнь, и само **сохранение в нации господства нравственного идеала**, удовлетворяются главнее всего соответственным состоянием социального строя. В нем монархия находит свои главные средства действия. Это всегда сознавалось монархической властью, когда она не становилась бесповоротно на точку зрения абсолютизма. Забота о социальном строе характеризует все эпохи процветания монархий, которые всегда относятся к нему крайне бережно, стараются не ломать его, а именно на нем воздвигать свои государственные построения. По этому поводу и говорят о природной сословности монархических наций. Она характеризовала и Россию. Как прекрасно выразался А. Пазухин: «Весь общественный быт древней Руси покоился на строго **сословном начале**. **Каждый гражданин Московского государства непременно состоял в каком-нибудь чине, принадлежал к известному сословию**, обязанному отбывать то или иное государственное тягло. Русский народ, распределенный на известное число государственных чинов, со строгим различием в правах и обязанностях, и есть та «вся земля», то **историческое земство**, к основам которого теперь взывают политические мыслители, мечтающие утвердить современный политический строй России на бессословном начале».^[29] В этих стремлениях, конечно, как справедливо доказывал Пазухин, кроется глубокое непонимание фактов. Но должно заметить, что значение социального строя для монархии, хотя и признаваемое наиболее крупными выразителями **русской** государственности (как М.Н.Катков и К.Н.Леонтьев), весьма не разработано научно, принадлежит к числу темнейших вопросов политической науки, так что массе публики, к ее извинению, даже и неоткуда черпать понятия менее спутанные.

Мы должны разобраться в этом вопросе, хотя бы и без надежды избежать ошибок, столь трудно избегаемых во всех заброшенных областях науки.^[30]

Говорят о **сословности** монархического строя. Но что это значит? Что такое **сословие**? В настоящее время под сословиями понимают несколько крупных традиционных слоев нации, которые даже отчасти утратили свой прежний живой смысл. Многие даже уверены, что эти сословия отжили свое время, и что поэтому будто бы сословность вообще исчезает. С точки зрения научной мы однако не можем рассматривать **сословности** только по немногим историческим проявлениям ее, а должны вникнуть в ее социально политический смысл. Что такое сословие? Нация, по различию условий жизни, по многообразию ее требований, всегда распадается на **слои**, не одинаковые по условиям жизни, а потому представляющие известные различия и в своем быте, в своих привычках, в том, что составляет сильнейшие и слабейшие их стороны. Назовем эти слои **классами**, как термином более понятным публике.^[31] Это распадение на слои не есть какое-либо «исчезающее явление, не есть что-либо свойственное одному лишь периоду развития, а явление **всегдашнее**, вечное. Никогда это расслоение не было сильнее, нежели в настоящее время, когда культура значительно усложнилась в сравнении с предшествовавшими веками. Не касаясь Европы, где это еще более заметно, нежели у нас, укажу несколько образчиков из русской действительности. Мы на бумаге имеем **одно** крестьянское сословие. Но вникнем в действительную жизнь этого сословия и увидим, что оно давно распалось на много слоев, существенно различных. Чисто земледельческое население с примесью кустарно-промышленного труда, то есть именно **историческое** крестьянство, теперь охватывает лишь часть крестьянского сословия. Население горно-промышленное различается от него уже весьма существенно. Население фабрично-промышленное еще более, так что в настоящее время уже почти нет такой **государственной** меры, которая была бы **одинаково** нужна и полезна для всех слоев этого некогда единого сословия. Напротив, нередко те меры, которые выгодны для крестьянства фабричного, могут быть невыгодны для крестьянства земледельческо-кустарного. Со своей стороны, эти различные слои так называемого крестьянства уже не могут **одинаковым способом** служить государству, и хотя из каждого можно извлечь государственную пользу, но **различными способами**. Укажу точно также на современное **дворянство**. То, что было историческим дворянством, то есть сословие земледельческо-служилое, ныне охватывает лишь небольшую долю дворянства, другие слои которого не имеют не только ничего общего с исторической идеей сословия, но по всем своим интересам прямо враждебны ей. Такова вся бюрократическая часть его. Здесь опять, нет ни одной государственной меры, которая могла бы быть полезна **всему** слою, числящемуся в сословии дворянском, и разные его слои лишь совершенно различными способами могут быть полезны государству. Соединенные вместе, эти слои совершенно не способны жить **единой** сословной жизнью, и взаимными противоречиями только подрывают ее. Далее. Класс **промышленный** представляется в виде **купеческого** и **мещанского** сословий, но точно также совершенно не вмещается в них, и давно расслоился более сложно. В области труда умственного давно явились резко обозначенные слои, которые даже живут совместной жизнью, и невольно, а отчасти сознательно стремятся ко внутренней организации.

Нельзя сказать даже, чтобы эти новые слои не входили в обязательные отношения к государству, но это происходит несистематично, как бы против воли их самих и государства, не только без достаточного сознания взаимного единства, а даже со взаимными опасениями, как бы не подорвать общественной свободы, как бы не подорвать государственного авторитета... В этом-то разрыве государства и общественных слоев заключается характер современности, а вовсе не в том, чтобы исчезло расслоение общества.

Прежде всякий социальный слой, как только он обозначался в своей отдельности и особенности, становился основой **государственного** строения. Он привлекался к служению государству на основании тех своих свойств, которыми мог бы быть государству полезен. С другой стороны, он, именно как слой, получал государственное о себе попечение. Его жизненные свойства получали опору в государстве. Таким-то образом «класс» — **социальный слой** — становился **сословием**. Сословие есть ничто иное, как **государственно признанный и в связь с государством поставленный социальный слой**.

Если теперь говорят о бессословности, то это не значит, что нация перестала расслаиваться, а значит только то, что **государство** не дает этому расслоению своей санкции, игнорирует его в своих политических построениях.

Почему это происходит? Без сомнения, от ослабления общей идеи устройства, осмысливающей государственную жизнь, помогающей государству быстро и удачно угадывать свой долг в отношении явлений национальной жизни. Старое государство повсюду связывало себя с жизнью нации. Организация общественная **поэтому** становилась орудием организации государственной под единым объединяющим началом верховной власти. Абсолютистская идея разобщила государство и общество. При своей претензии вобрать нацию в себя новое государство в действительности стало лишь вне нации. Перестав составлять две неразрывно связанные стороны одной и той же национальной жизни, государство и общество приходят даже к антагонизму, завершающему ныне уже появлением идеи **анархической**. Эта идея **бессословности** государства в обществе все сильнее **расслаивающемся** принадлежит к числу больших опасностей современной жизни. Она не только ослабляет государство, но без сомнения допускает общественное расслоение до ненормальности, болезненности. Последствие мы уже видим в том, что ныне уже **классовые** интересы становятся живее и упорнее, нежели не только государственные, но даже национальные.

Между тем любопытно отметить, что сама идея бессословности явилась не вследствие уничтожения расслоения нации, а напротив, как идея еще нового слоя ее — слоя **бюрократического и политического**, который устранив нацию от непосредственной связи с государством, взял на себя функцию **представительства** государства перед нацией и нации перед государством. Это то самое «средостение», на которое и у нас не мало жаловались. Однако же в идее монархии лежит именно **непосредственная** связь с нацией. Пока в нации жив монархический дух она всегда смотрит на всякие помехи этому, как на злоупотребление, всегда стремится «дойти до самого царя», в котором точно также встречает стремление быть в личном, непосредственном общении со своим народом.

XXXVII.

Задачи осведомления и общения власти и народа. — Значение сословности.

Задачи **осведомления** и **общения** с нацией достигаются для верховной власти тем легче, чем долее находятся **на виду** все наиболее деятельные силы и люди нации, а это опять лучше всего там, где энергичнее и свободнее происходит группировка нации на слои, корпорации, общества, в центре которых сами собой обозначаются наиболее способные и типичные выразители национальной работы. Находить и видеть их для верховной власти всего легче и удобнее тогда, когда она соприкасается с этими группами на самом деле **управления** страной. Это же, в свою очередь, достижимо именно при идее **сословного** государства, то есть когда естественно образующиеся национальные слои становятся сословиями, обращаются на государственную службу теми своими сторонами, которые к этому пригодны. Само собой ясно, что не один земледельческий или землевладельческий слой способен служить государству и получать сословный характер, а всякий крупный слой народный. В старину умели обращать на государственную службу даже бродяг и разбойников казаков. Если этого не делается с новыми слоями, то не по непригодности их к такой роли, а по ослаблению самой устроительной идеи. Но по внутреннему смыслу своего принципа монархическая власть стремится именно к такой постройке государства.

Государство, «государственный союз», есть лишь завершение, а не упразднение национального. Государство лишь связывает воедино, проводит до общего центра нити национальной работы. В этом вся его роль и значение. Если нет национальной работы — не из чего создавать и государство. Наоборот, чем оживленнее национальная жизнь и национальное расслоение, тем необходимее государство как обязательная, объединительная организация. Его исходными пунктами поэтому являются естественно сами национальные слои, которые, во-первых, своей работой указывают, в чем потребна обязательность, во-вторых, в своих центральных пунктах являются готовой служебной силой для государства. Лишь там, где кончается эта слоевая организация, необходимо создание организации чиновнической, но там, где есть живой национальный слой, пригодный для государственной работы, излишне создавать другой, искусственный, который не будучи необходим, даже делается вреден, потому что является конкурентом национального слоя, и невольно подавляет его.

Естественно видеть, что, начало власти, выражающее самый **дух нации**, особенно охотно ищет свои государственные орудия там, где они создаются **национальной же работой**. Оно дает этим слоям сословный характер, обращает их на службу государству, и лишь промежутки между ними заполняет искусственной бюрократической организацией. При этом государственная организация на многих пунктах является неразрывно связанной с нацией, и из сословной службы черпает лучший персонал даже для службы бюрократической. Таким образом, получается наиболее дешевая, наиболее национальная государственная организация, наиболее способная сознательно исполнять предначертания верховной власти, проникнутой тем же национальным духом. С другой стороны, эта государственная организация наименее способна превращаться в то опасное бюрократическое «средостение», которое отделяет верховную власть от народа почти с тою же силой, как парламентарное «средостение» профессиональных политиков.

Таким образом, для единоличной власти необходим развитой социальный строй. Он составляет естественное дополнение монархии и даже ее необходимое условие, точно так же, как сама монархия является естественным дополнением развитого социального строя, настоящим «увенчанием здания» его.

XXXVIII.

Аристократический и демократический элементы в монархическом управлении.

Построение государства на самых национальных слоях, на данных, создаваемых социальным строем, имеет своим дальнейшим последствием возможность удобной комбинации в управлении элементов **аристократического и демократического**.

Известно из истории всех процветающих монархий, как охотно монархическая власть допускает оба эти элемента в управление, как ищет их, стараясь даже создавать их. Только абсолютистская идея изменяет этому правилу, стараясь, наоборот, устранить отовсюду массу народа попечением чиновника и администрации и уничтожить аристократию в пышном бездействии куртизанства. В нашей истории не обошлось и без влияния абсолютистской идеи. Но, вообще говоря, как правило, все низшее управление у нас целые века было пропитано и доселе остается пропитанным демократическим элементом, тогда как высшее столь же сильно опиралось на элемент аристократический.

Внутренние причины этого совершенно понятны. Низшее управление есть конкретное приложение идей, вырабатывающихся в высшем. Масса же народа, всегда бессильна в **предвидении** последствий всякой общей идеи, есть, однако, лучший судья последствий ее совершившегося конкретного применения. Приносит ли принятая мера облегчение или ухудшение, суждение об этом массы есть результат непосредственного ощущения, которое вернее всего, конечно, у того, кто испытывает принятую меру на самом себе. Демократический элемент, столь ничтожный в роли верховной власти, мало способен и в роли высшего управления. Но он имеет свои незаменимые достоинства в деле управления низшего.

Нельзя не заметить при этом, что характеристической чертой этого привлечения демократии к управлению, является при господстве монархии то, что демократия допускается к управлению все-таки не в состоянии толпы, а в состоянии организованных групп. Демократия при этом по возможности **аристократизируется**. Ее выразителями являются «лучшие люди», представители социальных групп а не простого численного большинства. Сверх того, никогда монархическое начало не остается при этом и без своих непосредственных агентов в виде **контроля** управления и принятия мер принуждения к действительному исполнению закона.

Подобно тому как элементы массы народа обычно участвуют в низшем управлении, в управлении **высшем** столь же обычно присутствие **аристократии**. Как демократия снизу, так и аристократия сверху не допускаются до узурпации правительственных органов. Мы знаем и у себя в истории эпохи жестокой борьбы с аристократическим элементом, выходящим из рамок естественных при монархическом начале. Но обеспечив государство от этой опасности, монархия обычно строит высшие органы управления по преимуществу из аристократических элементов. При этом достигаются действительно очень важные выгоды, так как аристократия, вообще говоря, при сколько-нибудь нормальном состоянии представляет наиболее зрелую политическую и социальную мысль страны, ее опыт, ее традицию. Во многих отношениях она незаменима в области высшего управления, так как, вообще говоря, никакая личная гениальность не представляет стольких гарантий для **государственной** разумности меры, как традиционный опыт, представляющий собой гений прошлого, освобожденный от всяких личных увлечений.

Такая система управления может считаться **естественной** при монархической верховной власти. По степени сохранения народа и монархического начала в здоровом состоянии политический строй монархий обыкновенно представляет различные комбинации в смысле обрисованной выше схемы. Без сомнения, по внутренней потребности в такой системе управления, монархическая верховная власть всегда так заботится о поддержании **социального** строя, необходимого для нее. В этом монархия резко отличается от демократий, правительство которых обыкновенно самым равнодушным образом относится к социальной дезорганизации. Это понятно, ибо никакая социальная дезорганизация не уничтожает народ как численную массу, как толпу, а следовательно, не подрывает демократической верховной власти, а даже наоборот, скорее обеспечивает ее. Чем более организован народ в социальном смысле, тем более ограничивается сила простого численного большинства личными и групповыми авторитетами. Для монархии, напротив, эта внутренняя организация, заставляющая авторитет численной силы стусеиваться перед авторитетами нравственными, составляет наиболее удобную почву действия.

XXXIX.

Право и свобода. — Их оттенки при различных основах верховной власти. — Демократическое построение обязанности на основе права.

Предшествующие главы показывают, что **способы действия** различных начал верховной власти в достижении общей цели этой власти не одинаковы. Но наблюдение показывает также, что это различие простирается гораздо глубже, давая очень неодинаковые оттенки понятиям **свободы, права, обязанности** и государственной жизни.

Нам необходимо остановиться несколько на этих различиях, неизбежно отзывающихся на правовых отношениях вообще.

Выше было замечено, что государство вообще является высшей охраной **права и свободы**. Это совершенно понятно. Государство устанавливает **обязательные** нормы гражданской жизни, а следовательно, ограничивает свободу каждого, но этим самым ограничивает возможность каждого стеснять свободу другого и, стало быть, в этих размерах обеспечивает ее для каждого. Так устанавливается, если мы припомним выражение В.Чичерина, **разумная свобода**, сообразованная с задачей не мешать чужой свободе.

Государство в этом случае является охраной свободы личности не только в отношении других личностей, но и в отношении **общества**. Как член общества, каждый человек живет в одной или нескольких его группах, внутри которых имеет свои права, но точно также испытывает известное подчинение. Это подчинение — семейное, корпоративное, сословное могло бы переходить необходимые границы и доходить даже до подавления личности, если бы государство не ставило для него рамки, сообразованные не с одними целями данной группы или сословия, но целями совокупной национальной жизни. Такая охрана личности от посягательств общественных групп особенно важна для свободы, и только с нею воспитательное значение общественной среды, сохраняя все свои ценные стороны, утрачивает опасные, способные подавлять личность. Государство в этом отношении, как и в других, является необходимой достройкой общественной организации.

Таково же его значение относительно **прав личности**. Собственно говоря, **право** только в государстве и получает вполне выясненную формулировку и точное обозначение.

Говоря о **свободе и праве**, мы входим, однако, в область, где многие принятые взгляды далеко не согласуются с тем освещением вопроса и с теми поправками, которые были бы необходимо привнесены при научной разработке **монархического** начала верховной власти. Дальнейшее рассуждение, недостаточное, без сомнения, для **разрешения** вопроса, стоящего перед наукой, достаточно, однако, кажется, для доказательства его **существования**.

Что такое **право**? Оно обыкновенно тесно сливается с понятием о **свободе** политической и гражданской. Право понимается как юридическая формулировка тех полномочий, которые личность имеет в государстве и обществе для пользования своей свободой. Обязанности, формулируемые законом, наоборот, выражают, по этому мнению, все, чем личность жертвует своей свободой в пользу общества для получения в остальной части свободы **правовой** ее охраны.

Под этим лежит, очевидно, в сознательном или скрытом состоянии, та идея, что личность, сама по себе, мыслимая вне общества, есть некоторое абсолютно свободное существо, в обществе же встречает уничтожение своей свободы; установление **прав и обязанностей** — является разрешением этого противоречия личности и общества.

Критика этой точки зрения создала бы особую, обширную тему, которая слишком далеко отвлекла бы нас от вопроса о собственно монархическом начале власти. Но рассмотрение монархического начала власти, него отношении к праву и свободе, приводит к заключению, что в теоретическом определении этих понятий может лежать и некоторая совсем иная основная точка зрения.

Согласно с приведенным взглядом, **право**, как выражение свободы, есть основной элемент; **обязанность** же, как общественное ограничение свободы, элемент производный. Нет права без обязанности, нет обязанности без права: это положение более или менее признано. Но строится ли право на обязанности или, наоборот, обязанность на праве, существует ли право как последствие обязанности или обязанности, как последствие права?

Этот вопрос далеко не праздный. Конечно, государство исторически возникает, во всяком случае, в такое время, когда нет личности вне общества и когда, стало быть, обязанность и право уже связаны неразрывно. Но работа нашего духа сообразуется не с исторической эволюцией фактов, а с их внутренним смыслом. Личность могла фактически никогда не существовать вне общества. Договора между личностью и обществом как исторического конституционного акта могло никогда не быть. Но дело в том, что личность как прежде, так и теперь, непрерывно **сознает** себя существующей не только в обществе, но и **вне** его; личность теперь, как и всегда, каждую минуту заключает в своем сознании договор с обществом, то одобряя свои отношения к обществу и общества к себе, то возмущаясь против них и пытаясь их изменить.^[32] Это есть тоже факт психологический и исторический под влиянием которого создается и изменяется юридическое право. Таким образом, в нашем политическом творчестве вопрос об отношении права к обязанности имеет совершенно реальное значение, и от того или иного его решения в нашем сознании государство и общество строятся совершенно неодинаковым образом.

Вот на этом пункте мы и замечаем существенное различие в идее монархической и демократической.

Когда в государственном сознании нации господствует **демократическая** идея, верховной властью является **масса**, народ сила, численная, количественная. Личность сознает, что она в обществе имеет известные выгоды и подчиняется обществу не только по необходимости, а даже добровольно. Но все-таки она подчиняется народу как некоторой внешней силе, подчиняется не своей собственной идее, а идее чужой, за которую стоит в государстве народ хотя бы личность с нею и была бы совершенно не согласна. Здесь государственная обязанность принимается как **уступка** некоторой необходимой силе, хотя бы незловредной, но все-таки **чужой**. Уступка эта делается для сохранения той доли своей свободы, которая окажется возможной, а следовательно, охотное согласие принять обязанность обуславливается в личности тем, сколько за это дадут прав. Таким образом, в сознании личности ее **право** является основой, ее **обязанность** лишь последствием.

Из такого отношения права к обязанности вытекает другое важное последствие, а именно столь характерное для демократий стремление к **общему равенству**. Идея равенства при демократической государственности является совершенно необходимо и неустраимо.

И в самих демократиях только самые глупые люди могут не понимать что люди в действительности ни в чем не равны. Но дело не в том. Основой права для личности при демократической верховной власти является стремление сохранить свою свободу. Как способность к свободе, так и напряженность стремления к ней совершенно

неодинаковы. Но никакого объективного **мерила** для этого чисто субъективного стремления нет у демократической верховной власти, которая есть власть не разума, не какого-либо нравственного идеала, а только **силы** численной. Для такой верховной власти все отдельные личности являются только единицей счисления, а потому совершенно равными. У всех их основой обязанности является стремление к охране свободы. Велико оно или мало, но оно есть у **всех**, и если на нем строится право, то в юридической формулировке, за отсутствием объективного мерила, можно остановиться только на признании его у всех одинаковым. По крайней мере для государства оно одинаково у всех, ибо все только на основании этого своего стремления соглашаются принимать обязанности. Таким образом, права всех признаются **равными**, а так как обязанности истекают из права, то и обязанности могут быть лишь **одинаковыми**.

Потому государственная идея демократии постоянно, с древности до новейших времен, неудержимо становится идеей не столько охраны прав и свободы, как идеей **уравнения** прав и обязанностей. Действительное неравенство людей по их способностям, по их общественной роли, по их стремлению к свободе — все это стирается перед юридической идеей уравнения, которая при достаточном развитии, начинает делаться даже явно несправедливой и притеснительной, так как ее средние доли прав и обязанностей решительно не соответствуют фактическому состоянию способностей, заслуг и общественной роли людей. Мильтиад объявляется заслуживающим изгнания только потому, что превысил среднюю степень «справедливости» а на рассвете современной демократии раздалось заявление, что ученые не нужны для республики, и что «наука аристократична».

На этой ступени развития демократическая идея уже является гибельной для общества, и уравнительная тенденция демократической верховной власти находит поправки только в сопротивлении элементов аристократической и единоличной власти, упорно воскресающих в области **управления**, где они, по-видимому, неистребимы. По крайней мере, история, если не ошибаюсь, не представляет примеров демократии, успевшей совершенно заглушить в управлении элементы единовластия и аристократии, порожденные социальным строем, вопреки тенденциям строя государственного. Чаще примеры того, что эта опасная тенденция демократической верховной власти вызывает попытки переворота для водворения на ее место монархии или аристократии.

XL.

Монархическая установка права на основе обязанности.

Распределение прав и обязанностей в государствах монархических уже на первый взгляд ясно представляет гораздо более сложную картину. Права политические особенно неодинаковы, разница есть даже и в гражданских. В первое же воскресение монархической идеи при Наполеоне I, несмотря на сильнейшее влияние уравнительной идеи революции, является признание неравенства, так что старые якобинцы упрекали императора « в восстановлении всего, за уничтожение чего они проливали кровь». Сознание фактического неравенства людей и стремление с ним сообразоваться в правовых отношениях кажется нераздельным с самой идеей монархии.

Анализируя внутренний смысл права, выдвигаемого монархиями, приходится остановиться на мысли, что при монархической идее верховной власти право **истекает из обязанности**, совершенно обратно тому, как замечается в демократиях. Исключение представляется лишь в правовых построениях абсолютизма, который, подобно демократии, также стремится к всеобщей уравнительности. Но мы уже замечали внутреннее родство идей абсолютизма и демократии. Концепция верховной власти у них совершенно одинаковая, и разница сводится к пониманию не существа власти верховной, а лишь ее **носителя** (*depositaire* — хранителя). Существо власти одним то же, а носителем ее считается в одном случае король, в другом — масса народа. Но абсолютизм и есть компромисс между демократией и монархией, внутреннее падение монархии при сохранении ее внешней формы.

В чисто монархической идее правовое построение, напротив, показывает, что право строится ею на обязанности. Если мы вспомним хотя бы вышеприведенные представления о государственной власти, создавшие верховную власть России, то мы, кажется, поймем, что идея права и не могла складываться иным путем при том типично монархическом мирозерцании, которое господствовало у нас.

Прежде всего **верховная власть** не являлась противопоставлением личности, не была для нее властью какой-то **посторонней** силы, а являлась властью собственного нравственного идеала личности. Конкретный носитель верховной власти являлся облеченным ею от самого Бога, и притом как **обязанностью**. В отношении такой власти не могло являться никаких опасений, по существу, не могло быть никакого договора, никакой охраны **своих** прав, ибо верховная власть сама по себе являлась высшим выражением попечения Бога о мирских интересах людей, выражая собой то, что одинаково принадлежало и личности и нации, их общий **нравственный идеал**. Это была **власть правды**, а не силы. От правды себя не защищают, а, напротив, в ней видят свою защиту.

В самой верховной власти право истекало уже из **обязанности**, из **миссии** ее. Только для исполнения этой миссии, для возможности исполнять обусловленные ею обязанности верховная власть получила свои **права** и не от людей, а от Бога. Не людям, стало быть, принадлежало определение границ этих прав. Нравственно же религиозная идея, разделяемая нацией, и выражавшая, по ее вере, волю Божию, ограничивала права царя не правами подданных, а только их **обязанностями** высшей категории, а именно: обязанностями их в отношении Бога. Никаких других прав подданных в отношении царской власти не знает эта идея кроме тех, которые даются нашими обязанностями в отношении Бога. Повиновение верховной власти кончается только там, где она требует неповиновения Богу то есть другими словами, где она сама нарушает свою обязанность. Как у власти, так и у подданных **право в основе определяется обязанностью**.

С этой точки зрения право есть только формула условий, необходимых для исполнения обязанности.

Такая основная правовая идея должна была затем отразиться во всем дальнейшем развитии права, в устройении социальном и государственном. Различие этого типа власти, основываемой на нравственном идеале, от власти, основываемой на демократическом факте силы, очень резко.

Что такое, например, patria potestas (отечество)? Это **сила**, огромная, неприкосновенная, но только сила, и она-то составляет **право**. Наоборот, отческая власть по православному миросозерцанию, основана исключительно на **обязанности** лица, указываемой нравственно религиозным идеалом. Это право, освящаемое силой Божественной, но мотивированное необходимостью исполнять обязанность, и только для исполнения ее данное.

Каковы наши личные права при столкновении с другими людьми? С точки зрения религиозно-нравственного миросозерцания, в сущности, никаких. Мы имеем **обязанности**. Они указаны очень подробно. Прав же мы в отношении один другого никаких не имеем, и если они являются, то лишь как следствие **обязанности** других людей относительно нас. Я требую не своего **права**, а исполнения в отношении меня **чужой обязанности**. Если я в чем-либо должен **не уступить**, то опять именно **должен**; я охраняю не свое право, а исполняю обязанность. Эта точка зрения общая, основная. Право является лишь следствием обязанности и результатом взаимных обязанностей. Когда эта религиозно-нравственная точка зрения создает, наконец, идею **верховой власти**, то через нее переходит, естественно, и в строение права политического и гражданского. Верховная власть, сама построенная на обязанности и не имеющая других ограничений, кроме обязанностей, налагает ту же печать на государство. Вследствие того во всем правовом строении должно явиться стремление не к уравнительности, не к одинаковости, а к **справедливости**, к соответственности прав с обязанностями, что мы и действительно замечаем как типичную черту монархически создаваемых юридических отношений.

ХЛЛ.

Контроль подданных. — Ошибочность идеи Блюнчли. — Истинное место контроля. — Основа права на обязанности.

Применение принципа **справедливости** к установке права, а тем более к его приложению на практике, без сомнения, составляет задачу более сложную и трудную, чем применение принципа **уравнительности**. Поэтому в монархии власть для уверенности в успешном осуществлении своих задач даже более нежели в республике нуждается в том, чтобы существовал **контроль нации**. Здесь мы приходим к очень важному вопросу государственного права. Этот контроль нации в государственном праве выдвигается иногда даже как самая основа народной свободы. На рассмотрении этой идеи должно остановиться подробнее.

Блюнчли, очевидно, совершает ошибку, когда говорит о контроле подданных над верховной властью. Контроль подданных над верховной властью мыслим **нравственно**, и в таком смысле существует везде. Цель его есть, однако, лишь удостоверение нации в том, **существует или не существует** в ней верховная власть, то есть остается ли она верна своей идее. Но никакой **юридический** контроль над верховной властью невозможен, и по существу есть абсурд. Так, например, в самой развитой республике гражданин, коль скоро удостоверяется, что принятая мера есть действительное выражение демократической верховной власти, принужден смолкнуть **юридически**, если бы даже мера представляла собой верх нелепости. Можно **апеллировать** к самому же народу, говорить, писать, стараться его переубедить, но и только. Немыслимо иметь никаких учреждений, которые могли бы отменить решение верховной власти, ибо это составляло бы создание на ее место некоторой иной верховной власти. Итак, контроль над действиями собственно верховной власти мыслим лишь **нравственно**. А затем всякая, мера верховной власти eo ipso (этим самым), то есть потому что есть мера **верховой** власти, юридически **законна** и, следовательно, никакому дальнейшему контролю юридически не подлежит.

Но отбросив идею контроля над верховной властью, нельзя не признать, что в принципе, выдвигаемом Блюнчли, есть нечто совершенно верное.

Блюнчли старается ввести элемент свободы в саму классификацию государственных форм. Кроме **образа** правления, говорит он, характер государства определяется **правом** подданных, и на этом основании он делит государства на **несвободные, полусвободные и свободные**. К первым причисляются государства, в которых не существует **контроля** подданных над действиями власти; полусвободные суть все, в которых контроль допускается для меньшинства, а свободные — в которых контроль принадлежит **всему народу**.

Эта задача — обеспечить существование контроля со стороны подданных — совершенно реальна и настоятельна, если речь идет о контроле действий **правительственного механизма**, то есть относится к области **управления** (а не к самой верховной власти). Достижение ее, однако, не при всех формах верховной власти устанавливается одинаково: это опять такой пункт, который нынешним государственным правом совсем не разработан, а между тем он существенно важен.

Условия, необходимые для существования такого контроля со стороны тех, кто испытывает на себе применение мер, то есть подданных, состоят в следующем. Необходима легкость сравнения того, что есть, с тем, что должно быть. Это достигается установкой закона, определяющего, что должно быть, и рядом условий, облегчающих осведомление подданных о **применении** закона. В числе этих последних условий находятся все способы, которыми достигается осведомление общества с положением государственных дел, как **гласность** отправления их, доступность **суждения** о них устного и печатного и т.п. По прямому смыслу монархического принципа подданные несомненно должны иметь в этом отношении ряд **прав**. Славянофильская школа была совершенно права, когда усматривала в древней Руси существование свободы мнения и суждения и признавала ее принадлежностью нашей монархической идеи. Но все эти права подданных, определяемые с точки зрения монархической идеи, должны складываться

совершенно иначе, чем по идее демократической. Это уже, мне кажется, славянофилами совершенно не сознавалось. С точки зрения демократизма это суть права прирожденные, неотменимые. Они принадлежат личности не потому, что ей даны государством, а потому, что личность в своем договоре с государством ими **не поступалась**. При идее монархической во всем, что касается государства, такие права **даны** и могут быть отменены. Эти права — наблюдения над действием управления, суждения о нем устного и печатного — собственно как **права** даны верховной властью для исполнения **обязанности** подданных помогать ей в ее трудах на их благо. Такая обязанность, вытекающая из самого смысла монархической власти, ясно сознавалась у нас с древнейших времен в тех требованиях, которые цари предъявляли всем без исключения подданным. Это не одно требование **повиновения** но принципиального **содействия**. Оно выражено в присяге на верность государю, **обязательно** приносимой не тем, кто этого хочет, а именно **по обязанности подданного**. Присягают, во-первых, в **верности** и **повиновении**. Но каждый сверх того обязуется клятвенно: по крайнему **разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять** все права и преимущества, принадлежащие **самодержавию, силе и власти** государя. Но и это еще не все: обязуются **способствовать** всему, что может касаться верной службе государю и **государственной пользе**. Обязуются не только **благовременно объявлять** обо всем, что может принести вред, убыток и ущерб интересам государя, но все это **«всякими мерами отвращать и не допускать тщатися»**. Здесь **подданный**, повинующийся и гражданин, деятельный участник не разделяется, а непрерывно сливаются. Присяга прямо объясняет, что именно «таким образом» поступать, значит «вести себя и поступать как верному Его Императорского Величества подданному **благопристойно есть и надлежит**». Именно в том, таким ли образом поступал подданный, он даст ответ «перед Богом и Его судом страшным».

Так гласит это замечательное произведение Петра, произведение, в котором он был вдохновлен уже не теориями Гуго Гроция, не Гоббсом, а чисто царским проникновением в дух своего принципа власти.

Итак подданный монархической власти, как гениально выразился М.И. Катков, имеет больше, **чем политические права, он имеет политические обязанности**. Выражение это освещает истинно молнией дух самодержавной власти. Подданный имеет политические обязанности, и для исполнения их облекается **правами**.

Ясно отсюда, что его права не могут иметь такого **характера**, как демократические. Если подданный имеет право присутствовать на судебном заседании, то никак не для устройства из этого спектакля, не для развлечения. Гражданин демократической республики имеет **право** пойти в судебное заседание совершенно так же, как идет в трактир или цирк. Никаких обязанностей на него это не налагает, кроме разве обязанности не чересчур громко шуметь, чтобы его «свобода» не стесняла «свободы» судей в разбирательстве дела. По смыслу нашего права, публика может присутствовать на заседании, но только с той же серьезностью, с тем же вниманием к происходящему, как сами судьи, сами присяжные. Ибо публика допущена в зал тоже **для исполнения обязанности**, хотя и иной, чем обязанности судей или присяжных.

То же самое можно сказать относительно свободы слова и печати. Она составляет **право**, но всецело обусловленное **обязанностью**. Правда, что печать, как и многие другие явления, служит также примером противоречий, создаваемых нашей малой сознательностью и чрезмерной подражательностью. Не будучи собственным созданием русской жизни (по крайней мере в сколько-нибудь развитом виде) — ибо в зачаточных формах была и у нас — все отрасли публицистики явились к нам в своих европейских формах, то есть с идеей **свободы** в основании и с **обязанностями**, намечаемыми лишь вторичным порядком. Публицистика у нас почти не испытала воздействия русской идеи, но зато печать у нас и доселе остается каким-то странным учреждением, скорее терпимым, нежели занимающим **необходимое** место в государственной жизни. Лишь в виде чисто **личного** отношения Государей к деятелям печатного слова проявлялась русская идея. Так известно отношение императора Николая Павловича к Пушкину, Гоголю, Островскому, причем у последних государь между прочим оценивал прямо **общественную** идею. В настоящее время Высочайший указ 13 января 1895 года впервые ввел как принцип, что посвящение дарований и усиленных трудов на поприще науки, словесности и повременной печати — есть **служение Государю и Отечеству**. Без сомнения приложение этого принципа требует еще большой разработки, но очевидно, что он уже вводит и в область **свободы печати** ту самую идею **обязанности**, которая характеризует русское понятие права повсюду, где оно сколько-нибудь «национализировалось», срослось с основными требованиями русского мирозерцания. Последствий можно предвидеть очень много. Очевидно, поскольку печать является орудием контроля нации над действиями управления, она ставится идеей **обязанности** в иное положение, нежели при идее **свободы**.

Право, рассуждая теоретически, здесь становятся еще тверже, то есть оно должно быть тверже, оно менее отрицаемо, нежели при идее свободы, подлежит меньшим ограничениям, нежели при идее свободы, нарушение его **труднее**, ибо затрагивает не только частный интерес, но и государственный. Но зато установка этого права более сложна и связана с очень хорошо развитым социальным строем. Это общая черта такой идеи права. Что касается самой практики права (насколько оно соприкасается с общественным контролем управления), то она тесно связана с правом подданных апелляции к верховной власти. В нашей истории бывало злоупотребление этим правом со стороны подданных чаще, чем отказ в нем со стороны власти. Здесь известны весьма резкие отступления от собственной идеи, как при том же Петре I, и еще более во времена крепостного права, чрезвычайно сильно испытывавшего влияние европейских феодальных идей. В общей сложности, однако, право апелляции к верховной власти очень твердо держалось в нашей истории, и притом отчасти именно как **необходимое дополнение обязанности** служения Государю.

Кроме всего, чем поддерживается **частный** контроль подданных над ходом управления, монархическая идея дает особенно могущественные средства общественному контролю в самом способе организации управления на основах социального строя. Управление этим способом приближается к нации так близко, становится так доступно наблюдению и оценке, как этого нельзя достигнуть никакими другими средствами.

XLII.

Свобода. — Самоуправление. — Свобода личности.

Из предыдущего изложения видно, что способы осуществления и охраны свободы, с точки зрения монархического начала, представляются иными, чем при начале демократическом.

Вообще тот ряд условий, которые необходимы для существования в данном обществе свободы, распадается на две категории. Нужна, во-первых, **свобода личности**, во-вторых, **свобода общественная**. Свобода, как в том, так и в другом случае, состоит из возможности жить и действовать беспрепятственно, сообразно своей индивидуальности и задачам.

Верховная власть абсолютизма, как и демократия, создает в этом отношении **противоположность** между государством и обществом и различает **управление государственное**, с одной стороны, и **самоуправление общественное**, с другой. Предполагается, что эти силы, взаимно ограничивающие, то есть чем развитие «государства», тем уже «самоуправление», и наоборот. Чистая монархическая идея едва ли совместима с такими разделениями.

Рассматриваемое со стороны общества все государство есть не что иное, как окончательно довершенная организация **национального самоуправления**. Здесь нет противопоставления, есть лишь дополнение. Понятие о какой-то специальной охране общественной свободы здесь не может даже возникнуть, ибо все государства есть не что иное, как организация общественной свободы. Разделение между обществом и государством, а следовательно, потребность охраны общества от государства и обратно возникает лишь в такой степени, в какой организация управления противна монархической идее или несовершенно ее осуществляет.

Когда появляются между государством и обществом такие ненормальные ощущения взаимного отчуждения, это верный знак что **бюрократия** заняла несоответственно широкое место в управлении, вытесняя общество из государства и таким образом препятствуя Верховной власти находить государственно действующие силы в самой социальной организации нации. Но само по себе **самоуправление**, то есть предоставление Верховной властью общественным группам непосредственно заведывает делами в пределах их компетенции, прямо вытекает из монархической идеи.

О свободе **личности** уже упомянуто отчасти в предшествовавшей главе. Само собою разумеется, мы рассматриваем лишь логику **принципа**. С этой точки зрения несомненно, что свобода личности в политическом отношении определяется не ее свободой участвовать в государственном устройении, ибо устройство государства принадлежит только верховной власти. Но верховная власть, по самой идее своей, не только допускает, а даже **обязывает** каждого, по мере возможности, ей в этом служить. Отсюда являются **права**, охраняющие свободу личности в отправлении ее обязанностей. Так как эти обязанности отправляются личностью по свободному усмотрению, то, конечно, они не могут быть подробно формулированы и предусмотрены в частности. Посему есть целая категория **прав**, так сказать, суммарных, общедоступных, которыми пользуются по своему усмотрению. Такова свобода совести, слова, печати. Но если они **общедоступны**, то это не значит, чтобы они были бесконтрольны и неотъемлемы. Выше их носится нравственная **обязанность**, для исполнения которой дается право. Если же обязанность нарушается, то право может быть отнято, или ограничено во всем, где данная **свобода** вторгается в жизнь государственную. Политические права, по идее монархической власти, не могут быть поэтому ни равномерны, ни безусловны. Они по мере практической возможности складываются **пропорционально** и **условно** применительно к **желанию и способности** личности действительно выполнить ту обязанность, во имя которой дается право.

Но если политические вольности личности не единообразны и не равномерны, то в своих **высших** проявлениях они могут далеко превосходить ту **среднюю** степень, которую демократическое начало допускает **для всех**, а переходить которую не позволяет **никому**. Что касается **средних** размеров, они сообразуются при монархическом начале как выразители народного духа не столько с каким-либо отвлеченным принципом, как с правами и обычаями в сфере общественной; а в сфере религиозной с учением Церкви,^[33] так что более всего определяются развитостью самого общества.

XLIII.

Консерватизм и прогресс. — Различные свойства различных основ власти.

Мы видим таким образом, что **единоличная верховная власть** во всем строении государственном действует на несколько **иных** началах, нежели демократическая. Она охраняет и **свободу** и **право**, но в совершенно ином построении, которое, однако, дает и свободе и праву более прочные основания. То же самое должно заметить о так называемом **прогрессе**.

В настоящее время, демократическая идея связывается с понятием о **прогрессе**, которому будто бы наиболее способствует. В другой книжке («Борьба века». 1895) мне приходилось более подробно рассматривать нереальность этого модного понятия и доказывать, что отвлеченные понятия **прогресса** и **консерватизма** в действительности должны быть заменены понятием **жизнедеятельности**, их совмещающей. Это здоровое состояние находит свое лучшее орудие именно в монархии, почему мы и видим постоянно, что величайшие страницы истории почти всегда тесно связаны с именами великих монархов.

Аристократия в качестве носителя верховной власти имеет тенденцию неподвижности, консерватизма. Демократия, получая верховную власть, приносит в нее все свойства ума толпы, подвижность, легкомыслие, увлечение, склонность следовать «по линии наименьшего сопротивления». Человеческая сознательность в направлении дел здесь сводится к своему минимуму. Переменчивость движения легко возрастает от того, что умами толпы и принимается за «прогресс». С этим «прогрессом» демократии успевают наилучше поставленные до них дела расстраивать на сотню или две лет. Монархическое начало, избегая обеих крайностей, в наибольшей степени привносит в ведение дел страны качество уравновешенного ума личности.

Нужно ли упоминать о способности монархии к преобразовательной деятельности? Этими примерами полна история, и в частности история России. У нас монархия явилась об руку с коренным преобразованием удельной системы. По объединении страны та же верховная власть, со времен первых царей (и особенно с Иоанна Грозного) почувствовала необходимость поднятия русского просвещения, причем ни единого раза не уклонилась от такой миссии, постоянно стоя об руку даже не со средней массой, а с наиболее выдающимися слоями деятелей русской культуры. Петровская деятельность в этом направлении отличается неукротимой страстностью революций, и если Россия при этом осталась на своих исторических устоях, то исключительно лишь потому, что этот нетерпеливый культурный переворот производился все-таки **царем**, который мог ломать все, но не **свою власть**, помимо даже его воли лишь возраставшую среди окружающих обломков. Да и в ломке этой большей частью нельзя обвинять преобразователя, желание которого состояло не в ломке, а в том, чтобы, наоборот, «собрать разрушенные храмины».

Реформаторское время Александра II можно упрекать в чем угодно, но только не в смелости преобразований, причем нельзя не заметить, что и упреки все-таки приходится делать более всего **русскому обществу**. Нельзя сомневаться, что при состоянии умов большинства, воспитанного идеями XIX века, реформа 19 февраля была бы началом полной революции, если бы верховная власть России не находилась все-таки в руках монарха, тогда как при этом условии ряд реформ, хотя большей частью с очень плохо выдержанным основным принципом, тем не менее освободил Россию от больших зол не создав при этом другого **непоправимого** зла.

Не должно забывать сверх того, что **никакая** верховная власть не может дать более разумности, чем можно отыскать в **стране**. Верховная власть может вызывать к деятельности имеющиеся силы, может способствовать их возрастанию, но если их нет и когда их нет, **заменить** их отсутствия сама собой не может. Из ничего только Бог может создавать нечто. Если количество умных сил страны выразить числом 100, то **величайший** успех и заслуга власти состоит в том, что она дает разумного действия на сумму 100 единиц. Требовать, чтобы их оказалось 1000 в такую минуту, когда их имеется только 100, значило бы по лучшей оценке фантазировать.

Возвратимся, однако, к вопросу. Помимо всяких исторических примеров само собою ясно, что государь не может иметь ничего против полезных преобразований. Напротив, все интересы его, все нравственные побуждения, все честолюбие даже скорее способны привести к исканию улучшений, к ускорению роста страны. Вообще увлечение преобразованиями даже более свойственно личности, чем увлечение неподвижным status quo. Но при этом в монархии также особенно сильно свойство сохранять нацию все-таки на ее **историческом** пути развития. В этом смысле охранительная способность монархического начала весьма своеобразна.

Оно получает при этом вид даже как будто совершенно самостоятельной силы, независимой от содержания сил нации. В действительности это явление лишь кажущееся.

Народ, под влиянием стихийной заразительности массовых движений, под действием подражательности, увлечения, бессознательной гипнотизации чужой нервностью весьма способен сходить **временно** с исторического пути развития, хотя именно в таком состоянии менее всего способен к какому-либо разумному преобразованию. В этих случаях монархическая власть легче всякой другой может становиться поперек дороги увлечению и переламывать общий поток. Почему это? Дело в том, что монарх представляет дух народа. По династическому характеру и нравственной ответственности, носитель монархической власти в эти эпохи общего увлечения является силой наиболее способной противостоять случайному течению, а этим его пример, его голос **пробуждают** в нации ее природное историческое содержание и возбуждают таким образом стремление к верности историческим основам. Монархическое начало, таким образом, является орудием, помогающим нации не впадать в застой, но и не забывать основ своего развития, то есть именно оставаться в состоянии **жизнедеятельности**, здорового развития своих сил и обдуманного приспособления к новым условиям. Консерватизм и прогрессивность наиболее уравновешены в этом начале власти. Ни демократическое, ни аристократическое начало не могут даже приблизительно заменить монархию в обеспечении стране правильной и спокойной **эволюции**. Как во всем остальном, различные начала верховной власти **не одинаково** направляют жизнь страны, но, как в других случаях, монархическое начало и в отношении движения страны вперед представляет орудие наиболее тонкое и надежное.

XLIV.

Универсальность и совершенство верховной власти. — Сравнительные свойства монархии. — Ее возможное будущее.

Сторонники «современного» парламентарного государства любят указывать на будто бы «универсальность» и «совершенство» этого строя. Такие утверждения, в сущности, не имеют никакого ясного смысла. В отношении **всех** основных начал верховной власти можно сказать, что они **универсальны**, то есть **при известных условиях** пригодны для каждой нации и столетия; но точно также нет ни одного начала власти, которое было бы **пригодно при всех условиях**. В этом последнем смысле никакой «универсальности» в них не может быть. Если же «универсальность» измерять исторической мерой, то монархия, наиболее часто встречаемая у наибольшего числа

наций при наиболее разнообразных условиях, конечно, по преимуществу заслуживает названия формы универсальной.

Что же касается **совершенства**, то в рассуждении о нем может быть две точки зрения. Во-первых, **совершенной** может быть называемая такая конкретная форма власти, которая наиболее разумно осуществляет **свой собственный** принцип. В этом смысле могут быть одинаково совершенны и монархии и республики. Но, во-вторых, совершенство форм власти мы можем измерять еще тем, насколько каждая из них удовлетворяет запросам наиболее высокой общественности. В этом смысле, конечно, наиболее совершенным должно быть признано монархическое начало.

Значение государства состоит в том, что оно дает место сознательному человеческому творчеству в широких пределах национального или даже (в идеале) всемирного союза. Но это творчество имеет своим источником силы частные, которые тем более деятельны, чем более верны каждая сама себе, своему основному принципу. Общее творчество, стало быть, тем более широко, чем свободнее и сложнее творчество частных сил. Государство поэтому совершенно тем более, чем более оно допускает в **общем** творчестве существование и действие сил частных, составляющих нацию или человечество, если оно когда-либо дорастет до такого единства. Более совершенным принципом **верховой власти** является тот, который в наибольшей степени допускает в коллективном единстве существование и жизнедеятельность сил частных. С этой стороны **монархия** в идее имеет все преимущества перед **демократией** и **аристократией**.

Монархия основана на верховной власти **идеального объединяющего** принципа. Но верховная власть идеального объединяющегося принципа не исключает, а даже требует действия частных подчиненных принципов. Наоборот, другие принципы верховной власти имеют естественное стремление исключать действие других. Демократия, основанная на верховной власти количественной силы, по существу, враждебна влиянию **нравственной** силы как в ее аристократических формах, так и формах единоличного влияния. Существование всякой нравственной силы само по себе подрывает значение силы численной. Демократия поэтому тяжело ложится на внутреннем творчестве нации. Монархическое самодержавие свободно от такой тенденции. Оно, конечно, не допускает **преобладания** численной силы над нравственной, но, подчиняя значение большинства господству идеала, самим большинством разделяемого, монархическое самодержавие не уничтожает этого большинства, а только отнимает у него возможность быть тормозом развития целого общества. Таким образом, государство при монархической верховной власти наилучше обеспечивает **качественную** сторону коллективного творчества.

Но самодержавная монархия наилучше обеспечивает также и **количественное** коллективное творчество, ибо особенно способно к объединению больших и разнородных масс. Один из недостатков демократии состоит в том, что чистое проявление народного самодержавия физически возможно только в государствах очень малых. Теперь вошло в моду делать упреки Руссо за то, что он будто бы проектировал республики в 10 000 чел. Руссо ничего такого не проектировал,^[34] а совершенно правильно указывает только, что в сущности совершенная демократия возможна лишь в небольших общинах. Это, безусловно, верная мысль. Самодержавие народа способно сохранить непрерывность и постоянство действия верховной власти лишь при самых микроскопических размерах государства. Как только государство перерастает эти пределы, самодержавие народа должно прибегать к суррогатам **представительству** или **диктатуре**. Но представительство есть уже искажение народного самодержавия, ибо не выражает той народной воли, которая существует в действительности (то есть **духа** народа), но задается невозможной задачей выражать такую народную волю, какой совсем не существует на свете, и в результате создает **неправительство**, отрезанное от народа, то есть, стало быть, лишает верховную власть (самодержавного народа) участия в **управлении**; это же управление всецело отдает в руки правящего сословия политиков составленного крайне плохо и об интересах собственно нации не заботящегося.^[35]

Что касается диктатуры, то, будучи учреждением высоко целесообразным для отдельных чрезвычайных мер (в каковых случаях она одинаково практикуется и монархией), диктатура не может дать **постоянного** правительства, иначе как в форме узурпации, упраздняющей все достоинства всех форм верховной власти и соединяющей все их недостатки.

В то время как демократия только искажаясь может охватывать более значительные территории и более многочисленные нации, монархия, напротив, черпает лишь новые силы от расширения области своего владычества. Чем больше эта область, чем сложнее проявляющиеся в ней силы частного творчества, тем более растет и уясняется **объединяющий их идеал**, который в слишком малом и однообразном государстве остается как бы дремлющим и не сознающим своего содержания. Пределы расширению Империи под властью монархического самодержавия ставятся только человеческой способностью иметь **общие** высшие идеалы.

Что касается аристократии, то в отношении **количественного** национального творчества она еще слабее демократии. Давая и количественно и качественно более возможности развития нации, для обеспечения которого и возникает государство, монархии в такой же степени превосходят демократию в установлении прочности и единства правления. Ибо единства народной воли почти никогда не существует, а потому **верховная власть** в демократическом государстве, **как правило**, имеет те недостатки (шаткость, переменчивость, неосведомленность, капризы, слабости), которые в единоличном самодержавии являются лишь **как исключение**. Единство воли в отдельной личности столь же нормально, как редко и исключительно в массе народа. В организации самого управления монарх точно также свободно и безопасно пользуется гораздо большим числом природных сил общества, чем демократия. В общей сложности можно сказать, что **верховная власть** в лице монарха даже в **средних** своих образцах действует более разумно и твердо, чем демократия высоких образцов.

При этих очевидных преимуществах монархии не мудрено, что она составляла до сих пор как бы естественную норму государственной жизни человечества. В истории чаще всего мы встречаем именно ее, и величайшие эпохи национального творчества в большинстве случаев отмечаются именами монархов. Современные

демократии (во Франции, в Америке) **обещают** изменить ход истории, но уж слишком плохо исполняют обещание. Все более, напротив, становится вероятным предположение, что и современные запросы народов не будут на самом деле удовлетворены пока не дорастут до того идеального состояния, при котором способна будет и во Франции и в Америке явиться **монархия** и совершить то, что неспособны сделать их демократии.

Трудность возникновения и поддержания монархии зависит лишь от того, что она требует присутствия в нации живого и общеразделяемого **нравственного идеала**. Если бы нации никогда его не теряли, человечество, быть может, не знало бы иной формы верховной власти. Но в исторической действительности мы видим и борьбу, и смену этих идеалов, и крайнее их помутнение, а это уже все условия, при которых монархическое начало или совсем невозможно, или неспособно развернуться во всем доступном ему совершенстве.

Будущее монархического принципа в современных культурных странах определяется, без сомнения, тем, какое окончательное направление возобладает в миросозерцании культурного мира. В этом общем процессе выработки миросозерцания свою значительную роль может иметь **политическая наука**. Если ее усилия направятся на серьезное, действительно научное наблюдение основных форм власти, монархическое начало, по всей вероятности, будет наукой снова выдвинуто как орудие спасения и развития современной культуры, подобно тому, как это уже было в античном мире после такого же периода господства демократической идеи.

Приложение

ЗАВЕЩАНИЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III НАСЛЕДНИКУ

Тебе предстоит взять с плеч моих тяжелый груз государственной власти и нести его до могилы так же, как его нес я и как несли наши предки. Тебе царство, Богом мне врученное. Я принял его тринадцать лет тому назад от истекшего кровью Отца... Твой дед с высоты престола провел много важных реформ, направленных на благо русского народа. В награду за все это Он получил от русских революционеров бомбу и смерть... В тот трагический день встал передо мною вопрос: какой дорогой идти? По той ли, на которую меня толкало так называемое «передовое общество» зараженное либеральными идеями Запада, или по той, которую подсказывали мне мое собственное убеждение, мой высший священный долг Государя и моя совесть. Я избрал мой путь. Либералы окрестили его реакционным. Меня интересовало только благо моего народа и величие России. Я стремился дать внутренний и внешний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крепнуть, богатеть и благоденствовать. Самодержавие создало историческую индивидуальность России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним и Россия рухнет. Падение исконно русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междуусобиц. Я завещаю тебе любить все, что служит ко благу, чести и достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя притом, что Ты несешь ответственность за судьбу Твоих подданных пред Престолом Всевышнего. Вера в Бога и в святость Твоего царского долга будет для тебя основой Твоей жизни. Будь тверд и мужественен, не проявляй никогда слабости. Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся только Самого Себя и Своей совести. В политике внешней — держись независимой позиции. Помни, — у России нет друзей. Нашей огромности бояться. Избегай войн. В политике внутренней — прежде всего покровительствуй Церкви. Она не спасала Россию в години бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- [1] «Опыты по истории русского права», стр. 368, 369.
- [2] Курс Госуд. науки, т. 1.
- [3] Б. Чичерин. Основы Государ. науки, т. 1.
- [4] Русское государственное право. Москва. 1895 г. Ниже я, впрочем, вспоминаю те же лекции издания 1891 года.
- [5] Лекции 1891 года.
- [6] Основы, т. 1, стр. 60-62.
- [7] Contrat Social, кн. II.
- [8] Алексеев, стр. 130.
- [9] «Система русского государственного права».
- [10] Основания классификации государств в связи с общим учением о классификации. Москва, 1883.
- [11] Г. Спенсер. «Развитие политических учреждений».
- [12] Геродот родился и воспитался в персидском подданстве, и обстоятельства возведения на трон царствующей при нем династии, конечно, хорошо ему были известны по свежим преданиям, ибо от Дария Гистаспа Геродота не отделяло и столетие. Что касается эллинов, этого момента (век Перикла), у них еще не улегся демократический пыл и не являлось еще тех монархических тенденций, которые сказались позднее и подготовили монархию Александра.
- [13] У Геродота – «Олигархия»; наша терминология не совсем совпадает с древней.
- [14] Геродот, кн. III, стр. 80-82.

- ^[15] См., например, Сергеевича «Вече и Князь».
- ^[16] Хронограф Кубасова (см. Буслаева Ист. Хр.)
- ^[17] Нижеследующее изложение, большею частью буквальными цитатами, составлено преимущественно по знаменитой переписке царя Иоанна с Курбским: Н. Устрялов «Сказания князя Курбского» изд. 3, СПб. 1868.
- ^[18] «История России» Соловьева, кн. II, стр. 259.
- ^[19] Соловьев, кн. II, стр. 279
- ^[20] Г. Соловьев (**Ист. России**, кн. II, стр. 130) приводит летописное свидетельство о **венчании** Семиона Бекбулатовича на царство и **челобитную** ему самого «Ивана Васильевича с детишками, с Иванцом да с Федорцом»...
- ^[21] Соловьев, кн. IV, стр. 839-840.
- ^[22] А. Алексеев, Русск Госуд. Пр., стр. 190-191.
- ^[23] Духовный Регламент, стр. 9-10.
- ^[24] Основы, т. I, стр. 29.
- ^[25] Система Русск. Госуд. Права, стр. 193-194.
- ^[26] «Демократия либеральная и социальная».
- ^[27] «О церковной власти»
- ^[28] Н. Заозерский, стр. 2-29.
- ^[29] А. Пазухин. Современное состояние России и сословный вопрос.
- ^[30] К этому вопросу, в сущности, ближе всего подходит полицейское право, на котором, однако тяготеет его подчиненность общим идеям государственного права, а стало быть и всем неясностям этих идей.
- ^[31] Терминология, конечно, дело вполне условное. В дальнейшем изложении я принимаю слово «класс» как обозначение естественного слоя (экономического или иного происхождения), а слово «сословие» - как обозначение того же слоя, то есть класса, но уже получившего государственные функции).
- ^[32] Весьма интересны по этому предмету соображения Фулье, на которых я не останавливаюсь более подробно только по недостатку места.
- ^[33] Вопрос о свободе вообще чрезвычайно сложен и требует очень подробного рассмотрения, которое слишком далеко отвлекло бы нас от вопроса о монархической власти. Откладываю более подробное изложение до подготавливаемой мною работы «Об основаниях и условиях свободы».
- ^[34] Он же, напротив, сочувственно указывает Рим как образчик всемирной республики.
- ^[35] Об этом см. подробнее в «Демократии либеральной и социальной».